

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

ВЕСТНИК

**ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 6 (57)**

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

ЧИТА 2009

Основан
в 1995 г.



Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер:
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском
индексе научного цитирования
(РИНЦ)

Периодичность издания: 6 раз в год

Научные направления журнала,
рекомендованные ВАК РФ для пуб-
ликации результатов исследований
на соискание ученой степени канди-
дата и доктора наук: *искусствоведе-
ние, культурология, науки о земле,
педагогика, политология, право,
психология, филология, философия*

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом
отделении. Подписной индекс по
федеральному почтовому Объеди-
ненному каталогу Пресса России и
интернет-каталогу «Российская пе-
риодика» www.palt.ru: 82102.

Подписка осуществляется и через
редакцию. Также журнал можно при-
обрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-69-06
E-mail: rik@chitgu.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в
научном журнале «Вестник ЧитГУ»
являются авторскими и защищены
соответствующими правами. Пере-
вод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную,
возможны только с письменного раз-
решения Редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте к
главному редактору по электронной
почте, либо по почтовому адресу:
672039, г. Чита, ул. Александро-За-
водская, 30, «Вестник ЧитГУ»

*Мнение редакции не всегда совпада-
ет с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответ-
ствует качеству представленных
оригиналов*

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю. Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЧитГУ;
- Мальшев Е. А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной
работе ЧитГУ;
- Романова Н. П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Шалавина А. А.** – литературный редактор;
- Витовская М. А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю. Н. Резник, д-р. техн. на-
ук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского
государственного университета.

Члены редакционного совета: *Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-
р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита),
И.П. Глазырина, д-р эконо. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов,
канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор
(Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, про-
фессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н.
Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новоси-
бирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), А.Б.
Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р со-
циол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Акаде-
мии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук,
профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент
(Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Ту-
таренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н.
Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-
мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор
(Чита).*

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-
издательского совета ЧитГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 6 (57). – Чита: ЧитГУ, 2009. – 203 с.
Chita State University Journal. № 6 (57). – Chita St. Univ. Pr. 2009.



КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! В ваших руках очередной номер журнала «Вестник Читинского государственного университета».

В новогоднем номере положено подводить итоги и строить планы на будущее. Несмотря на все объективные и субъективные трудности, в истекшем году удалось выпустить шесть номеров нашего журнала. Я не буду подсчитывать сколько всего было опубликовано статей и материалов по всем рубрикам, каждая из них была достойно представлена в каждом выпуске журнала. Так что благодарю вас, уважаемые авторы, за вклад в наше общее дело. Спасибо вам, читатели, за преданность. Спасибо за все ваши вопросы, предложения, комментарии, критику и похвалу. Я хочу поблагодарить авторов статей журнала и всех сотрудников журнала.

Журнал вновь включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования в перечень ведущих научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых разрешены публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

В канун наступающих праздников Нового года и светлого праздника Рождества Христова всем сотрудникам, студентам желаю достижения поставленных целей, крепкого здоровья, добра, согласия, спокойствия и уверенности в будущем!

Желаю, чтобы наш вуз креп и развивался дальше, а мы с вами работали и учились в хорошем, стабильном, известном в сибирском и других регионах вузе – Читинском государственном университете!

Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ, заслуженный деятель науки

Работа диссертационных советов ЧитГУ во втором полугодии 2009 г.

Во втором полугодии 2009 г. работу по рассмотрению и проведению защит диссертационных работ соискателей ученых степеней проводили три диссертационных совета Читинского государственного университета:

– Д 212.299.01 (специальности: 25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения; 25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых; 25.00.22 – Геотехнология (подземная, открытая и строительная);

– Д 212.299.02 (специальность 25.00.36 – Геоэкология);

– Д 212.299.03 (специальности: 22.00.08 – Социология управления и 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии).

В диссертационном совете Д 212.299.01 успешно защищены две диссертационные работы на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.22 – Геотехнология (подземная, открытая и строительная).

1. *Медведев В.В. (Читинский государственный университет)* представил к защите диссертационную работу на тему «Обоснование эффективной технологии формирования породобетонной закладки при камерных системах разработки».

Научный руководитель: доктор технических наук, профессор В.М. Лизункин.

Соискателем разработана эффективная технологическая схема раздельной подачи породы и твердеющего раствора в отработанную камеру и методика расчета состава породобетонной закладки в зависимости от прочности и монолитности искусственного массива, объема заполнения его породой и времени начала схватывания твердеющего раствора. Разработанная технология и методика расчета рациональных параметров формирования искусственного массива приняты к проектированию рудника № 6 ОАО «ППГХО», что позволит уменьшить стоимость закладочных работ за счет снижения расходов на твердеющую закладку и исключение транспортирования породы на поверх-

ность.

2. *Фатьянов А.А. (ООО «Горнорудная компания Урей»)* выступил с защитой диссертации на тему «Обоснование комбинированной дражно-гидромеханизированной технологии разработки золотоносных россыпей Монголии и Забайкалья (на примере россыпи р. Туул)».

Научный руководитель: доктор технических наук, профессор М. В. Костромин.

Диссертантом обоснована последовательность применения дражного и гидромеханизированного способов в комбинированной дражно-гидромеханизированной технологии разработки россыпей. Установлены зависимости технологических показателей горных работ от комплекса экономических параметров. Доказана возможность проведения прогнозных расчетов работы горных предприятий, определяющих условия рационализации параметров комбинированной технологии с применением экскаваторной вскрыши торфов. Усовершенствована методика оценки эффективности данной технологии. Комбинированная технология внедрена при разработке россыпи р. Туул прииска "Заамар" в республике Монголия (чистый дисконтированный доход за пять лет составил 111996 тыс. руб.) и рекомендуется для применения на других россыпях Монголо-Забайкальской провинции.

В диссертационном совете Д 212.299.02 проведены защиты шести диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.36 – Геоэкология.

1. *Турушева Т.В. (Читинский государственный университет)* выступила с защитой диссертации «Совершенствование системы мониторинга воздушного бассейна урбанизированной территории и прилегающей рекреационной зоны в условиях Восточного Забайкалья».

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент В.В. Звягинцев.

В диссертационной работе в результате экспериментальных исследований решена задача по совершенствованию системы мониторинга воздушного бассейна на основе применения метода оценки по величине показателя флуктуирующей

асимметрии, что позволило существенно расширить сеть наблюдений. Создана карта состояния воздушного бассейна г. Чита, позволяющая выделить области экологического комфорта и неблагоприятные участки в целях определения районов для выполнения первоочередных мероприятий по улучшению состояния воздушного бассейна. Ежегодное картирование даст возможность проследить динамику распределения загрязнений воздушного бассейна и уровень экологической опасности в урбоэкосистемах, создать информационную основу для выработки управленческих решений.

2. *Наделяева Н.Н. (Читинский государственный университет)* защитила диссертационную работу «Защита водных объектов от загрязнения биоорганическим материалом очищенных стоков в регионах с резко континентальным климатом».

Научный руководитель: доктор технических наук, профессор В.В. Заслоновский.

Автором выявлена цикличность в работе сооружений биологической очистки сточных вод в регионах с резко континентальным климатом; научно обосновано применение флокулянтов, оптимальные режимы по их расходам в схеме биохимической очистки; предложен метод прерывания процесса естественного ухудшения седиментационных свойств активного ила. Практическая значимость исследования заключается в улучшении качества вод водных объектов регионов с резко континентальным климатом за счет интенсификации седиментационной способности активного ила и гравитационной коагуляции в первичных отстойниках, возможности ингибирования конструктивного обмена микроорганизмов в зимнее время. Даны рекомендации по применению флокулянтов на очистных сооружениях биологической очистки в районах с резко континентальным климатом в периоды повышенного адвективного выноса активного ила.

1. *Гончаров Д.С. (Читинский государственный университет)* представил к защите диссертацию «Критерии геоинформационного моделирования рационального размещения отходов горнопромышленного комплекса».

Научный руководитель: Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор В.П. Мязин.

Автором разработана структура геоинформационной системы рационального размещения отходов горнопромышленного комплекса, дающая

возможность конструирования экспертной системы самим специалистом-прикладником. Создан программный комплекс для поиска оптимальных схем размещения отходов с возможностью использования произвольного количества взвешенных критериев оптимизации. Даны рекомендации по размещению отходов горнопромышленного производства на территории Дарасунского рудника. Разработаны методические рекомендации по использованию геоинформационного моделирования при изучении дисциплины «Проектирование обогатительных фабрик» и при подготовке раздела «Охрана окружающей среды» в дипломных проектах, магистерских диссертациях.

5. *Щелканов Н.С. (Забайкальский аграрный институт)* выступил с защитой диссертации «Экологическая оценка биокосно-отвальной горно-технической системы угольных разрезов Забайкальского края для агротехнологий».

Научный руководитель: доктор технических наук, профессор Ю.М. Овешников.

В диссертационной работе дано решение актуальной научно-практической задачи снижения негативного воздействия угледобывающих предприятий на окружающую среду. Предложена технологическая схема рекультивации нарушенных земель на угольных разрезах Забайкалья, предназначенных под агросистемы, на основе использования вскрышного экскаватора-драглайна с учетом резко континентального климата региона. Предложен метод оценки наличия и конкретного содержания питательных веществ в поверхностном слое рекультивированных отвалов. Даны рекомендации по использованию восстановленных земель как агросистем с предложениями по посеву травянистой и кустарниковой растительности конкретного видового состава.

4. *Насоловец Н.Б. (ОАО «ЗабайкалцветметНИИпроект»)* представила к защите диссертацию «Защита атмосферы от пылегазовых загрязнений на карьерах и угольных разрезах Восточного Забайкалья».

Научный руководитель: доктор технических наук, профессор Ю.М. Овешников.

Научная значимость работы заключается в разработке методологии оценки пылегазового загрязнения атмосферы на карьерах и разрезах с использованием методов математического моделирования. Соискателем установлены закономерности распределения загрязнения атмосферы от

годовой производительности карьеров и угольных разрезов Восточного Забайкалья в летний и зимний периоды года. На примере угольного разреза «Харанорский» выявлено распределение концентрации пыли в рабочей зоне, как отдельного компонента загрязнителей. Предложен комплекс природоохранных мероприятий по снижению пылегазового загрязнения на основе рационального размещения склада отгрузки угля на разрезе «Восточный» и выноса жилой застройки горного поселения Вершино-Дарасунский за границу санитарно-защитной зоны.

6. *Сергеев Е.Н. (Читинский государственный университет)* защитила диссертацию «Обоснование экологической безопасности рентгенометрической сепарации сурьмяных руд Восточного Забайкалья».

Научный руководитель: Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор В.П. Мязин.

На основании выявления закономерностей по концентрации и техногенной миграции токсичных элементов на Жипкошинском сурьмяном месторождении автором предложена патентозащищенная методология построения экологически безопасной технологической схемы рентгенометрической сепарации (PPC) кварц-антимонитовых руд. Установлен перечень экологически опасных элементов, уровень их накопления в первичных кварц-антимонитовых рудах, продуктах их разрушения и в биокосном покрове месторождений. Выявлены закономерности концентрации этих элементов в сурьмяном промпродукте и концентрате, в отходах PPC. С использованием критерия экологической безопасности, разработанного на основе баланса распределения при переводе токсичных компонентов в отходы и концентрат, и с учетом класса опасности обосновано использование отходов PPC в качестве вторичного сырья (строительных материалов).

В диссертационном совете Д 212.299.03 успешно защищены восемь диссертационных работ.

По специальности 23.00.02 – *Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии*. К защите были представлены одна докторская и пять кандидатских диссертаций.

1. *Родионова А.К. (Читинский институт Байкальского государственного университета*

экономики и права) выступила с защитой диссертации «Федерализм: политико-институциональная организация и практика функционирования» на соискание ученой степени доктора политических наук.

Научный консультант: доктор политических наук, профессор Т.Е. Бейдина.

Научная новизна диссертационной работы заключается в исследовании федерализма как политического института, опирающегося на конкретные принципы, имеющего специфические признаки, формирующего свои модели в процессе эволюционного развития и являющегося основным элементом федеративной системы. Докторантом предложено концептуальное понятие федеративной системы как структурированного явления; сделан вывод, что организационные признаки федерализма предполагают формирование демократических основ в федерации, но не гарантируют реального утверждения демократии; обоснована императивная модель федерализма, сформировавшаяся в России. Результаты исследования могут использоваться при выработке программ политической модернизации федерализма в целях укрепления единства и целостности государства, предупреждения конфликтов, укрепления основ гражданского общества, а также в учебном процессе вузов.

На соискание ученой степени кандидата политических наук были представлены следующие работы.

2. *Комбаев А.В. (Бурятский государственный университет)* защитил диссертацию «Политические установки осужденных в современной России (на материалах Республики Бурятия).

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Э.Д. Дагбаев.

Диссертантом уточнено понятие осужденных как особой социальной группы, функционирующей в закрытой социальной системе; разработана методика изучения политических установок осужденных; выявлены их особенности, связанные с восприятием политической системы, власти, лидеров и политических сил; определены факторы изменения и формирования политических установок в местах лишения свободы у осужденных. Результаты исследования могут представлять интерес для управленческих структур уголовно-исполнительной системы, специалистов в области криминологических исследований, для организации социальной,

психологической и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях России.

3. *Бадмаева И.Ж. (Бурятский государственный университет)* представила к защите диссертационную работу «Объединение субъектов федерации в процессе развития российского федерализма (на материалах Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа)».

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Ц.Ц. Чойропов.

Цель диссертационной работы – обоснование объединения субъектов федерации как фактора развития российского федерализма. Соискателем установлено, что современный федерализм есть не только форма государственно-территориального устройства, но и система ценностей, в основе которой свобода личности, социальная ответственность, готовность вести диалог, способность идти на компромиссы для блага государства. Определены тенденции развития федеративных отношений в Российской Федерации; выявлены угрозы социальной стабильности объединенных Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, связанные с утратой автономии бурят, потерей национальной самобытности, сокращением федерального финансирования окружного бюджета; выработаны рекомендации по дальнейшему социальному и политическому развитию объединенного субъекта федерации.

4. *Кочетов А.А. (Читинский государственный университет)* выступил с защитой диссертации «Государственное управление системой работы уголовно-исполнительных инспекций федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации».

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор М.Ю. Швецов.

Автором проведен политико-правовой анализ механизма государственного управления системой работы уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний на примере Управлений исполнения наказаний России по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Доказано, что гибкость критериально-правовой основы деятельного исполнения наказаний без изоляции от общества в рамках государственной политики РФ будет более эффективной. Сформулированы приоритетные направления повышения эффективности и определен механизм совершенствования государственного управления службой

исполнения наказаний без изоляции от общества.

5. *Макарова Л.С. (Читинский государственный университет)* защитила диссертационную работу «Социально-политическая стратификация в США в условиях переходного политического процесса».

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор Т.Е. Бейдина.

Соискателем доказывается, что социально-политическая стратификация является политическим процессом, на который оказывают влияние расслоение американского общества на экономической и этнической основе, двухпартийная система, лоббистские структуры, общественно-политические движения, увеличение численности бюрократии и аппарата. Особенностью этого процесса на международном уровне является нацеленность на экспансию, расширение зон влияния Америки любой ценой, сохранение «однополярного мира». Установлено, что, несмотря на различное политическое устройство США и КНР, их характеризуют самоидентичность по отношению к другим странам (капиталистическое устройство экономики, устоявшаяся форма политического правления, отстраненность граждан от выбора руководящего состава страны, сложная этническая составляющая).

6. *Крикунова В.А. («Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского»)* выступила с защитой диссертации «Формирование молодежной политической культуры в современной России».

Научный руководитель: доктор философских наук Ю.В. Иванова.

Диссертантом уточнено понятие «молодежной политической культуры» как совокупности типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере; определена роль молодежной политической культуры как важнейшего структурного элемента политического процесса; выявлен характер связей между молодежной политической культурой, политическим процессом и государственной молодежной политикой, которая должна отражать стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического, культурного развития России, создавать возможности для реализации жизненного потенциала молодежи.

По специальности 22.00.08 – *Социология управления* защищены две диссертационные ра-

боты на соискание ученой степени кандидата социологических наук.

1. *Базарсадаева А.Д.* («Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского») представила к защите диссертацию «Молодежная безработица: основные направления государственного регулирования».

Научный руководитель: доктор социологических наук, доцент М.Б. Лига.

Соискателем предложено для формирования целостного представления о безработице рассмотреть социологическую концепцию жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности. Разработана методика исследования государственного регулирования молодежной безработицы в Забайкальском крае на основе социальных показателей уровня развитости жизненных сил и оптимальности организации жизненного пространства молодежи. Обоснована модель государственного регулирования молодежной безработицы в Забайкальском крае. Исследование вносит вклад в развитие социологии труда и экономической социологии, социологии молодежи, социологии управления.

2. *Скрипкарь М.В.* (Читинский государственный университет) защитила диссертационную

работу «Воздействие манипулятивных технологий кинематографа на процесс социализации и формирование ценностных ориентаций молодежи».

Научный руководитель: доктор социологических наук, доцент Н.П. Романова.

Диссертантом на основе материалов государственной и региональной статистики, эмпирических и теоретико-прикладных исследований, а также личных наблюдений установлена роль кинематографа в процессе формирования ценностных ориентаций молодежи. Выявлено, что возрастная дифференциация молодежи, различия по полу обуславливают различные ценностные ориентации. Установлено, что эффективность использования манипулятивных технологий кинематографа зависит от средств и способов воздействия, соответствия поставленным задачам и характеристикам объектов воздействия. Предложена авторская классификация преобладающих среди молодежи типов кинематографических предпочтений, определено, что сильной степени воздействия кинематографа на сознание подвержена молодежь с иллюстрипетальным типом; в меньшей степени – молодежь с инфригипетальным и сопорепетальным типами.

Гл. ученый секретарь диссертационных советов ЧитГУ **Н.П. Комова**



Научная жизнь

IX Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения» посвящена памяти первого ректора Читинского политехнического института Юрия Вениаминовича Кулагина. В этом году ему исполнилось бы 70 лет.

В рамках конференции запланирован и проведен ряд мероприятий, в том числе встреча ректора ЧитГУ Юрия Николаевича Резника, посвященная 20-летию аспирантуры ЧитГУ, и со студентами, аспирантами, учащимися лица, отличившимися в научно-исследовательской работе в 2008/2009 учебном году, и их научными руководителями; открытие музея истории Читинского государственного университета; открытие новой экспозиции выставки по итогам научно-исследовательской работы в университете за 2009 г.; презентация новой экспозиции «Корейская культура в Забайкалье» выставки «Культура народов Забайкалья».

26 ноября 2009 г. в актовом зале Читинского государственного университета в рамках IX Всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения» состоялась встреча ректора с аспирантами, студентами, учащимися лица, отличившимися в научно-исследовательской работе, в 2008/2009 учебном году, и их научными руководителями. Эта встреча впервые была организована в 2004 г. и сразу же стала популярной среди аспирантов, студентов и преподавателей университета. В этом году на встречу было приглашено 110 чел. (19 аспирантов, 37 студентов, 3 учащиеся лица и 51 научный руководитель).

Участниками этой встречи стали студенты и аспиранты, которые за прошедший учебный год добились значимых результатов в учебно- и научно-исследовательской деятельности, и их научные руководители. Традиционно на встречу приглашаются учащиеся лица ЧитГУ, которые заняли призовые места на городских олимпиадах.

Самым многочисленным по количеству участников стал энергетический институт. Аспиранты и студенты активно участвуют в конкурсе научных грантов ЧитГУ. Результаты своих исследований в виде докладов представляют на Международной молодёжной научной конференции «Молодёжь Забайкалья», и эти доклады всегда отмечаются наградами. Призеры этих мероприятий были также

приглашены на встречу. В апреле студенты группы ЭП-08 приняли участие в Региональной олимпиаде по начертательной геометрии и Региональной олимпиаде по графическим дисциплинам, где стали призерами. В этом году студенты ЭИ показали отличные знания в Региональной олимпиаде по теоретическим основам электротехники.

Аспиранты и студенты института социально-политических систем также оказались многочисленными на данном мероприятии. Результаты научных исследований, представленные студентами и аспирантами ИСПС на Международных и Всероссийских молодёжных конференциях, всегда отмечаются дипломами. В число приглашенных вошли студенты, доклады которых стали лучшими на XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»; Международной молодёжной научной конференции «Молодёжь Забайкалья»; победители конкурса научных грантов ЧитГУ.

Институт технологических и транспортных систем был представлен студентами, которые достойно отстояли честь университета на Всероссийских олимпиадах по начертательной геометрии и графическим дисциплинам, которые состоялись весной в гг. Красноярск, Иркутск и Владивосток. Ребята прошли все испытания и стали призерами этих олимпиад. Студенты и аспиранты ИТТС также принимают активное участие в конференциях различного уровня, где их доклады признаются лучшими. Таким образом, второй год подряд студенты, а ныне аспиранты становятся лучшими на Всероссийской научно-технической конференции «Механика XXI века».

Приглашенные студенты юридического института – это призеры Всероссийской олимпиады по специальности «Таможенное дело»; лауреаты областного конкурса среди студентов и аспирантов вузов на лучшую работу по вопросам избирательного права; победители конкурса научных грантов ЧитГУ.

Аспиранты и студенты горного института, приглашенные на встречу, приняли активное участие в конференциях различного уровня и отмечены дипломами различных степеней. Также в число приглашенных вошли победители конкурса научных грантов ЧитГУ.

Приглашенные аспиранты, студенты и учащиеся лица и их научные руководители были отмечены грамотами и благодарностями; награждены ценными подарками. В адрес ректората прозвучали слова благодарности от участников встречи.

Надеемся, что такое торжественное мероприятие, которое стало традиционным в нашем университете, будет стимулом и поддержкой для аспирантов и студентов университета!

30 ноября – 1 декабря 2009 г. в Читинском государственном университете прошла IX Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения», посвященная памяти первого ректора Читинского государственного университета (Читинского политехнического института) Ю.В. Кулагина.

Работа конференции была организована и проведена в форме пленарного, 32 секционных заседаний, 6 круглых столов, 1 выставки, 3 презентаций, 4 семинаров, видеомоста и мастер-класса с участием представителей учебных заведений и научно-исследовательских организаций России (гг. Чита, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ, Благовещенск).

В работе пленарного заседания участвовало более 200 чел. С приветствиями в адрес участников конференции выступили министр образования, науки и молодежной политики Забайкальского края К.И. Карасев, ректор Читинского государственного университета Ю.Н. Резник и один из старейших преподавателей университета Ю.П. Глушков. Заслушано 2 пленарных доклада. Доклады Н.А. Абрамовой и А.И. Трубачева (лауреатов премии имени первого ректора ЧитГУ (ЧПИ) Ю.В. Кулагина) были посвящены актуальным направлениям научных исследований и развитию научных школ, возглавляемых ими.

На секционных заседаниях конференции присутствовал 816 чел., было заслушано 313 доклада (из них 22 от иногородних участников) из 397 заявленных. Материалы конференции, содержащие заявленные доклады, опубликованы в сборниках научных трудов в 7 томах общим объемом 1433 страницы (62,3 п.л.) и выданы участникам конференции до ее начала.

Заслушав и обсудив доклады, представленные на пленарном и секционном заседаниях, участники конференции приняли следующее решение:

1) продолжить ежегодное проведение научной конференции Читинского государственного

университета под названием «Кулагинские чтения» в ранге Всероссийской с международным участием и провести ее 29 ноября – 2 декабря 2010 года. Ответственный за проведение конференции – Горный институт ЧитГУ;

2) расширить географию участников конференции и активнее привлекать к участию в ней ученых-практиков и студентов университета;

3) при составлении программы конференции учитывать приоритетные научные направления исследований на кафедрах и практические потребности региона;

4) ректорату и научно-исследовательскому управлению продолжить практику поддержки научных исследований студентов, аспирантов и сотрудников университета путем внутривузовских грантов и премии имени первого ректора ЧитГУ (ЧПИ) Ю.В. Кулагина, поощрения студентов. В целях активизации научной и инновационной деятельности студентов и учитывая предложения ведущих ученых университета, ввести дополнительные номинации – «Студенческие научные подразделения» и «Лучший проект студента ЧитГУ по направлению «Студенческие проекты в образовательном пространстве региона»; проводить конкурс грантов 2011 г. по 13 номинациям.

1. Поручить Совету ветеранов и директору музея ЧитГУ А.А. Жуковой подготовить к изданию сборник воспоминаний о Ю.В. Кулагине.

2. Для пропаганды результатов научных исследований и достижений научных школ и центров ведущих ученых университета:

– подготовить к изданию специальный выпуск по материалам заседания круглого стола «Проблемы развития техники и технологии горнодобывающего комплекса. Проблемы инновационных процессов и технологий в горном деле»;

– издать в 2010 г. очередной выпуск сборника «Инновационный потенциал ЧитГУ» и сборник «Направления научных исследований в ЧитГУ».

3. Выразить благодарность Оргкомитету IX Всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения» за организацию и проведение конференции.

Конкурс научных грантов Читинского государственного университета

В Читинском государственном университете, начиная с 2004 г., проводится конкурс на соискание

грантов для поддержки научно-исследовательской работы сотрудников, аспирантов и студентов. Основной целью конкурса является повышение эффективности процесса подготовки научных кадров путём создания благоприятных условий для выполнения научных исследований.

Конкурс проводится по общественным, естественным и техническим наукам.

По результатам конкурса грантов ЧитГУ 2009 г. (с финансированием в 2010 г.) было поддержано:

- 3 студенческих проекта;
- 3 проекта от аспирантов;
- 3 проекта от преподавателей;
- 2 проекта от научных подразделений.

Среди научно-исследовательских работ преподавателей были поддержаны проекты: заведующей кафедрой регионоведения Северной Америки Т.Б. Макаровой, заведующего кафедрой гидрогеологии и инженерной геологии А.Г. Верхотурова и докторанта кафедры водного хозяйства и инженерной экологии Н.М. Шарапова.

Среди представленных работ аспирантов были поддержаны проекты: аспиранта юридического института Ю.С. Поликутина, аспирантки института строительства и экологии А.А. Сартаковой, аспиранта института технологических и транспортных систем Е.Н. Курбатова.

Среди представленных работ студентов были поддержаны проекты: студентки института социально-политических систем Дэцзидэмы, студентки института строительства и экологии Ц.Б. Лыгдыновой и студента Энергетического института С.Г. Батухтина.

Среди поданных заявок от научных подразделений, зарегистрированных как структурные подразделения ЧитГУ, были поддержаны проекты: научно-исследовательского центра инновационных технологий Горного института, научный руководитель В.П. Мязин; научно-исследовательской лаборатории этнологических исследований института социально-политических систем, научный руководитель А.В. Жуков.

Дипломы победителям конкурса грантов ЧитГУ вручались в торжественной обстановке на пленарном заседании XI Всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения» 30 ноября 2009 г.

Подведены итоги выполнения научно-исследовательских работ по проектам-победите-

лям в конкурсе грантов ЧитГУ 2008 г. (с финансированием в 2009 г.). Всего в этом конкурсе было поддержано:

- 3 студенческих проекта;
- 2 проекта от аспирантов;
- 3 проекта от преподавателей;
- 2 проекта от научных подразделений.

По направлению «Технические науки» Макавеев Вячеслав, будучи аспирантом энергетического института, а ныне кандидат технических наук, – представил проект на тему «Разработка методики расчета теплогидравлических режимов закрытых систем теплоснабжения на основе математического моделирования». В рамках данного проекта предполагалось рассмотреть системы водоснабжения, в которых потребители теплоты присоединены к тепловой сети по закрытым схемам подключения. Выбор основан на том, что в г. Чита используется система теплоснабжения. Были выделены следующие этапы работы:

1) создание математической модели каждой из возможных закрытых схем присоединения абонентских установок к тепловой сети;

2) создание комплексной математической модели закрытой тепловой сети произвольной конфигурации на основе метода определения стационарного потокораспределения в многокольцевых гидравлических сетях;

3) разработка методики расчета гидравлического и теплового режимов теплосети по предложенной математической модели. В основе методики будут лежать системы нелинейных и линейных алгебраических уравнений, которые объединяют гидравлические и тепловые характеристики всех участков теплосети и потребителей теплоты;

4) разработка программного комплекса, реализующего математическую модель закрытой тепловой сети и расчетные методики;

5) проведение вычислительных и натурных экспериментов по оценке точности предложенной модели, корректности и вычислительной сложности расчетной методики.

По направлению «Естественные науки» среди студентов победил проект «Создание синтетических мембран из полимерсиликатных нанокмполитов» Сапроновой Татьяны и Проскуряковой Надежды. Данный проект затрагивает проблематику некондиционного авиационного топлива, смеси воды в котором приводят к авиакатастрофам. При выдаче на заправку самолетов топливо

фильтруют и подвергают сепарированию для удаления воды. Однако удалить таким способом полностью воду не возможно. Поэтому целью данного проекта является создание синтетических мембран из нанокompозитов поли-1,3-дибром-пропан-2-тион/каолинит для применения их в экспресс-анализе авиационного топлива. Основными этапами являются:

1) определение химического и минералогического состава глины Арбагарского месторождения. Выделение из глины чистого каолинита;

2) подбор эффективной методики создания нанокompозита из 1,3-дибромпропан-2-тиона и каолинита. Изучение его структуры и свойств;

3) создание синтетических мембран на основе полученного полимернаоглинистого композита. Применение их для экспресс-анализа на содержание воды в авиационном топливе.

По направлению «Общественные науки» победителем был признан проект старшего преподавателя кафедры теоретической и прикладной лингвистики института социально-политических систем Надежды Анатольевны Лихановой «Этнолингвистическое описание фрагментов региональной культуры». В результате выполнения данной научно-исследовательской работы была сформирована этнолингвистическая картотека по региональной культуре на основе диалектных и истори-

ческих источников, необходимая для научного осмысления фактов диалектной картины мира Забайкалья. Подготовленный языковой материал является одной из главных основ для написания монографии и будет использован в учебном процессе.

От научных подразделений университета были поддержаны проекты Читинского филиала Института горного дела СО РАН (ЧФ ИГД СО РАН) и научно-исследовательской лаборатории «Здоровьесберегающие технологии в высшей школе».

Научно-исследовательская работа «Теоретическое и экспериментальное обоснование фотоэлектрохимического способа синтеза системы пероксидно-гидрокислых окислителей для выщелачивания меди из сульфидных и смешанных руд Удоканского месторождения» выполнялась сотрудниками ЧФ ИГД СО РАН под руководством доктора технических наук, директора ЧФ ИГД СО РАН Артура Геннадьевича Секисова. В результате выполнения работ по проекту была разработана модель фотоэлектрохимического окисления сульфидных медных руд, а также технологическая и аппаратурная схема фотоэлектрического окисления сульфидных и смешанных руд Удоканского месторождения.

Начальник ИАО НИУ Т.Б. Бердникова



Культурология



УДК 75(510)

Ван Цзянь
Van Czin

СИМВОЛИЗМ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

SYMBOLISM OF CHINESE PAINTINGS

Затронуты вопросы влияния даосизма на китайскую живопись. Китайская культура символична на протяжении всей своей истории. Китайцы одарены яркой фантазией, которая с помощью символов психологически обогащает и помогает обеспечить здоровьем и счастьем людей. Автор рассматривает даосизм как невидимую силу китайского искусства

The article deals with the influence of Taoism on Chinese painting. Chinese culture has been symbolic throughout its entire history. Chinese people are endowed with colourful imagination, which enriches them in psychological sense and helps to remain healthy and happy. The author views Taoism as the invisible force of the Chinese art

Ключевые слова: даосизм, искусство Китая, эстетика искусства Китая

Key words: Taoism, art of China, aesthetics art of China

Духовные ценности и культурные традиции Востока характеризуются многотысячелетней историей их развития. Обращение к ним показывает, что трактовать историю и культуру Востока лишь в терминах его социально-экономического развития неверно. Достижения культур, и особенно философской мысли Востока, могут быть адекватно поняты и интерпретированы только в том случае, если мы отнесем к Востоку как к самостоятельному и самоценному феномену, а к его историческому пути – как к особому, специфическому достоянию цивилизации. Европейцу сложно понять специфику жизни и культуры Востока, Азии и, в частности, Китая. Рационализм Запада и практицизм Китая, пожалуй, только в одном смогут понять друг друга – в идее совершенства человека (только каждый из них

идет здесь своим путем). А так как искусство – отражение жизни, мысли о жизни, то все жанры древнекитайского искусства несли в себе глубокий нравственный смысл и идею совершенствования человека, настраивали на особое восприятие: восхищение природой, ее красотой и работой мастера. Но природа для китайского художника имела двоякий смысл: реальная природа отражала природу человека.

По словам Д. Роуля, основным принципом китайской живописи является разрушение оппозиции и выражение небытийного; любопытно, что если в традиционной византийской культуре существовал принцип господства Неба над Землей, то в китайской культуре господствует «Дао». Относительность религиозного характера китайской живописи автор объясняет тем, что традиционные религии Китая

(такие, как даосизм и конфуцианство) не ставили вопроса о божественной природе человека.

Китайцы, по мнению Дж. Роули, смотрели на жизнь через призму не религии, философии или науки, а главным образом искусства. «Кажется, что все прочие виды их деятельности были окрашены художественным мироощущением. Китайцы предпочитали религии искусство жить в этом мире, рационализации – поэтическое мышление, дающее простор воображению. А вместо науки они следовали фантазиям астрологии, алхимии, геомантии и предсказаниям судьбы. Если эти наблюдения кажутся излишне вольными, обратимся к живописи как таковой. Китайская живопись никогда не была служанкой религии» [1; С. 9].

В Китае издавна говорят о близости живописи и каллиграфии. Считается, что первоначально каллиграфия и живопись существовали в слитной форме, не различаясь. Прообразы иероглифов были уже созданы, но еще весьма простые, в них еще не были воплощены идеи – тогда и возникла письменность. Однако в иероглифах еще нельзя было увидеть облик вещей, и поэтому появилась живопись. Художники и каллиграфы пользуются одними и теми же материалами и инструментами (кисть, бумага и тушь) и одинаковым линейным способом письма. Между китайской каллиграфией и живописью много общего. Развиваясь в стилистическом единстве, они взаимосвязаны и продвигают друг друга вперед. Это говорит о том, что в основе китайского изобразительного искусства лежит линия.

Фактически, живопись – это микрокосм, соответствующий макрокосмосу, одна линия, т.е. триграмма, и в живописи, и в каллиграфии издревле означает в китайской культурной традиции не просто линию, а выражает достаточно сложные явления, к примеру, начало творения, отделение Неба от Земли. «В традиционной китайской теории происхождения живописи важны, прежде всего, несколько обстоятельств: утверждение одновременности возникновения письменности и живописи и отрицание общепринятой концепции постепенно-

го перерастания изображения в знак, т.е. отход от изобразительного искусства в сторону схематизации и графической условности письменности; естественного прагматического значения и глубокого философского смысла в элементарном знаке-линии» [2; С. 12].

В основе китайского изобразительного искусства лежит линия. «Самыми простыми линиями китайские живописцы создали произведения высокого художественного совершенства. То твердые, то плавные, то строгие, то летучие, линии верно схватывают образ, причем каждая из них претерпевает много изменений при передаче мельчайших нюансов и чувств самого живописца. Такое мастерство неотделимо от техники владения кистью, совершенствующейся на протяжении многих веков. Тот, кто не уяснил связи между каллиграфией и живописью, не понимает художественного эффекта рисунка, сделанного кистью на мягкой волокнистой бумаге, тому трудно постигнуть всю прелесть китайской традиционной живописи» [2; С. 14].

Китайская живопись пронзительна пониманием и чувствами природы, китайской эстетики. Существовали особые сочинения о том, как писать пейзаж той или иной горы, какой смысл нужно вкладывать в пейзажи. Настоящий мастер должен находиться в тихой обители, в долине чистой и светлой, подобно его духу, ибо природа врачует душу. Он должен быть странником, но путь его странствий и поиски новых мест не должны происходить во внешнем мире. «Не выходя со двора, мудрец познает мир, не выглядывая из окна, он видит естественное Дао. Чем дальше он идет, тем меньше познает. Поэтому мудрый человек не ходит, но познает» («Дао-дэ цзын», 48 жан). Таким образом, пейзажная живопись призвана стать местом странствия человеческого духа, сменив всякую тягу человека к перемене мест и поискам новых впечатлений. Влияние идей даосизма прослеживается у таких знаменитых мастеров классического китайского пейзажа, как Ли Чэна (X в.), Го Сина (X в.), Ми Фу (XII в.), Ни Цзяна (XIV в.). На картине Ту Кайчжи изо-

бражены горы (любимое место обитания даосов). Горы окружают ущелья, вершины скал изображены окаменевшими облаками. На одном уступе сидит красный феникс (символ юга и огня), на другом – белый тигр (символ запада и смерти). В центре картины – группа даосов, возглавляемая Чжаном Даолинем. Чжан Даолинь указывает рукой на персиковое дерево – символ бессмертия. Ту Кайчжи (неодаосист), его картины пронизаны даосской символикой. Впоследствии художники отказались от явных аллегорий и частого изображения бессмертных, природа же предстает все более преображенной и одухотворенной.

За тысячелетия китайская живопись выработала свой лаконичный художественный язык. В китайской живописи растения символически изображают четыре времени года, а луна или свеча – глубокую ночь. В ней очень редко изображают конкретное время суток, ясность или пасмурность погоды. Такого рода язык символов, лишенный предметной реальности, близок и понятен истинному ценителю китайского искусства. Иногда изображенное на картине конкретное время суток определяется стихотворной строчкой, усиливающей ассоциацию зрителя. Например, нарисовав нежный цветок мэйхуа (цветок сливы), художник сбоку наносит кистью стихотворную строчку: «Легкий аромат расплывается в бледном свете луны». Конкретное время передается содержанием картины с изображением и стихотворной строчкой. «Структуру живописного свитка определяют важнейшие начала – Небо и Земля, между которыми разворачиваются основные действия, определяющие внутреннюю динамику картины. «Трактаты по искусству композиции учили художника: «Прежде чем опустить кисть, непременно определи место Неба и Земли... Между ними заботливо расположи пейзаж». Дуалистическая структура мира, утверждённая в глубокой древности, представляла как зримо воплощённые в Небе и Земле два противоположных принципа мироздания: мужская сила — (Ян) и женская сила — (Инь). Взаимодействие этих сил порождало пять пер-

воэлементов: воду, огонь, дерево, металл и землю, из которых образовано всё реальное, всё сущее. Годовой цикл воплощал круговорот рождения и смерти вещей. Четыре времени года — излюбленный мотив китайских художников. Кульминацией этого цикла был день зимнего солнцестояния, когда сила ян испытывала наибольшее напряжение, когда свершалось таинство слияния Неба и Земли, когда в недрах тьмы зарождался свет, поэтому зимний, снежный пейзаж считался лучшей формой в выражении сути бытия» [3].

Искусство, как и религия, имеет своим предметом внутреннюю реальность. Художник раскрывает внутреннюю, а не внешнюю сторону жизни. В этом отношении он подобен мистiku, но мистик ищет «жизнь изобильную», а художник становится творцом. Это творение является плодом «бракосочетания духа и материи», как сказали бы средневековые схоласты. «Всякое творение определяется особенностями видения художника как творца, содержанием опыта, который преобразует художник-творец, и качествами духовности, которую он мечтает отобразить в своем творчестве. Является ли его абсолют божественной личностью или слепой силой? Какие человеческие способности помимо воображения ценит он превыше всего — веру, интуицию, разум или чувства? Можно ли подвергнуть анализу естественный мир, или он должен остаться таинственным? Пока мы не познаем существо Природы, Человека или Бога или, как говорят китайцы, Неба, Земли и Человека, мы не поймем до конца искусство любой культурной традиции» [1; С. 8].

Для китайского искусства характерно стремление отразить неявленный абсолют, «непереполняемую пустоту». В этом невысказанном инобытии — суть Дао. Искусство для китайцев — это Дао, выраженное в чувствах. Запредельность задачи требует не только профессионального мастерства, высокого уровня духовной организации художника, но и особого, непривычного для европейцев, подхода к изобразительному искусству. Лист чис-

той бумаги для художника, как и предваряющая творческий процесс музыканта тишина — это Вселенная до разделения первостихий инь и ян. Сам процесс тождественен рождению «тмы веществ». Однако внимание художника не должно быть сконцентрировано на внешних формах, оно сосредоточивается на сакральной пустоте, а в живописи — это проблема пустого пространства. Такая особенность придает китайскому искусству мистическую окраску и погружает прикасающихся к нему в мир эфемерных форм и иррациональности. «Важнейшим ценностным критерием произведений китайских авторов является безыскусность, которую следует отличать от грубой примитивности. От художника требуется, в первую очередь, «чистая душа» и следование природе» [4; С. 15]. Сунь Минжуй, даос монастыря Лоугуаньтай пров. Шэньси, вырастив более тысячи сливовых деревьев, всю жизнь изображает на картинах цветы сливы. Живопись «мэйхуа» — одна из самых излюбленных и утонченных в жанре «цветы и птицы». В январе 1989 г. на всекитайском конкурсе «Кубок золотого дракона» (цзиньлунбэй) Сунь Минжуй было присуждено второе место.

Законы китайской живописи вырабатывались веками. Известен древний трактат «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно», в котором образцы изображений, техника исполнения, определенные приемы композиции, перспективы цветовой гаммы основываются на даосских космологических принципах — целостность единого мироздания передается посредством изображения отдельного, единственного. Издавна китайские художники славились утонченным мастерством через частное передать всеобщие законы бытия, отдельными элементами картины — взаимосвязь явлений и событий. Поэтически проникая в окружающий мир, они помогали зрителю прикоснуться к вечным тайнам Земли и Неба, ощутить гармонию Вселенной. Примерами влияния даосского мироощущения на творчество современных художников могут служить картины «Сосна» Цин Сюегуна (р. 1917), «Ут-

ренный вид гор Цинчэншань» Шэнь Цюаньлиня (р. 1950), «Мелодия Духа реки Сяцзян» Се Сяоли (р. 1958) и др.

Китайские художники охотно рисовали пейзажи на шелке. В некоторых картинах поражает одна особенность: например, на фоне величественных гор фигурки людей чрезвычайно малы. Эта несоразмерность вытекала из даосистского мировоззрения художников. Согласно философии даосизма, человек незначителен по сравнению с первопричиной мира — Дао, воплощенной в величественных явлениях природы. Определенное своеобразие придавали китайской живописи на шелке текстовые пояснения к картинам. Эти иероглифические тексты были обычно очень краткими, выразительными и содержали образные формулы старинной китайской мудрости. Их выполняли тушью очень тонкими кисточками, специально предназначенными для каллиграфических надписей. Рисунок и текст в китайской живописи на шелке всегда были настолько связаны по смыслу, что воспринимались зрителем как единое целое.

Китайские картины — это такой вид искусства, который невозможен без своего рода «соучастия» автора и зрителя. Картина настоящего художника пробуждает в зрителе множество мыслей и чувств. Одним из самых излюбленных объектов эстетического воплощения в живописи является бамбук. На китайских картинах бамбук — это не просто растение, а символ человеческого характера. Изображая бамбук, художник воспекает настоящего мужа высоких моральных качеств, порой сравнивая с ним свой характер. Конечно, если он не сумеет передать стойкость и жизненную силу растения и трепет его листьев под невидимым ветром, то и зритель не увидит в нем символ благородного мужа чистых и высоких устремлений. Поэтому овладеть секретами живописи тушью совсем не так уж просто. Как в живописи, так и в каллиграфии важно безупречное владение кистью. Ведь каждый мазок кисти с тушью, ложась на пористую бумагу, должен быть безукоризненно точным, т.к. ни

стереть, ни поправить его уже невозможно.

С популярностью бамбука может соперничать только изображение ветки с нежно-розовыми, белыми или жёлтыми цветами дикой сливы мэйхуа. Она также символизирует гордого человека кристальной чистоты, негибаемость и стойкость, т.к. живые соки сохраняются в деревьях и в морозы. «Цветок означает солнечное начало Ян, а дерево, ствол и ветки, наполненные соками земли, олицетворяют её силу Инь. Символика мэйхуа конкретна: цветоножка — это абсолютное начало; чашечка, поддерживающая цветок, рисуется тремя штрихами, т.к. воплощает три силы — Небо, Землю и Человека. Сам цветок является олицетворением пяти первоэлементов и поэтому изображается с пятью лепестками. Все части, связанные с деревом, имеют чётное количество элементов, что отражает устойчивость — свойство Земли» [5].

Живопись в Китае практически никогда не была «искусством ради искусства», но всегда содержала задачу нравственного совершенствования личности. Разница между двумя типами социальной функции живописи сводилась лишь к способу воздействия искусства на человека. Соборность восприятия экзотерического искусства в рамках конфуцианской традиции разрушалась многослойностью смысла живописного символа. Таким образом, культура воспринимающего определяла глубину понимания образа. Целостность и общность художественного видения была не на уровне восприятия, а в самой образной системе.

Художник воспроизводил в своем произведении не субъективное видение окружающего мира, а выражал заранее заданную и определенную истину. Поэтому традиционная китайская живопись не открывала новое, не учила, а поучала, служила нравственному совершенствованию. Задача художника состояла в том, чтобы раскрыть трансцендентную идею, единую и вечную в преходящих формах бытия. В определенной мере этим обуславливалась и традиционность живописи, поскольку исполь-

зование готовых формул считалось наиболее эффективным приемом для выражения вечной истины. И то обстоятельство, что художник должен был всегда руководствоваться готовыми художественными формулами, заставляло его идти на поиски самых тонких импровизаций, в которых и могла бы раскрыться индивидуальность художника. Соответственно, и зрителям приходилось учиться воспринимать подобные нюансы. В целом, то обстоятельство, что живописные свитки представляли собой серии символов, способствовало тому, что в сфере восприятия искусства развивалась система ассоциаций, ибо прочтение этих символов требовало ассоциативного мышления, которое создавало общность и целостность восприятия разрозненных символов.

Китайская живопись отличается от западной не столько набором технических средств, сколько принципиально отличным художественным языком, более условным и декоративным. Сложно опознать эмоциональную насыщенность китайской живописи, поскольку у китайцев другие способы проявления чувств и другое отношение к самим этим чувствам. Внутреннее напряжение и противоречивость западных полотен производит на китайского зрителя впечатление неоправданных агрессивности и хаотичности.

Таким образом, мы отмечаем две составляющие мировоззренческого, идейного начала китайской живописи. Если вновь обратиться к европейскому искусству, то мы скажем, что и китайские художники были мастерами, которых уважали многие поколения китайцев. Они отразили в своем творчестве любовь китайцев к практическому миру, который их окружал. Об этом говорят мебель, ширмы, керамика и фарфор, которые представляют собой превосходные произведения искусства. Как заметил Дж. Роули, «даже самые незначительные предметы сделаны рукой вдохновенного мастера, самая ничтожная деталь свидетельствует и об участливом внимании и о творческом воображении её создателя» [1; С. 10].

1. Роули Дж. Принципы китайской живописи / Дж. Роули. – М.: Наука, 1989.

2. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая / Е.В. Завадская. – М., 1975.

3. Азиатская библиотека. Изобразительное искусство / Горбачев Б.Н. Русско-китайский

разговорник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://asiapacific.narod.ru/countries/china/art.htm>

4. Вэнь Цзянь. Даосизм в современном Китае / Вэнь Цзянь, А.А. Горобец. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2002.

5. Живопись древнего Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.affresco.ru>

Коротко об авторе

Briefly about the author

Ван Цзянь, аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Раб. тел.: 26-22-29

Van Czin, Post-graduate student, CSU

Научные интересы: философия культуры Китая, искусство Китая, эстетика искусства Китая

Areas of expertise: philosophy of Chinese culture, Chinese art, aesthetics of Chinese art





УДК 008.001

Казакова Елена Юрьевна
Elena Kazakova

СЕМИОТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «МОЛЧАНИЕ» КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

SEMIOTIC CATEGORY «SILENCE» AS A WAY OF LEARNING ETHNIC CULTURE

Рассматриваются особенности функционирования семиотической категории «молчание» в разных культурных картинах мира. Предложена классификация категории «молчание» как способа познания мира

The article regards peculiarities of semiotic category «silence» in different cultural world views. The author offers classification of the category «silence» as a way of world learning

Ключевые слова: культурная картина мира, семиотическая система культуры, знак

Key words: cultural world view, semiotic system of culture, sign

Общеизвестно, что в современной науке гуманитарного познания мира существует значительное количество подходов к пониманию определения культуры: описательный, ценностный, деятельностный, функционалистский, герменевтический, нормативный, духовный, диалогический, информационный, символический, типологический и др. Однако отмеченные подходы имеют общую составляющую: культура – это совокупность неких элементов, форм человеческого поведения, содержащих в себе зашифрованную информацию о значимых категориях изучаемого культурного сообщества. Данные элементы, формы поведения можно назвать знаками, которые слагаются в определенную систему. Учитывая сказанное, культуру следует определить как семиотическую систему, включающую знаковые подсистемы. Знаковую систему культуры необходимо рассматривать с истоков зарождения этноса.

Семиотический подход к изучению куль-

туры обозначен в трудах Ю.М. Лотмана, А.С. Кармина, В.А. Масловой, М.С. Когана и др. Среди значимых знаковых категорий культуры мы выделяем категорию «молчание», которая присутствует во всех культурах, но в разных лингвокультурных общностях функционирует по-разному. В контексте данной статьи предлагается анализ семиотической категории «молчание» как составляющей культуры и как способ ее познания.

Значимость категории «молчание» в культуре отражается через тексты. Так, изучая философские трактаты, можно обратиться к основным постулатам Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера. По мысли немецкого философа Карла Ясперса, «интерпретация многозначности шифров, в которых заключена действительность, допускает бесконечное множество толкований и находит свою границу лишь там, где кончается язык. Она совершается в молчании. Но эта граница сама существует только благодаря языку. В процессе языкового сооб-

щения молчание становится своеобразным способом сказать о чем-то. Это молчание — не умалчивание о чем-то, что я знаю и о чем мог бы сказать. Это, скорее, молчание пред тем, кто мыслит вместе с тобой, молчание пред самим собой и молчание пред трансценденцией, исполненное на границе того, что может быть сказано. Это молчание – не немота безъязыкости, которая ничего не говорит, а следовательно, и не молчит.

Так обстоит дело с шифрами. Мы слышим их словно бы из различных кругов, которые располагаются вокруг трансценденции. Или мы обращаемся к ней через их посредничество. Но шифры никогда не есть то, что мы ищем в них или чувствуем в них, или познаем в них. Поэтому мы стремимся выйти дальше, за них, в глубину или ввысь, туда, где кончается всякий язык шифров и где происходит прикосновение к трансценденции — в знании о незнании, т.е. в этом исполненном молчании» [7; С. 58].

Таким образом, молчание в данном контексте является полем культуры, в котором происходит интерпретация шифров, заключенных в знаках. При этом какой смысл приобретет знак – зависит от сложившейся знаковой системы в той или иной культуре.

Категория «молчание» функционирует в культурном поле разных национальностей, ее план содержания может отражать как универсальные, так и специфические понятия культурных картин мира. Проведя исследование, можно будет говорить о ключевых для изучения национальных культур значениях молчания. Мартин Хайдеггер рассматривает молчание как источник, основание для языка бытия, языка, выполняющего формативную функцию. Молчание у философа выступает в роли «чистилища» мысли и языка, средством очищения от публичности языка, научает ответственности за сказанное и собирает для самой мысли [7; С. 76].

По мнению Ю.М. Лотмана, культуры различаются направленностью языка: есть языки, направленные преимущественно на

выражение, и языки, направленные преимущественно на содержание. Сочетание молчания и слова в коммуникации создает направленность языка на содержательную основу, но не на выражение.

Русская культура, на наш взгляд, ориентирована на связь между содержанием и выражением. Связь эта заключена в молчании как способе познания мира. Проявление русской культуры двойственно: с одной стороны, она молчалива, целомудренна, застенчива, берегущая свой сокровенный смысл, стыдящаяся его выговорить, вывести наружу; с другой – необычайно говорлива, утомительно многословна, и слова в ней преимущественно заменяют дела. Представляется, что оба эти мнения верны и по сути не опровергают, а усиливают друг друга. Два свойства русской культуры – молчаливость и многоречивость – взаимосвязаны. И это не простая антиномия, где оба противоположных положения верны. Само молчание растет и усиливается по мере говорения, и сама говорливость происходит от напряженности и невыразимости молчания. Молчание растет вместе с речью, чем больше «взбивается», «взбалтывается» речь, тем больше немоты таится на дне.

Русский язык тем и удивителен, что выставляет наружу свою глубинную бессловесность, громко и упорно молчит, пряча это молчание за обилием слов. Каждое слово, рожденное из молчания, обладало силой, строило действительность. Здесь следует вспомнить о том, что в своей письменной форме он возник как язык «священного писания», не пустословия, а собственно самого бытия.

«Русский язык – язык эллинистический. В силу целого ряда исторических условий живые силы эллинской культуры, уступив запад латинским влияниям и ненадолго загнивая в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи... и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью. <...> Жизнь языка в русской исторической действительности перевешивает все другие факты полнотою явлений, полнотою бытия, пред-

ставляющей только недостижимый предел для всех прочих явлений русской жизни. Эллинистическую природу русского языка можно отождествить с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие. <...> Ни один язык не противится сильнее русского назывательному и прикладному назначению. Русский номинализм, т. е. представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка..." [5; С. 246].

Однако в условиях всеобщего технологического прогресса, высокого темпа развития средств связи, которые позволяют мгновенно передавать информацию, люди все меньше молчат. «Спешащие» редко исследуют глубину принимаемой информации, а следовательно, дают поверхностный ответ, делают преждевременные выводы. Мы живем в обществе тотального говорения. Обилие слов затмевает формативную функцию русского языка, усиливая внутреннюю недосказанность, растущее молчание. Поверхностно познавая мир, участники коммуникации перестали предавать необходимое значение словам.

Появилось мнение о том, что понятие «тишина» идентично категории «молчание», данное суждение отражено в толковых словарях. Однако при более глубоком изучении первое понятие трактуется как отсутствие всяких смыслов, так называемый нулевой речевой акт, а второе – как сложное коммуникативное целое. Об этом свидетельствует существование большого количества выражений, таких как «гробовая тишина», «безмолвная тишина», но «многозначное молчание» или «молчеловие», «глубокое молчание», «бездонное молчание», «хранить молчание». Молчание – состояние по действию, другими словами, функция молчания – действовать, влиять на кого-либо, а влиять нельзя, бессмысленно.

Функцию «тишины» трудно определить, это «чистое» состояние без подтекста. Следуя определению Ч. Пирса о знаке как единстве означаемого и означающего, можно отметить, что тишина – это понятие, где означающее

равно отсутствию звуковой формы, означаемое – отсутствию смыслов.

Молчание – знак, где план выражения также равен отсутствию звуков. Однако план содержания несет в себе спектр разных значений, определить которые можно лишь из контекста ситуации. При этом у каждой культуры есть своя область умалчивания. Так, М.Н. Эпштейн считает, что самое громкое молчание – в русской культуре. Именно тексты русской литературы славятся молчанием, а точнее, подтекстным молчанием, когда читатель, воспринимая один и тот же вербальный текст, получает разную информацию от произведения. Слова лишь очерчивают область молчания, то, что невозможно постичь с помощью языка, постигается с помощью молчания.

Тишина пуста, она освобождена от мыслей, поэтому сквозь нее можно многое услышать. Так, у А.П. Чехова «Сцена пуста. Слышно как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно... Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий и печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву» [Чехов, С. 321]. Тишина позволила услышать звуки, увлекающие читателя, зрителя в мир молчания, при этом у каждого своя область, своя сторона мира смыслов. Однако парадокс в том, что тишину можно было услышать и в нескончаемом потоке пустословия героев, словно они хотят заглушить мысль ненужными, пустыми словами, боятся погрузиться в «многозначное молчание». Здесь не слово означило область молчания, это за него сделало действие, общая картина произведения.

Молчание обладает полисемантической, нет необходимости дополнять эту категорию словами, звуками. Оттенки смыслов «молчания» можно пронаблюдать в литературном тексте Л. Андреева «Молчание», который строится на противопоставлении двух категорий. Молчание росло вокруг о. Игнатия:

сначала молчала Верочка, затем «... во всем доме наступило молчание. Это была не тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы и говорить, но не хотят» [1; С. 164]. Молчало все вокруг, где-то рядом, казалось, зарождался звук, но обрывался и умолкал, и этот тяжелый смысл, который может передаваться только с помощью молчания, сводил с ума героя. Тяжелый груз слов автор передает читателю посредством общего настроения рассказа, действия, но в основном, это бремя сохранено между строк, т.е. вновь через область умалчивания. Молчание как утаивание чего-то важного, горького Верочки и неспособность отца услышать скорбь этого молчания привело к молчанию – наказанию, суровому и невыносимому. Вся тишина в мире – легкая и бессмысленная превратилась для о. Игнатия в неподъемный груз молчания, даже кладбищенская тишина стала многоярусным молчанием. Молчание в данном тексте – главный герой. Он нестатичен, развивается, растет, становится живым, затем остается единственным в пространстве текста, единственным, но не однозначным. Грань между данными категориями неустойчива, зыбкая, сложно проследить, когда «гробовая тишина» наполняется смыслами и модифицируется в «многозначное молчание».

По мысли Х. Орега-и-Гассета, «каждый язык – это особое уравнение между тем, что сообщается, и тем, что умалчивается. Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое. Ибо все сказать невозможно. Вот почему переводить так сложно: речь идет о том, чтобы на определенном языке сказать то, что этот язык склонен умалчивать».

Обратимся к восточной культуре. Так, бурятская культура, как и все восточные культуры, тяготеет к интимному, интуитивному постижению смыслов, поэтому и молчание здесь является не столько эмоциональной заменой вербального общения, сколько коммуникативной нормой. Молчание в бурятской культуре тесно связано с этическими нормами и прави-

лами жизни, с наличествующей религией. Жизнь бурят, в известной мере, зависела от природных условий. В свою очередь, только природа многозначительно молчит. В связи с этим молчание является ментальной особенностью данного народа. Интерпретация знака будет основываться на коммуникативной ситуации. Чаще всего категория «молчание» обозначает уважение и смирение. Ситуацию предвыбора, в которой каждой языковой личности необходимо вести себя аккуратно, описывают многие бурятские поговорки, пословицы и иные устойчивые сочетания. Например, Агта алдабал, баригдаха, ама алддабал – баригдахагуй, т.е. коня упустишь – поймаешь, слово обронишь – не поймаешь, или Хамар доро хахархай аман байнал гэжэ бу шаша (дуугара), т.е. не болтай на том основании, что под твоим носом есть рот [2; С. 47].

Семантическая глубина категории «молчание» и предварительный анализ данной категории позволяет говорить о функционировании ее значений в важных составляющих компонентах культурной картины мира. Следовательно, молчание можно изучать как способ познания мира. Предлагаем классифицировать данную семиотическую категорию на религиозное, бытовое, эстетическое молчание.

Религиозное молчание. Общеизвестно, что под религией принято понимать «мироощущение, моральные нормы и тип поведения, которые основаны на вере в существование сверхъестественных сил – Бога, богов, определяющих судьбы людей, а также совокупность специфических действий, обеспечивающих связь человека со сверхъестественными силами....» [8; С. 56]. Исходя из сказанного, можно выделить следующие подтипы религиозного молчания:

– *обрядовое молчание* – молчание, которое необходимо соблюдать, участвуя в религиозных обрядах. Так, в культуре славян существовал обряд, которым заканчивалась жатва хлеба: «чтобы не обидеть землю, последний сноп всегда жали молча, потом, не произнося ни слова, уносили домой. Этому снопу припи-

сывалась магическая сила. Внося дожиночный сноп в дом, хозяйка произносила приговор...» [Рыбаков, С. 161]. В шаманизме бурят существует обряд, связанный с молчанием – переселение души в шамана. Считается, что, если кто-то скажет слово во время ритуала, он проявит неуважение к умершим предкам, и душа, переселившаяся в шамана, уйдет;

– молчание как испытание духа, постижение смыслов – молчание, которое добровольно принимает человек как обет для какой-либо цели, для искупления вины или для того, чтобы услышать Глас Божий. Исихазм признавал, что именно молчание и отрешенность способствуют очищению человеческой души, необходимому для единения с Богом.

На основе византийского исихазма на Руси возник институт отшельничества. Молчальники добровольно накладывали на себя обет немоты. Это являлось целью достижения внутреннего прозрения и одновременно своего рода испытанием [3; С. 73].

Бытовое молчание. К данному виду относится категория «молчание», употребляемая в повседневных, принятых обществом, традиционных моделях поведения. Здесь можно выделить следующие типы:

– молчание как ритуал поведения, сформировавшийся в культурной картине мира. Истоки такого молчания скрываются в традициях и верованиях представителей разных культурных картин мира. Однако с течением времени окраска религиозности была утрачена. Данное предположение объясняет обозначение значения категории «молчание» как ритуала во многих ситуациях повседневного поведения. Ритуализованной, например, является минута молчания. Минута молчания – это несколько мгновений тишины в знак выражения скорби об умерших. В культуре бурят ритуал приветствия хозяином гостя сопровождается молчанием в знак уважения;

– молчание в межличностной коммуникации – самый распространенный тип молчания, получил свою репрезентацию в вербальных единицах: пословицах, поговорках, фра-

зеологизмах. В пространстве русской культуры молчание связано с родством душ участников коммуникации, когда слова только мешают пониманию: «Только самым близким людям есть о чем помолчать». В определенных ситуациях молчание приобретает значение высшего проявления агрессии, «он и молчком ругнет». Данный тип молчания связан также с иерархическим поведением участников коммуникации. Так, в традиционной культуре бурят ученик должен молчать в присутствии учителя, ребенок – в компании взрослых, подчиненный – в присутствии начальника, если последний не вступает в диалог сам.

Эстетическое молчание. «Эстетика, изучающая природу всего многообразия выразительных форм окружающего мира, их строение и модификацию, ориентирована на выявление универсалий в чувственном восприятии выразительных форм реальности...» [8; С. 100]. Отсюда под эстетическим молчанием понимается молчание, в котором воспринимаются предметы искусства, и молчание, которое используется как прием в создании произведений искусства. Так, на сопоставлении искренности молчания и пустоте слов строится поэтический текст В. Тушновой «Молчание». Интересно и самобытно молчание у М. Цветаевой. В ее интерпретации молчания великая сила слова зреет и набирает свою мощь в молчании. Для нее растрачивание жизни в разговорах – тяжкий грех.

...Просты

*Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна – молчанье на ней как перст.*

(«Федра»)

Многие писатели посвятили проблеме молчания свои произведения: Ф. Тютчев, О. Мандельштам, И. Анненский, К. Бальмонт, С. Городецкий, Б. Ахмадулина, И. Бунин. Кроме того, в молчании чаще всего воспринимаются произведения живописи, скульптуры, архитектуры. Цветом и композицией передает автор свои мысли, переживания. В зависимости от культурной картины мира индивидуума, вос-

принимающего произведения искусства, складываются смыслы.

Таким образом, рассмотренная нами семиотическая категория «молчание» – полисемантическая. Смыслы исследуемой категории обнаруживаются в разных сферах культурной

жизни людей и раскрывают особенности менталитета культурного сообщества определенной эпохи. Категория «молчание» является одной из определяющих для понимания семиотической системы культуры.

Литература

1. Андреев Л.Н. Избранное / Л.Н. Андреев. – М.: Современник, 1982.

2. Будаев Ц.Б. Онъон угэ оншотой = Пословица не мимо молвится: словарь бурятско-русских адекватных пословиц и поговорок / Ц.Б. Будаев. – Улан-Удэ, 1988.

3. Зобова М.Р. Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова / М.Р. Зобова // Материалы международной конференции. – СПб., 1997.

4. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С-Петербург: Искусство-СПБ, 2000.

5. Мандельштам О. О природе слова / О.

Мандельштам // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. – М.; Нью-Йорк, 1971.

6. Русская драматургия начала 20 века / сост., автор примеч. С.К. Никулин. – М.: Современник, 1989.

7. Философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – М., 2003.

8. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М., 2006.

9. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы: учеб. пособие для вузов / М.Н. Эпштейн. – М.: Высш. шк., 2006.

Коротко об авторе

Казакова Е.Ю., мл. научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Раб. тел.: 35-91-13

Научные интересы: семиотика, культурология, лингвокультурология, лингвистическая антропология

Briefly about the author

E. Kazakova, a junior research assistant of department of Theoretical and Applied Linguistics, a post-graduate student of Chita State University (ChSU)

Areas of expertise: semiotics, cultural science, linguistic cultural science, linguistic anthropology





УДК 32:316.7

Перевалова Ксения Геннадьевна
Kseniya Perevalova

ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

DISCOURSE-FORMING CONCEPTS OF POLITICAL CULTURE

Анализируется понятие «политическая культура». Даны подходы к его изучению в современной лингвокультурологической науке. Представлена классификация концептов политической культуры, описывается концепт «толерантность».

The article examines the concept of "political culture" and approaches to its study in modern linguo-culturological science. We also consider the classification of concepts of political culture and describe in detail the concept of "tolerance"

Ключевые слова: политическая культура, политический дискурс, концепт

Key words: political culture, political discourse, the concept

В последние десятилетия становится актуальным изучение политической культуры. Это связано с возрастающей политической активностью граждан. Роль политических процессов в жизни современного общества становится определяющей, ибо она непосредственно связана с рассмотрением особенностей когнитивных явлений в процессе политической коммуникации. Это определяет потребность в более детальном изучении концептов массового политического сознания и социальных стереотипов, свойственных большинству носителей определённой культуры. Как показало развитие наук на современном этапе познания мира, основным объектом научного познания является человек, а следовательно, весьма актуальными становятся исследования в области когнитивистики, позволяющие увидеть отражение мыслительных процессов, особенности человеческой когниции.

Существующие понятия политической культуры дифференцируются на две основные группы. Первую составляют, на наш взгляд,

сравнительно узкие трактовки данного понятия, где политическая культура сводится, по сути, к комплексу политических ориентаций, установок и поведения индивидов. Сторонники широкого понимания политической культуры рассматривают ее в качестве важного компонента общей культуры, связанного с политикой. Представляется, что оба этих подхода не взаимоисключают друг друга. Главное – чтобы не упускались из виду ценностные элементы политической культуры и их ориентационные характеристики, особенности ее воздействия на политический генезис сообщества. Видимо, можно сказать, что культура и политика соединяются и взаимообогащаются в данном феномене, который предстает, с одной стороны, как культура политической деятельности и политических отношений, а с другой – как «культурная» политика. Таким образом, наиболее полным нам представляется определение, данное политологом Э.Я. Баталовым: политическая культура – это «система исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезен-

тативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности» [4; С. 42].

Специфика нашего подхода заключается в том, чтобы рассмотреть политическую культуру через призму языка, т.е. через политический дискурс. Рассматривать политический дискурс необходимо в филологическом аспекте [9; С. 120] (как любой другой текст), однако не стоит забывать смотреть на фон – политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора.

Изучением политического дискурса в данном аспекте занимается новая форсирующаяся область знания – политическая лингвистика. Предметом ее изучения являются:

– синтактика, семантика и прагматика политических дискурсов;

– инсценировка и модели интерпретации этих дискурсов, в частности, именованные политологически значимых концептов в политическом употреблении в сопоставлении с обыденным языком.

Согласно позиции исследователя Е.И. Шейгал, дискурс характеризуется определенными коммуникативно-функциональными параметрами, в число которых входит «функциональная завершенность и коммуникативная определенность конкретного дискурса». Это деятельностный (функциональный) параметр, который служит основным смысловозначительным в реальной коммуникации и выделительным в научно-исследовательской практике критерием перехода единиц речевой деятельности в конкретный дискурс языковой личности [5; С. 16].

Цель политического дискурса – не описать (т.е., не референция), а убедить, пробу-

див в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [4; С. 33].

Представляется, что изучение политического дискурса невозможно без осмысления концептов политической жизни. Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса (вербальных и невербальных), составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса.

На основе сказанного была поставлена задача исследования, которая заключается в осмыслении теоретических основ классификации концептов политического дискурса.

Мы придерживаемся понятия «концепт», данного С.А. Аскольдовым [8; С. 24], который представлял его как ментальное образование, замещающее в процессе мысли некое множество однородных объектов — это весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте [5; С. 101]. При таком понимании концепт является структурным элементом языковой картины мира, формирующимся в результате когнитивной деятельности.

По мнению Е.И. Шейгал, исследователя политического дискурса, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности и отражается в языке в виде концептов, которые детерминированы особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает своё вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса, речетворчества, поэтому адекватный анализ составляющих эту систему концептов должен проводиться в рамках коммуникативного подхода [8; С. 24].

Напомним, что в области гуманитарного знания выделяются такие разделы, как онтология (изучает бытие), идеология (система

взглядов, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, выражающая интересы различных социальных классов, групп, обществ) и аксиология (изучает ценности). Именно на их основе строится классификация концептов политического дискурса известного исследователя данного вопроса Е.И. Шейгал.

К концептам политической онтологии Шейгал относит, прежде всего, концепт *Власть*, поскольку борьба за власть составляет сущность политической деятельности; во-вторых — концепты субъектов политики (*Политик, Народ, Общество, Президент, Парламент, Дума, Сенат, Кабинет министров*) (данные концепты задают жанровую структуру политического дискурса), в-третьих — концепты политических систем и форм государственности *Государство, Нация, Гражданское общество, Деспотия, Империя, Отечество, Республика, Тирания*.

К политической идеологии относятся концепты политических ориентаций: *Коммунизм, Социализм, Либерализм, Демократия, Тоталитаризм, Фашизм* и др. Данные концепты лежат в основе социокультурной дифференциации политического дискурса.

К политической аксиологии относятся концепты политических ценностей — *Равенство, Справедливость, Свобода, Патриотизм, Национализм, Толерантность, Интернационализм* и др.

Далее, на примере концепта «толерантность» попытаемся подробно рассмотреть то, как через язык происходит репрезентация политической культуры.

Концепт «толерантность» имеет непосредственное отношение к дискурсу политики. Его можно отнести к группе политической аксиологии. В современных гуманитарных науках толерантность рассматривается в соотношении с феноменом политического насилия, что снимает противоречия при уточнении её дефиниции. Этот подход впервые был отмечен в работах Ю. Хабермаса и Ж. Дерриды [7; С. 55]. Сложность концептуальной природы толе-

рантности предполагает и неоднозначность семантической структуры концепта. Так, И.А. Стерниным была отмечена, прежде всего, «политическая толерантность как терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения» [6; С. 63]. Концептуальное поле включает в себя, по мнению ученого, несколько концептуальных слоёв-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами: научная, бытовая, административная, спортивная, медицинская, экономическая толерантность. Каждый из выделенных сегментов представляет собой систему концептуальных признаков, или «дискретных элементов». Например, научная толерантность определяется как терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления. Религиозная толерантность — терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям [6; С. 63].

Анализ коммуникативного содержания основных видов толерантности позволяет сделать вывод о том, что базовым, эмпирическим уровнем для её формирования является межличностная толерантность. Это подтверждается результатами многих культурологических и психолингвистических исследований, направленных на отражение описываемого концепта в русском сознании [6; С. 60]. Понятие «толерантность», по мнению И.А. Долговой, относится к числу концептов-регулятивов, определяющих нормы поведения в обществе, и сопоставимо с такими единицами дискурса, как, например, «честь», «приватность», «пунктуальность», но, в отличие от названных концептов, разворачивается, прежде всего, в политическом дискурсе [6; С. 62]. Актуализация концепта «толерантность», действительно, проходит достаточно полно в политических текстах. Вторая половина XX в. была для мирового общества периодом больших научных достижений и открытий. Обмен информацией, широ-

кие контакты в международном сотрудничестве, развитие научных идей сближали людей, однако этот прогресс не снимал многих политических противоречий. Наш мир, как отмечают ученые, стал более конфликтным, чем раньше. Этот факт приводит научное сообщество к поиску путей решения конфликтов и мирной организации нашей жизни.

Отметим, что при описании культурных концептов в современной практике словарных интерпретаций всё заметнее становится процесс семантического сдвига, т.е. смещение акцента с личностного компонента на социальный и наоборот [8; С. 51]. Таким образом, денотативное значение слова «толерантность», по данным современных лингвистических и энциклопедических словарей, «состоит из нескольких компонентов, которые соотносены с признаками выражаемого в слове понятия и связаны между собой отношениями семантической производности» [6; С. 7]. Понятийная составляющая, по терминологии В.И. Карасика, в концепте толерантность соотносится с

образной (заметим, толерантность – это всегда конструктивный диалог) и ценностной категориями. На наш взгляд, важной для современного гражданского общества является актуализация ценностного компонента, определяющего активную и позитивную жизненную позицию личности, которая с уважением относится к позициям и интересам людей другой культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

Как видно, культурная и политическая толерантность определяют коммуникативную толерантность, изучение которой раскрывает содержание целого ряда значимых концептов: терпимость, компромисс, согласие, понимание, уступка, мир, спор, конфликт и др.

В заключение следует сделать вывод о том, что рассмотрение такого явления, как политическая культура, является неполным без рассмотрения концептов политической жизни, ибо они способны дать нам наиболее четкую языковую картину политического мира.

Литература

1. Арнольдов А.М. Введение в культурологию / А.М. Арнольдов. – М., 1994. – 276 с.

2. Баталов Э.Я. Политическая культура как социальный феномен / Э.Я. Баталов // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – № 5. – 1995. – С. 43-46.

3. Гаджиев К.С. Политическая культура / К.С. Гаджиев, Д.В. Гудименко. – М., 1994. – 185 с.

4. Грачев М.Н. Актуальные проблемы политической науки / М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин. – М.: Экономическая демократия, 1996. – С. 69.

5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Тетрасистемс, 2004. – 189 с.

6. Михайлова О.А. Толерантность и тер-

пимость: взгляд лингвиста / О.А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 17-21.

7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – 174 с.

8. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникация 2002». – Пятигорск: ГТГЛУ, 2002. – С. 24-26.

9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М., 2000. – 270 с.

Коротко об авторе

Перевалова К.Г., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Раб. тел.: 35-91-13

Научные интересы: политическая антропология, политическая культура, политическая лингвистика, концепты, политический дискурс

Briefly about the author

K. Perevalova, post-graduate student, Chita State University (ChSU)

Areas of expertise: political anthropology, political culture, political linguistics, concepts, political discourse

Науки о земле

УДК 622.234/42



**Лизункин
Владимир Михайлович**

Vladimir Lizunkin



**Закиев
Рашит Бореевич**

Rashit Zakiev



**Гаврилова
Надежда Анатольевна**

Nadezhda Gavrilova

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ РЯДНОЙ СИСТЕМЫ СКВАЖИННОГО
ПОДЗЕМНОГО ВЫЩЕЛАЧИВАНИЯ НА ОСНОВЕ МНОГОСТВОЛЬНЫХ
СКВАЖИН ДЛЯ УСЛОВИЙ ХИАГДИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ**

**PARAMETER OPTIMIZATION OF UNDERGROUND BOREHOLE LEACHING
SYSTEM ON THE BASIS OF IN-LINE MULTI-SHAFT BOREHOLES
FOR HIAGDA DEPOSIT CONDITIONS**

Рассмотрены вопросы оптимизации параметров рядной системы СПВ многоствольными скважинами по критерию цеховой себестоимости добычи 1 кг металла в условиях Хиагдинского месторождения. Установлены зависимости цеховой себестоимости для различных вариантов конструкции многоствольных скважин от параметров вскрытия продуктивной залежи и область их применения

The article deals with the parameter optimization of the in-line multi-shaft system concerning production shop price of 1 kg of metal in Hiagda deposit conditions. The dependence between the shop price for different engineering variants of multi-shaft boreholes and parameters of productive deposit development was determined, as well as sphere of their application

Ключевые слова: критерий цеховой себестоимости, многоствольные скважины, продуктивная залежь, рядная система, скважинное подземное выщелачивание (СПВ), Хиагдинское месторождение

Key words: criterion of the shop price, multi-shaft boreholes, productive deposit, in-line system, underground borehole leaching (UBL), Hiagda deposit

Согласно «Долгосрочной государственной программе изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России на основе баланса потребления и воспроизводства минерального сырья», утвержденной приказом МПР России 8 июня 2005 г., существующее отечественное производство природного урана (ОАО «ППГХО», ЗАО «Далур», ОАО «Хиагда») составляет около 20 % от потребностей. При этом его дефицит в размере 80 % покрывается складскими запасами, которые, по прогнозам экспертов, будут исчерпаны к 2020...2030 гг.

Одним из вариантов повышения добычи природного урана является применение высокоэффективного и экологически безопасного метода скважинного подземного выщелачивания (СПВ) из руд пластово-инфильтрационных месторождений. Этим способом в конце XX в. добывалось 13 % (1996 г.) урана в мире, а в начале XXI в. – уже 27,2 % (2002 г.). Особенно интенсивно росла добыча урана способом СПВ в США, доля которого к 1994 г. составила 69 %. В России же объемы производства в 2007 г. не превышали и 11 % несмотря на то, что минерально-сырьевая база отрасли насчитывает более 20 месторождений «песчаникового» типа (Витлаусское, Талаканское, Щегловское, Имское, Журавлиное и др.) и 132 рудопроявления. При этом данным методом обрабатываются только два месторождения – Хиагдинское (ОАО «Хиагда») и Далматовское (ЗАО «Далур»), где выщелачивание осуществляют через одноствольные вертикальные скважины.

Несмотря на высокую эффективность СПВ, существенными остаются затраты на бурение скважин, доля которых составляет

30...40 % в себестоимости конечной продукции, что существенно снижает экономическую привлекательность данного метода. Перспективным направлением является выщелачивание многоствольными скважинами. Из опыта их применения в геологоразведке, нефтяной и газовой промышленности известно, что замена вертикальных одноствольных скважин многоствольными позволяет сократить бурение (в зависимости от глубины) до 50 % от общего объема горно-подготовительных работ [1]. Кроме этого, снижение затрат на выщелачивание создает предпосылки для широкомасштабного его применения, в том числе для разработки более бедных руд.

На основании анализа опыта бурения многоствольных скважин разработаны три варианта технически возможных конструкций многоствольной скважины для выщелачивания урана из пластово-инфильтрационных месторождений (рис. 1). При этом за основу взята наиболее рациональная конструкция – двухзабойная скважина со смешанным двухинтервальным профилем дополнительного ствола. Условные обозначения к рис. 1 представлены в таблице.

Для экономической оценки эффективности применения каждого варианта была разработана методика определения стоимости добычи 1 кг металла рядной системой СПВ на основе многоствольных скважин. При этом использовали существующие методики расчета параметров конструкции двухствольных геологоразведочных скважин [1] и геотехнологических параметров и показателей отработки продуктивного пласта одноствольными вертикальными скважинами [2, 3].

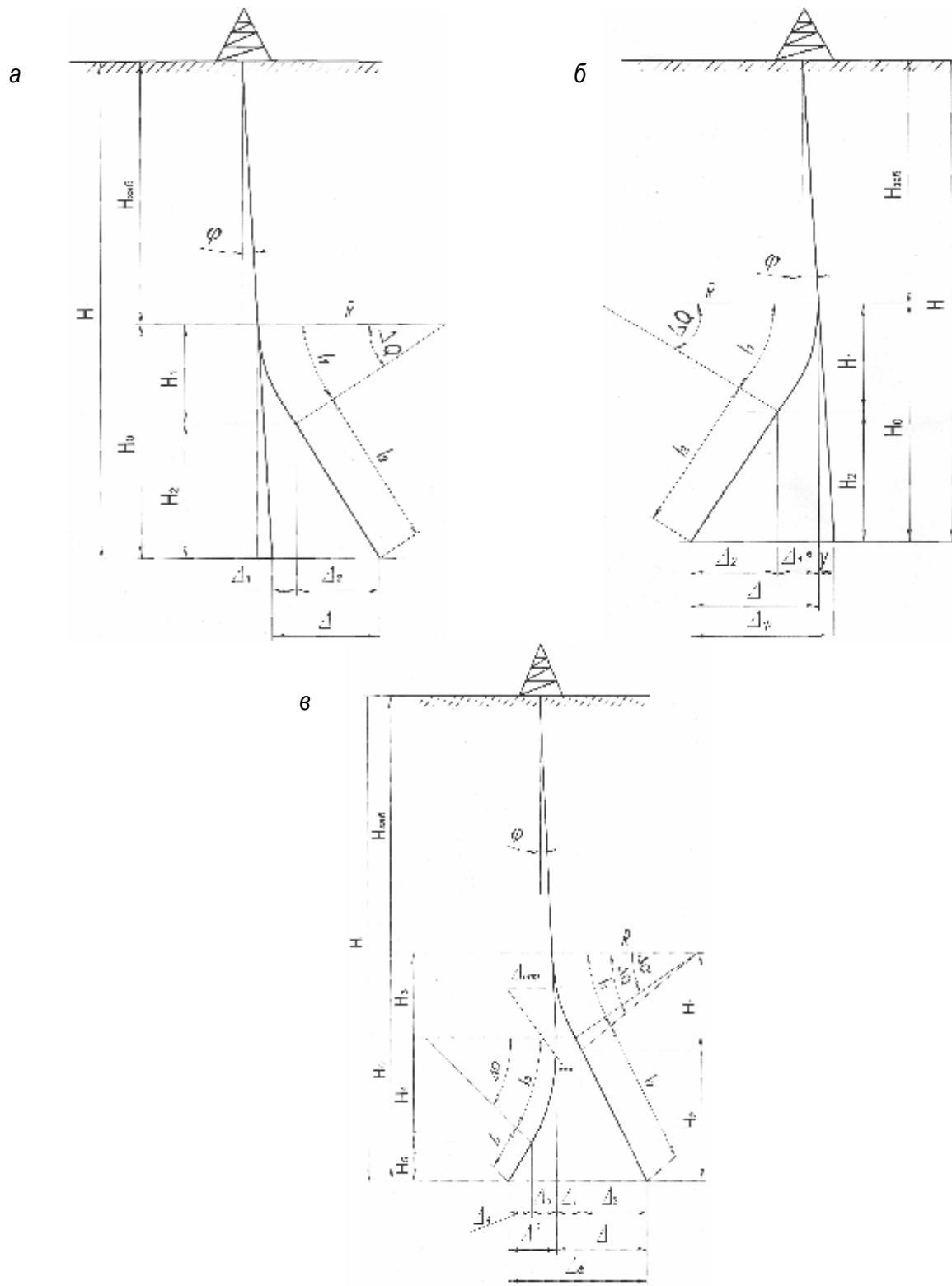


Рис. 1. Варианты конструкции геотехнологической многоствольной скважины с дополнительным стволом, забуренном на: а – «выполаживание» (вариант 1); б – «выкручивание» (вариант 2); в – «выполаживание» и искривленным основным стволом (вариант 3)

Условные обозначения к рис. 1

Обозначение	Показатель	Единица измерения
Δ	отход дополнительного ствола от основного	м
R	радиус кривизны криволинейного участка дополнительного (основного) ствола	м
l_1, l_3	длина криволинейного участка дополнительного (основного) ствола	м
l_2, l_4	длина наклонно-прямолинейного участка дополнительного (основного) ствола	м
l	общая длина дополнительного ствола	м
H	проектная глубина скважины	м
$H_{\text{заб}}$	глубина забуривания дополнительного ствола	м
$\Delta_{\text{факт}}$	фактический отход дополнительного ствола от основного	м
Δl	сокращение объема буровых работ в натуральном выражении за счет бурения одного дополнительного ствола	м
ΔQ	полный угол искривления на криволинейном участке дополнительного ствола	град.
$\Delta_1 (\Delta_3)$	отход забоя дополнительного ствола многоствольной скважины от основного на криволинейном участке дополнительного (основного) ствола скважины	м
$\Delta_2 (\Delta_4)$	отход забоя дополнительного ствола многоствольной скважины от основного на прямолинейном участке дополнительного (основного) ствола скважины	м
$H_1 (H_2)$	вертикальная проекция криволинейного (прямолинейного) участка дополнительного ствола	м
$H_3 (H_4, H_5)$	вертикальная проекция участка спрямления (криволинейного, прямолинейного) основного ствола	м
H_0	вертикальная проекция дополнительного ствола многоствольной скважины	м
φ	угол наклона основного ствола	град.
y	отход забоя основного ствола скважины от горизонтальной проекции точки забуривания дополнительного ствола	м

В качестве критерия оценки принята цеховая себестоимость добычи урана, которая отражает технологическую цепочку получения конечного продукта и складывается из статей затрат по видам производимых работ (горно-подготовительные, процесс выщелачивания,

раствороподъем, транспортировка и переработка продуктивных растворов, прочие статьи затрат).

На основании проведенных расчетов установлены зависимости изменения цеховой себестоимости (рис. 2) от параметров системы

СПВ (отхода дополнительного ствола от основного Δ и шага вскрытия продуктивной залежи основными откачными и закачными стволами S), описываемые следующим выражением:

$$C_{\text{ц}} = \left[(k_1^i \cdot H + k_2^i) \cdot S + k_3^i \cdot H + k_4^i \right] \cdot \Delta + (k_5^i \cdot H + k_6^i) \cdot S^{-k_7^i \cdot H + k_8^i}, \text{ руб.},$$

где i – вариант конструкции многоствольной скважины (1, 2, 3);

$k_1, k_2 \dots k_8$ – эмпирические коэффициенты, зависящие от варианта конструкции многоствольной скважины, определяемые по табл. 1.

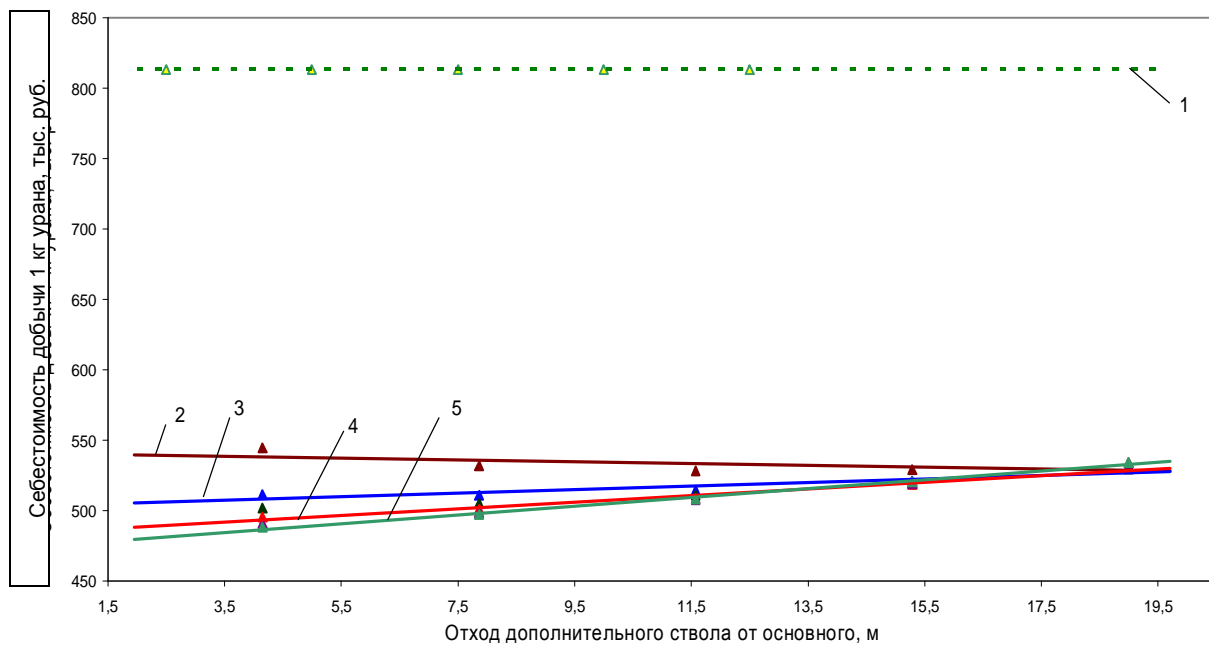


Рис. 2. Зависимость изменения цеховой себестоимости 1 кг урана от параметров системы СПВ при вскрытии продуктивного пласта вертикальными (1) и многоствольными скважинами (2, 3, 4, 5) и шаге вскрытия: 1,5...25 м; 4...20 м; 2...10 м; 3...15 м

Таблица 1

Коэффициенты	i		
	1	2	3
k_1^i	0,0028	$-7E - 05 \cdot j + 0,0026$	0,0019
k_2^i	-0,2197	$0,0078 \cdot j - 0,2026$	-0,115
k_3^i	-0,0782	$0,0017 \cdot j - 0,0637$	-0,047
k_4^i	10,929	$-0,336 \cdot j + 10,284$	5,8791
k_5^i	5,2551	$-0,0836 \cdot j + 5,2882$	4,593
k_6^i	-140,08	$8,1402 \cdot j - 153,14$	-49,754
k_7^i	0,001	0,0009	0,0008
k_8^i	0,019	$0,0026 \cdot j + 0,0114$	0,0047

Для оптимизации параметров рядной системы СПВ многоствольными скважинами по критерию минимума цеховой себестоимости 1 кг урана в работе использован метод градиента. В результате чего параметры рядной системы СПВ составили:

- для первого варианта: $S=22,03$ м, $\Delta=7,28$ м при $C_u=512,50$ р/кг;
- для второго варианта: $S =18,45$ м, $\Delta=7,61$ м при $C_u=532,26$ р/кг;
- для третьего варианта: $S =22,18$ м, $\Delta=8,31$ м при $C_u=524,98$ р/кг.

Данные показатели цеховой себестоимости добычи 1 кг урана по разработанным вариантам на 33, 27 и 30 % ниже по сравнению с базовым вариантом – рядной системой СПВ на основе одноствольных вертикальных скважин.

Сравнительная технико-экономическая оценка вскрытия продуктивного пласта много-

ствольными и одноствольными скважинами с их рядным расположением проведена для условий Хиагдинского месторождения по чистой дисконтированной прибыли, рентабельности, индексу доходности и сроку окупаемости капитальных вложений.

В результате расчетов установлено (табл. 2), что наилучшие показатели имеет второй вариант – многоствольные скважины с дополнительными стволами, забуренными на «выкручивание» с оптимальными параметрами рядной системы СПВ $S =18,45$ м и $\Delta=7,61$ м (рис. 1, б). Эта конструкция позволяет упростить технологию бурения и оборудования добычных скважин, что в конечном итоге сокращает затраты времени и средства на вскрытие продуктивного пласта. При этом все три варианта эффективнее применяемого на руднике метода СПВ вертикальными одноствольными скважинами (рис. 3).

Таблица 2

Экономические показатели рассматриваемых вариантов

Наименование показателей	Ед. изм.	Варианты			Базовый вариант
		1	2	3	
Чистая дисконтированная прибыль	млн руб.	232,6	840,9	380,9	-347,9
Индекс доходности	млн руб.	174,1	415,3	259,1	-36,71
Рентабельность	%	15,30	31,75	20,76	9,14
Срок окупаемости	лет	4,94	2,10	3,20	> 10

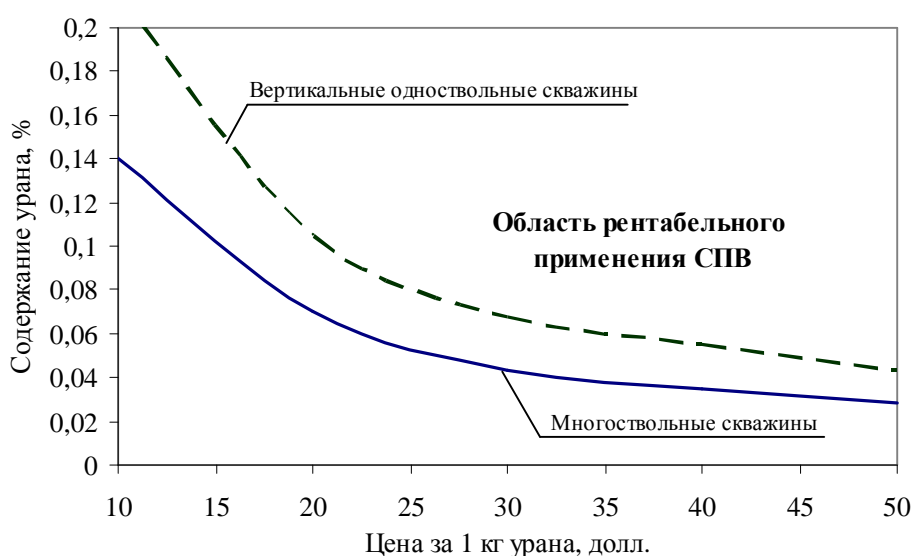


Рис. 3. Эффективная область применения СПВ многоствольными скважинами

Таким образом, отмеченные преимущества многоствольных скважин, по сравнению с вертикальными, позволяют вовлекать в разработку месторождения «песчаникового» типа с

меньшим содержанием полезного компонента в руде, что расширяет область применения СПВ и минерально-сырьевую базу уранодобывающей отрасли России.

Литература

1. Костин Ю.С. *Современные методы и технологии по управлению траекториями геологоразведочных скважин* / Ю.С. Костин, Ю.Г. Соловов, В.В. Нескромных, Р.Б. Закиев, Ю.Ф. Блохин. – Чита: ООО «Издательский дом «Ресурсы Забайкалья». – 2004. – 352 с.

2. Толстов Е.А. *Физико-химические гео-*

технологии освоения месторождений урана и золота в Кызылкумском регионе / Е.А. Толстов. – М.: МГГУ, 1999. – 314 с.

3. *Подземное выщелачивание полиэлементных руд* / Н.П. Лаверов и др.; под ред. Н.П. Лаверова. – М.: Изд-во Академии горных наук, 1998. – 446 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Лизункин В.М., д-р техн. наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИПРЭК СО РАН), зав. кафедрой подземной разработки месторождений полезных ископаемых, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Lizunkin@mail.ru

V. Lizunkin, Doctor of Engineering Science, Professor (Institute of Natural Resources, Ecology and Criology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences); Head of the Department of Underground Development of Mineral Deposits (Chita State University)

Научные интересы: физико-химическая геотехнология

Areas of expertise: physicochemical geotechnology

Закиев Р.Б., канд. техн. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: 35-92-25

R. Zakiev, Candidate of Engineering Science, Associated Professor (Chita State University)

Научные интересы: физико-химическая геотехнология

Areas of expertise: physicochemical geotechnology

Гаврилова Н.А., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
GavrilovaNA@rambler.ru

N. Gavrilova, post-graduate student (Chita State University)

Научные интересы: физико-химическая геотехнология

Areas of expertise: physicochemical geotechnology





Мязин
Виктор Петрович
Victor Myazin



Павленко
Юрий Васильевич
Yuri Pavlenko



Сергеенко
Елена Николаевна
Elena Sergeenko

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕНТГЕНРАДИОМЕТРИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ СУРЬМЯНЫХ РУД ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

ENVIRONMENTAL SAFETY OF X-RAY RADIOMETRIC SEPARATION OF ANTIMONY ORES MINED IN EASTERN TRANSBAIKALIA

Рассмотрена концентрация токсичных элементов в почве, рыхлых отложениях и в руде типового для Восточного Забайкалья Жипкошинского кварц-антимонитового месторождения, а также их миграция в процессе рентгено-радиометрической сепарации руды

The article considers concentration of toxic elements in soil, loose sediments and ores of Zhipkoshinskoe quartz-antimony deposit, typical for Eastern Transbaikalia, as well as migration of toxic elements during X-ray radiometric ore separation

Ключевые слова: сурьмяная руда, месторождение, рентгено-радиометрическая сепарация, токсичные элементы, экологическая безопасность

Key words: antimony ore, deposit, X-ray radiometric separation, toxic elements, environmental safety

Необходимость освоения минерально-сырьевых ресурсов сурьмы в России обусловлена повышением мировых цен на сурьмяную продукцию, созданием новых материалов, технологий с использованием сурьмы, резким сокращением поставок сурьмы на мировой рынок основным ее производителем (Китаем), лишением страны крупных ме-

сторождений при распаде СССР. Все возрастающий спрос на сурьму в мире связан с ужесточением требований противопожарной безопасности и увеличением производства антипиренов.

Современная добыча и переработка сурьмяных руд России базируется преимущественно на запасах Якутии, расположенных в

неблагоприятных географо-экономических условиях. На крупном Олимпиадинском золоторудном месторождении (60 % запасов сурьмы в стране) сурьма учтена как попутный компонент и по технологическим причинам не извлекается. Существенное улучшение состояния минерально-сырьевой базы сурьмы возможно путем использования крупного ресурсного потенциала Восточно-Забайкальской сурьмяной провинции (прогнозные ресурсы категорий P_1 и P_2 272 тыс. т Sb) [2]. Здесь известны многочисленные (более 200) мелкие и средние объекты часто с богатыми сурьмяными рудами, которые практически не изучены. Они локализируются в разрывных нарушениях среди различных по составу горных пород и в своем большинстве принадлежат к единому формационному и геолого-промышленному типам. Поскольку золото-сурьмяное оруденение в регионе позднее, во многих случаях оно локализуется в тех же структурах, что и более раннее, преимущественно полиметаллическое, образуя сложные по составу комплексные руды. Для таких руд характерен повышенный уровень опасности по содержанию мышьяка, ртути, свинца, цинка.

Вопросы переработки золотосодержащих сурьмяных руд традиционными способами рассмотрены в работах известных ученых А.А. Абрамова, В.И. Зеленова, Е.П. Лемана, В.А. Лилеева, Э.Г. Литвинцева, В.В. Лодейщикова, В.А. Мокроусова, В.П. Мязина, В.И. Ревнивцева, П.М. Соложенкина, Л.П. Старчика, Г.В. Седельниковой, Е.М. Щлюфмана, Ю.О. Федорова, коллективами ИРГИРЕДМЕТ, ЦНИГРИ, АПРОСА, другими НИИ СССР и России. Однако существенные успехи в области разработки технологий обогащения и переработки их продуктов не рассматривают вопросы экологической безопасности месторождений и технологий. До сих пор для многих месторождений, в том числе забайкальских, не разработаны требования к построению технологических схем, позволяющих уменьшить негативное воздействие процессов обогащения на окружающую природную среду; при изучении месторождений чаще анализируются экологи-

ческие аспекты горнорудного предприятия в части структуры производства.

Другим важным элементом расширения и использования минерально-сырьевой базы сурьмы является освоение прогрессивных технологий, в частности, рентгенорадиометрической сепарации (PPC). Эта технология вызывает особый интерес недропользователей к отработке даже мелких месторождений, поскольку позволяет организовать рентабельную переработку как богатых и рядовых, так и крупных запасов, но бедных руд.

В основе PPC лежит высокая энергия характеристического излучения сурьмы антимонита при облучении сурьмяной руды рентгеновскими лучами. Этот метод обеспечивает исключительно высокую техногенную миграцию полезного компонента и примесей при производстве промпродукта (Sb 10...20 %), концентрата (Sb 48...51 %) и в процессе накопления больших объемов отходов, т.е. образует новые источники негативного воздействия на окружающую природную среду и здоровье человека. Все это вызывает необходимость учитывать экологические особенности месторождений, минерального сырья и используемой технологии его переработки для определения степени экологической безопасности продукции и отходов PPC.

Характерным представителем золотосодержащих сурьмяных месторождений золотокварцевого геолого-промышленного типа Восточного Забайкалья является Жипкошинское. Месторождение по запасам сурьмы среднее, среднее содержание сурьмы около 6 %. На этом месторождении можно уточнить степень экологической безопасности подобных рудных объектов, связанных с концентрацией в них химических элементов в коренных породах, рыхлых образованиях и в природной биокосной системе, а также их миграцию в процессе переработки сурьмяных руд методом рентгенорадиометрической сепарации.

Для этого следует:

– оценить степень экологической опасности природных условий локализации сурь-

мяного оруденения, используя результаты собственных работ, геохимических исследований предшественников и горного предприятия;

– оценить степень накопления токсичных элементов в сурьмяном промпродукте, сурьмяном концентрате и в отходах РРС, основываясь на результатах собственных исследований и горнорудного предприятия;

– установить экологическую безопасность отходов РРС и возможность их использования в качестве вторичного сырья, опираясь на имеющийся фактический материал и соответствующие нормативные документы.

Для выполнения этих задач использованы материалы предприятия, предшественников и собственные исследования [6]. Собственные работы включают отбор и исследования более 200 проб. Они изучены в трех аттестованных лабораториях (ЗабНИИ, ЦЛАТИ, ЛИЦИМС) и включают химический (10), рентгеноструктурный (15), титриметрический (20), минералогический (15), полуколичественный спектральный (20), атомно-абсорбционный (30) анализы, выполненные по стандартным методикам с удовлетворительным качеством. В лабораториях горного института проведены технологические исследования по обогатимости руд. Вещественный состав руд изучен по 193 химическим анализам бороздовых и задирковых проб, элементный – по спектральным анализам (навески 10...100 мг). Химическому анализу подвергались пробы после спектрального анализа. Изучение минералогического состава проводилось макро- и микроскопически. Образцы в количестве 6...30 шт. отбирались из частных проб.

Мониторинг качества почв производился по приоритетным химическим элементам – индикаторам отходов сурьмяных руд: сурьме, цинку, свинцу, ртути, мышьяку. Пробы отбирались по вектору розы ветров на расстоянии 50, 100, 200, 300, 500 и 1000 м от карьера. Отбор пяти частных проб с глубины 0...20 см проводился по сети, затем эти пробы перемешивались и объединялись в одну. Оценка уровня химического загрязнения почв прове-

дена по уточненному (в соответствии с классом вещества) коэффициенту концентрации химических веществ и суммарному (аддитивному) показателю загрязнения.

Жипкошинское месторождение открыто в 1955 г. при геологической съемке масштаба 1:200000. В последующем геологическое строение месторождения и его района неоднократно уточнялось. В настоящее время используются материалы действующего предприятия, которое одновременно с опытно-промышленной эксплуатацией проводит разведку месторождения.

Рудовмещающими являются среднекрупногалечные конгломераты, туфоконгломераты нижнекаменской подсвиты, слагающие пласт шириной около 150 м. Галька метаморфических, магматических пород и кварца хорошо окатана, цемент туфогенно-песчано-сланцевый в различной степени окварцован, аргиллизирован. На юге конгломераты тектонически контактируют с песчаниками и алевропесчаниками комользинской свиты, оруденение в которых неизвестно. Северный фланг месторождения сложен туфогенно-вулканогенными породами верхнекаменской подсвиты. На восточном фланге локально развиты кислые эффузивы (риолит-порфиры), в которых локализовано прожилково-вкрапленное кварц-антимонитовое оруденение.

На месторождении выделяются два основных структурно-морфологических типа антимонитового оруденения: кварцево-жильный (простые, четковидные и ветвящиеся жилы) и линейно-штокверковый (прожилково-вкрапленный), развивающиеся по контакту с жильными рудами или образующие самостоятельные минерализованные зоны, подчиненные «стерженевым» жилам. На Западном участке преобладают жильные тела, на Восточном – минерализованные зоны. Контрастные по физико-химическим свойствам сравнительно крутопадающие жилы имеют мощность 0,2...6,5 м, протяженность по простиранию сотни, по падению – до 150 м, мощность прожилково-вкрапленных руд достигает десятки метров.

Минеральный состав руды, %: антимонит (2...85), кварц (2...80), арсенопирит, марказит, пирит, бертьерит, сурьмяные охры (стибиоконит, сервантит, сенармонтит), киноварь, лимонит, скородит. Химический состав богатой антимонитовой руды, %: сурьма – 43,9; сера – 20,5; кремний – 10,7; мышьяк – 0,05; ртуть – 0,005; железо – 0,14; свинец – 0,001; кислород – 18; золото – 0,1...0,25 г/т; серебро – 2,92 г/т. Средний элементный состав руды ($n \cdot 10^{-3}$): Zn, W, V, Pb, Ni, La, Ce, Mn, Cu (1-7), Zr, Cr, Be (10-70), As, Ti, Mo, Mg, Ca (200-300). Относительное содержание окисленной формы сурьмы в богатой руде составляет 8,51 %, в рядовой – 51,57 %. На основании исследований вещественного состава можно констатировать, что в кварц-антимонитовой руде и в первичных ореолах месторождения накапливаются экологически опасные концентрации сурьмы, серы, кремния, мышьяка, ртути, свинца. Аномально высокими и опасными являются концентрации сурьмы.

Сурьма – элемент, существующий в состояниях окисления –3, +3, +5. Образует в основном устойчивые катионные соединения и комплексы. Наиболее токсичны трехвалентные соединения сурьмы. Воздействие соединений сурьмы на живой организм во многом подобно воздействию мышьяка. Высокая токсичность сурьмы обусловлена связями ее с атомами серы.

В 1963 г. на площади месторождения (1,65 x 0,45 км²) литохимической съемкой по вторичным ореолам рассеяния масштаба 1:10

000 (2 км²) установлены пространственно совмещенные субширотные аномалии As (0,1...2 %) и Sb (0,03...0,3 %); максимальные содержания Au 0,03-0,1 г/т установлены в четырех пробах. В 1966 г. аналогичной съемкой масштаба 1:50000 в окрестностях месторождения выявлены ареальные поля (аномальные площади распространения ореолов) с содержаниями As – 0,003...0,2 %, Sb – 0,003...0,01 %, W – до 0,005 %, Li – до 0,03 %; месторождение находится на южном фланге субмеридиональной аномальной площади, выделяемой по ореолам As и Sb. Геофизическими исследованиями масштаба 1:50 000 фиксируются относительно низкие и ровные магнитные и гамма-поля, связанные с основными магматическими породами.

Никаких сведений о концентрации токсичных элементов в почвах месторождения не известно. Вместе с тем, результаты выполненных научных исследований о накоплении токсичных элементов (табл. 1) и их комплекса в биокосной системе месторождения свидетельствуют:

– повышенные концентрации (до 2 ПДК) образуют элементы первого класса опасности (As, Hg, Pb, Zn);

– высокие концентрации (до 45 ПДК) свойственны только Sb-элементу второго класса опасности;

– вблизи карьера аддитивный показатель токсичности элементов достигает 60 показателей ПДК, на расстоянии 1 км он уменьшается до 5.

Таблица 1

Среднее содержание химических элементов и значения ПДК (ОДК) в почве по классам опасности загрязняющих компонентов

Класс опасности	Значения ПДК (ОДК) для элементов, мг/кг				Среднее содержание химических элементов в почве месторождения, мг/кг			
	As	Hg	Pb	Zn	As	Hg	Pb	Zn
1	2,0	2,1	32,9	23,0	10,2	5,4	59,0	29,0
	Sb	Cu	Co	Cr	Sb	Cu	Co	Cr
2	4,5	3,0	5,0	6,0	200	1,2	0,007	2,0
	W	V	Sr	Mn	W	V	Sr	Mn
3	–	150,0	6,0	700,0	6,0	45,0	–	20,0

Таким образом, Жипкошинское месторождение является сложной природной геохимической аномалией. В кварц-антимонитовой руде накапливаются экологически опасные концентрации сурьмы, серы, кремния, мышьяка, ртути, свинца, в рыхлых отложениях – сурьмы, мышьяка и кремния, а в биокосной системе – сурьмы, мышьяка, ртути и свинца.

Эффективность использования РРС в операциях предварительного концентрирования минерального сырья (подготовительные процессы) путем естественной и наведенной радиоактивности доказана на урановых, золотосодержащих кварц-антимонитовых рудах и алмазах [3]. Причем эффективность предварительной концентрации полезного компонента руды при отделении его от безрудной массы повышается одновременно с увеличением контрастности различий в свойствах между рудными и породообразующими минералами.

Целесообразность использования этого метода определяют оптимальные значения характеристического излучения минералов при облучении руды рентгеновскими лучами. Для кварц-антимонитовых руд оптимальной является энергия характеристического излучения 27 кэВ.

Построение технологических схем обогащения минерального сырья с использованием РРС базируется на максимальном удалении хвостов еще в голове обогатительного процесса, что повышает извлечение ценных компонентов в концентрат. Однако потенциальная опасность таких отходов (хвостов) на компоненты окружающей среды до сих пор не оценивалась.

На кафедре обогащения полезных ископаемых разработана защищенная патентом схема рентгенометрической сепарации [5], включающая две стадии обогащения (рис. 1).

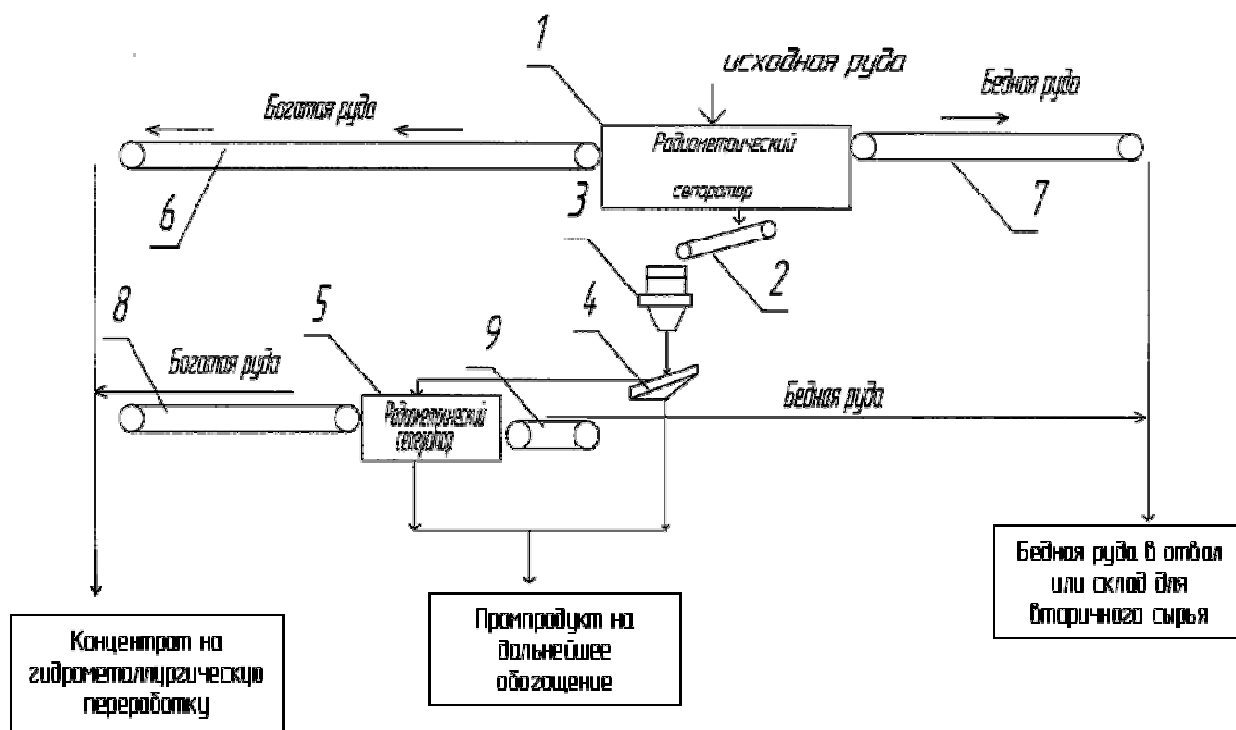


Рис. 1. Схема рентгенометрической сепарации сурьмяных руд:
 1, 5 – радиометрические сепараторы; 2 – питатель; 3 – дробилка;
 4 – грохот; 6, 7, 8, 9 – конвейеры

В первую стадию выделяются промпродукт и хвосты. Во вторую стадию промпродукт через повторное грохочение по мере накопления подвергается вторичной радиометрической сортировке с получением концентрата, обогащенного продукта и хвостов обогащения. РРС существенно упрощает технологию обогащения руд, повышает экологическую безопасность технологии за счет максимального вывода хвостов в голове процесса, полноту извлечения из недр минерального сырья, га-

рантирует получение промышленного продукта с содержанием Sb 8...10 % (извлечение 95...98 %) при крайне низких потерях Sb в хвостах сепарации (не более 0,12 %) даже из руд с содержанием Sb 0,7 %.

Экологическая безопасность технологии РРС сурьмяного сырья предусматривает комплексную оценку вещества, технологии и экологическую безопасность жизнедеятельности человека (рис. 2).

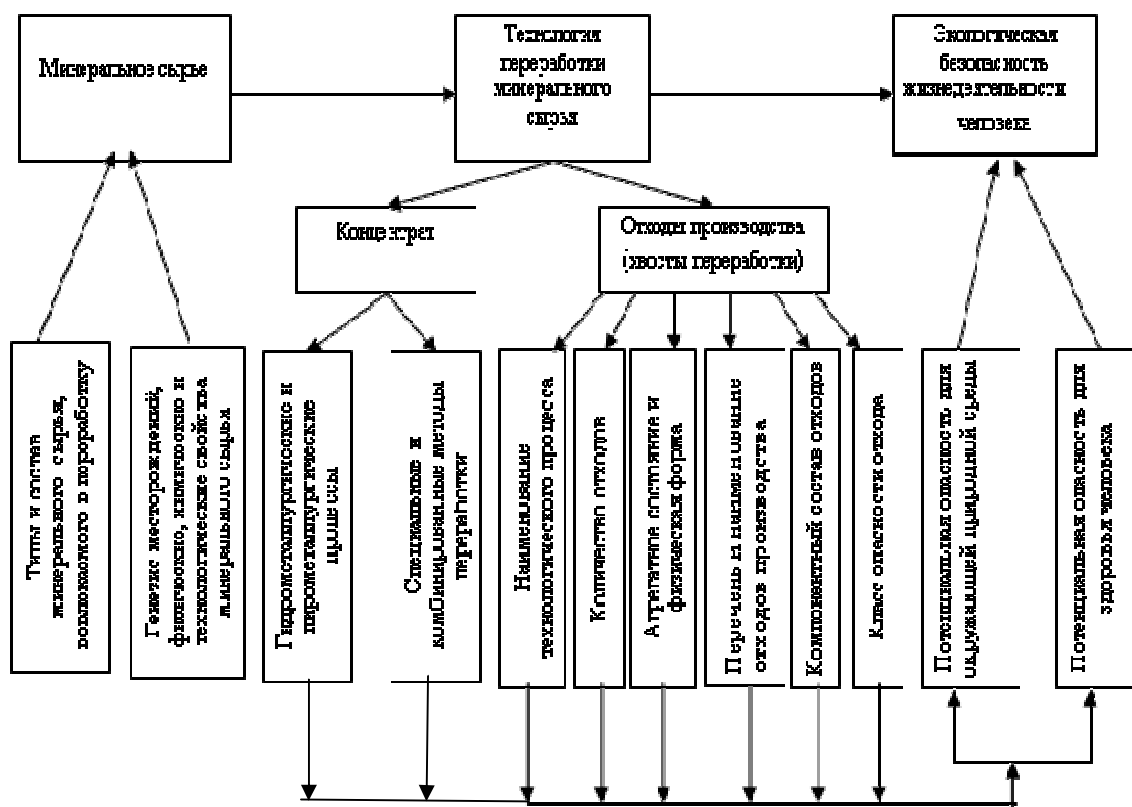


Рис. 2. Геоэкологическая система оценки экологической безопасности

Оценка опасности «минерального блока» включает изучение взаимосвязи структурного, вещественного, фазового состава природного, техногенного сырья и физических, физико-химических, технологических особенностей минералов. Подсистема «концентрат» характеризует опасность основных методов, процессов и устройств получения готовой про-

дукции с позиций используемых инноваций. Подсистема «отходы производства» отражает характеристики используемого технологического процесса, количество образуемых отходов, агрегатное состояние, физические свойства, компонентный состав отходов и их класс опасности. Для отходов сурьмяного производства характерен высокий уровень опасности по

содержанию мышьяка, ртути, цинка. Подсистема «экологическая безопасность жизнедеятельности человека» – потенциальная опасность для окружающей природной среды и здоровья человека.

При оценке экологической безопасности технологии РРС сурьмяных руд учитываются:

– сложность многокомпонентной системы, содержащей вредные токсичные примеси (токсичные и потенциально токсичные компоненты) в исходном сырье, концентрате и хвостах;

– степень концентрирования токсичных примесей в продуктах обогащения, исходя из баланса токсичных и потенциально токсичных компонентов по содержанию и частному выходу в отдельных продуктах.

Оценка экологической безопасности технологии РРС сурьмяных руд базируется на распределении токсичных и потенциально токсичных компонентов продуктивной и непродуктивной фракций, определении их содержаний в получаемых продуктах. Нахождение частного выхода и степени концентрации токсичных компонентов в отходах ($\gamma_{отх}$) определяется по формуле [4]

$$g_{отх} = \frac{100(b_T - c_T)}{(b_T - q_T)}, \% \quad (1)$$

где c_T – содержание токсичных и потенциально токсичных компонентов в исходном минеральном сырье;

b_T – содержание токсичных и потенциально токсичных компонентов в продуктивной фракции;

q_T – содержание токсичных потенциально токсичных компонентов в непродуктивной фракции.

Степень концентрации токсичных примесей (j) – показатель, обозначающий, какая часть токсичных и потенциально токсичных компонентов перешла в отходы – вычисляется по формуле

$$j = \frac{q_T}{c_T} \quad (2)$$

Оценка эффективности распределения и полноты перевода токсичных и потенциально токсичных компонентов в продукты обогащения проводится с использованием формул [1]:

$$h = \frac{П_T - g_T}{100 - c_T} \times 100, \% \quad (3)$$

где g_T – выход токсичных компонентов в продуктивной фракции;

$$g_T = 100 - g_{отх}, \% \quad (4)$$

$П_T$ – полнота перевода токсичных и потенциально токсичных компонентов в продуктивную фракцию

$$П_T = \frac{100(c_T - q_T)b_T}{c_T(b_T - q_T)}, \% \quad (5)$$

Полнота перевода токсичных и потенциально токсичных компонентов в отходы:

$$П_{отх} = 100 - П_T, \% \quad (6)$$

Таким образом, рентгенорадиометрическая сепарация обеспечивает получение экологически опасного промпродукта, экологически опасного концентрата и относительно экологически безопасных отходов. Степень концентрации токсичного комплекса составляет для промпродукта 0,65; для концентрата 1,75; для отходов 0,11.

РРС уменьшает накопление опасных веществ, снижает вредное воздействие выбросов загрязняющих веществ на окружающую среду, значительно сокращает объемы продуктивной фракции, требуемого для получения качества концентрата.

Экологическая опасность отходов устанавливается по приказу МПР России от 15.06.01, № 511 и документу «Критерии отнесения опасных отходов к классу опасности для окружающей природной среды». Класс опасности (К) определяется по показателю степени опасности отхода при его воздействии на ОПС, рассчитанного как сумма показателей степени опасности отдельных компонентов, составляющих отход (K_i) (табл. 2):

$$K = K_1 + K_2 + \dots + K_n \quad (7)$$

Показатель степени опасности компонента отхода для ОПС K_i рассчитывается по

формуле

$$K_i = C_i / W_i, \quad (8)$$

где C_i – концентрация i -го компонента в опас-

ном отходе, мг/кг;

W_i – коэффициент степени опасности отдельных компонентов отхода.

Таблица 2

Нахождение класса опасности отходов для ОПС

Класс опасности отхода	Степень опасности отхода для ОПС (К)
I	$10^6 \geq K > 10^4$
II	$10^4 \geq K > 10^3$
III	$10^3 \geq K > 10^2$
IV	$10^2 \geq K > 10$
V	$K \leq 10$

Путем отбора проб на опытном участке и их анализа вскрышные породы и отвалы радиометрического обогащения отнесены к 5 классу опасности ($K \leq 10$). Расчетные данные подтверждены результатами экспериментов в аттестованной лаборатории (табл. 3) двух тест-объектов из ранних биологических групп (дафнии, инфузории).

Радиационная безопасность отходов РРС установлена по значению эффективной удельной активности ($A_{эфф}$, Бк/кг) в лабораторном центре ООО «Лаборатория экологических про-

блем» (г. Чита) и данным дозиметрического контроля экспозиционной дозы ионизирующего излучения (мкР/час), используя нормативную документацию (НРБ-96, ГОСТ 30108-94, СП 2.6.1.799-99).

Отходы переработки сурьмяных руд Жипкошинского месторождения отнесены к I классу опасности минерального сырья; для богатых сурьмяных руд максимальное значение $A_{эфф}$ 389 Бк/кг, минимальная радиоактивность – до 60 Бк/кг, вмещающие породы имеют значения $A_{эфф}$ 132-312 Бк/кг.

Таблица 3

Результаты биотестирования проб отходов РРС

Шифр пробы	Тест-объект	Оценка тестируемой пробы			Класс опасности для ОПС
		$pH_{исх}$	безвредная кратность разведения (БКР)	острое токсическое действие (ЛРК)	
Отходы (отвал РРС)	Daphnia magna straus	8,1	1:1 БКР ¹⁰⁻²⁴	ЛРК ⁵⁰ Не оказывает	V
	Paramecium caudatum ehrenberg	8,1	1:1 БКР ¹⁰⁻²⁴	ЛРК ⁵⁰ Не оказывает	

Отходы РРС являются вторичным минеральным сырьем, которое может использоваться в строительстве (ГОСТ 8267-93. Щебень и гравий из плотных горных пород для

строительных работ, ГОСТ 8736-93. Песок для строительных работ).

Таким образом, результаты исследований, обобщения и анализа материалов по кон-

центрации и техногенной миграции токсичных химических элементов на Жипкошинском сурьмяном месторождении – типичном представителе перспективного золото-сурьмяного оруденения Восточного Забайкалья – обеспе-

чивают достоверную оценку экологической безопасности рентгенорадиометрической сепарации кварц-антимонитовых руд крупного горнорудного региона России.

Литература

1. Авдохин М.В. Основы обогащения полезных ископаемых: учеб. для вузов: в 2 т. Т. I. Обогащительные процессы / М.В. Авдохин. – М.: МГГУ, 2006. – 417 с.

2. Комин М.Ф. Минерально-сырьевая база сурьмы в России: проблемы и решения / М.Ф. Комин, Д.С. Ключарев, Н.М. Волкова // Разведка и охрана недр. – 2006. – № 9-10. – С. 26 – 29.

3. Мязин В.П. Инновационные процессы и экологически безопасные технологии обогащения минерального сырья // Вестник Забайк. цент. РА-ЕН. – Чита, 2009. – № 1.

4. Мязин В.П. Оценка эффективности технологических схем переработки сложных по со-

ставу сурьмяных золотосодержащих руд в России и за рубежом / В.П. Мязин, Е.Н. Сергеенко // ГИАБ. – 2008. – № 6. – С. 159-163.

5. Мязин В.П. Оценка экологической безопасности технологий обогащения и переработки минерального сырья Забайкалья / В.П. Мязин, Г.И. Хантургаева, Е.Н. Сергеенко, В.И. Мязина // ГИАБ. – 2008. – № 6. – С. 164-180.

6. Сергеенко Е.Н. Обоснование экологической безопасности рентгенорадиометрической сепарации сурьмяных руд Восточного Забайкалья: автореф. дис... канд. техн. наук: 25. 00. 36 / Сергеенко Елена Николаевна. – Чита, 2009. – 31 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мязин В.П., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
myazinvpchita@mail.ru

V. Myazin, Doctor of Engineering Science, Professor, Holder of the Chair of Mineral Dressing and Secondary Raw Materials, Chita State University

Научные интересы: экология горного производства при добыче и переработке минерального сырья

Areas of expertise: ecology of mining during production and processing of mineral raw materials

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: 31-70-90

Yu. Pavlenko, Doctor of Engineering Science (Geology and Mineralogy), Chita State University

Научные интересы: рудные месторождения, минерогения

Areas of expertise: ore deposits, mineragenic research

Сергеенко Е.Н., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

E. Sergeenko, post-graduate student, Chita State University

Научные интересы: экологическая безопасность

Areas of expertise: environmental safety





УДК 622.272

Пирогов Геннадий Георгиевич
Gennadi Pirogov

Пакулов Владимир Васильевич
Vladimir Pakulov

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НОВОЙ
ТЕХНОЛОГИИ РАЗРАБОТКИ
МАЛОМОЩНЫХ КРУТОПАДАЮЩИХ ЖИЛ**

**ECONOMIC ASSESSMENT OF NEW
MINING TECHNOLOGIES FOR THIN
STEEPLY DIPPING LODES**

Статья посвящена сравнительно-экономической оценке новой технологии разработки маломощных крутопадающих жил

The article deals with comparative economic assessment of new mining technologies for thin steeply dipping lodes

Ключевые слова: крутопадающая жила, система разработки с магазинированием, производительность, комплексы, малогабаритные самоходные машины, технология, слабонаклонные слои, закладка, валовая выемка, прибыль

Key words: Steeply dipping lode, system of shrinkage mining, productivity, complexes, small-sized self-propelled vehicles, technology, low-inclined layers, backfilling, bulk mining, profit

В настоящее время разработка маломощных крутопадающих жил характеризуется низкими технико-экономическими показателями и большой долей ручного труда. На земной поверхности накапливаются твердые отходы горной промышленности, в частности, хвосты обогащения, содержащие вредные и токсичные вещества. Создание эффективной ресурсосберегающей производственной технологии является актуальной проблемой.

В основу предложенной и научно обоснованной нами новой технологии валовой выемки маломощных крутопадающих жил слабонаклонными слоями с закладкой выработанного пространства гранулированными хвостами

обогащения и применением комплекса малогабаритных самоходных машин положен способ разработки маломощных крутопадающих жил, на который получен патент Российской Федерации [1].

Новая технология существенно повышает производительность труда на очистных работах вследствие использования современного высокопроизводительного самоходного оборудования. Внедрение технологии в производство в рыночных условиях целесообразно, если обеспечивается экономическая эффективность. Для условий Дарасунского золоторудного жильного месторождения нами выполнена сравнительная экономическая оценка предлагаемой технологии и базовой, основан-

ной на системе разработки с магазинированием руды блоками и мелкошпуровой отбойкой.

В качестве критерия экономической оценки принята прибыль на 1 т погашенных балансовых запасов

$$П = [с \cdot Ц_{AU} \cdot I_0 - (C_d + C_t + C_o + E_n \cdot K + 3p)] \cdot k_n, \quad (1)$$

где с – среднее содержание металла в руде, с = 10-12 г / т;

C_{AU} – цена 1 г золота, руб.;

I_0 – коэффициент извлечения металла при обогащении, д. ед.,

$I_0 = 0,85-0,9$;

C_d – себестоимость добычи руды, руб/т;

C_t – удельные затраты на транспортиро-

вание руды, руб/т;

C_o – себестоимость на обогащение руды, руб/т;

E_n – учетная ставка банка, доли ед., $E_n = 0,08$;

K – капитальные вложения на 1 т балансовых запасов, руб/т;

$3p$ – затраты на разведку месторождения, руб/т;

k_n – коэффициент извлечения металла из недр, д. ед.,

$k_n = 0,9$.

Результаты расчетов приведены в таблице.

Сравнительная экономическая оценка предлагаемой технологии и базовой

№ п/п	Наименование показателей	Ед. изм.	Технологии разработки	
			базовая	предлагаемая
1	Среднее содержание золота в руде	г / т	12	12
2	Цена 1 г золота	руб.	340	340
3	Коэффициент извлечения золота при обогащении	д. ед.	0,9	0,9
4	Себестоимость добычи руды	руб/ т	820	740
5	Удельные затраты на транспортирование руды	руб/ т	170	25,94
6	Себестоимость обогащения руды	руб/ т	970	970
7	Учетная ставка банка	д. ед.	0,08	0,08
8	Капитальные вложения на 1 т балансовых запасов	руб/ т	130,4	46,58
9	Затраты на разведку	руб/т	140	140
10	Коэффициент извлечения металла из недр	доли ед.	0,9	0,9
11	Параметры блока:			
	длина	м	30	200
	высота	м	50	50
12	Мощность жилы	м	1,2	1,2
13	Выемочная мощность	м	2	2
14	Потери	%	10	9
15	Разубоживание	%	25	35
16	Производительность труда	т/чел.-смену	7...10	34,7
17	Оборудование, применяемое на производственных процессах:			

Окончание таблицы

№ п/п	Наименование показателей	Ед. изм.	Технологии разработки	
			базовая	предлагаемая
	бурение шпуров		перфоратор ПТ-48	самоходная бурильная установка "микро-Пантофор"
	заряжание шпуров		вручную	Механизированное
	выпуск рудной массы		люковой	ПДМ "Microscop-100 E"
	транспортирование рудной массы		вагонетки ВГ-2,2 и электро-воз 7КРМ1	вагонетки ВГ-2,2 и электро-воз 7КРМ1
18	Годовая производительность рудника	тыс. т/год	100	100
19	Прибыль	руб/т	1975,29	2469,29
20	Экономическая эффективность	млн руб/год		20,8

Экономическая эффективность, приведенная в табл. 1, определена по формуле

$$Э_r = (П_{пред.} - П_{баз.}) \cdot A_{год}, \quad (2)$$

где $П_{пред.}$ – прибыль по предлагаемой технологии, руб/т;

$П_{баз.}$ – прибыль по базовой технологии, руб/т;

$A_{год}$ – годовая производительность рудника, тыс. т.

Выполненная экономическая оценка позволяет рекомендовать предлагаемую технологию к внедрению, т.к. при ней достигается годовая экономическая эффективность 20,8 млн руб.

Литература

1. Пат. РФ № 2371579. Способ разработки маломощных крутопадающих жил / Г.Г. Пирогов,

В.В. Пакулов. – Оpubл. 27.10.2009, Бюл. № 30.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Пирогов Г.Г., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Раб. тел.: 32-29-25

G. Pirogov, Doctor of Engineering Science, Professor, Chita State University

Научные интересы: внедрение новых технологий разработки маломощных крутопадающих жил

Areas of expertise: introduction of new mining technologies for thin steeply dipping lodes

Пакулов В.В., магистр техники и технологии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: 39-52-35

V. Pakulov, Master of Technology, Chita State University

Научные интересы: внедрение новых технологий разработки маломощных крутопадающих жил

Areas of expertise: introduction of new mining technologies for thin steeply dipping lodes





УДК 622.272

Романов Валерий Григорьевич
Valery Romanov

**ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ:
ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ, СВОЙСТВА**

**MINING AND GEOLOGICAL INFORMATION:
NOTION, PECULIARITIES, PROPERTIES**

Приведен понятийно-терминологический анализ горно-геологической информации. Предложено отраслевое (горно-геологическое) понятие информации, основанное на производственно-функциональном подходе. Рассмотрены свойства и особенности горно-геологической информации, а также методы ее формализации для автоматизированной обработки

Notional and terminological analysis of mining and geological information is given in the article. Branch (mining and geological) notion of information, based on productional-functional approach, was proposed. Properties and peculiarities of mining and geological information were considered, as well as methods of its formalisation for automatic processing

Ключевые слова: информация, горно-геологическая информация, геоинформационное пространство, автоматизированная обработка данных

Key words: information, mining and geological information, geoinformation space, automatic data processing

Возрастающий процесс компьютеризации практически всех сфер деятельности общества особым образом выделяет некоторые понятия, казавшиеся еще несколько лет назад достаточно обыденными. Одним из таких понятий, занимающих в сегодняшней повседневной жизни все более значимое место, становится информация. Практическое использование информации уже давно стало необходимостью при анализе и прогнозировании горно-геологических процессов. В то же время, теоретическим обоснованиям понятий "информация вообще" и "информация в горно-геологической сфере производства" уделялось недостаточно внимания.

Дать однозначное определение понятия "информация" представляется достаточно сложным, поскольку в зависимости от конкретной практической сферы использования данная категория приобретает некоторые особен-

ности, свойственные именно этой области применения и во многом специфичные. Тем не менее, можно выделить ряд общих признаков, позволяющих определить понятие «информация», охарактеризовав его наиболее важные стороны, проявляющиеся при любом практическом использовании.

Итак, информация, в ее общем понимании, представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, и ту меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы.

С практической же точки зрения получение информации можно определить как процесс уменьшения неопределенности в некоторой предметной области, вплоть до ее устранения вообще.

Информация проявляется во множестве аспектов:

– во-первых, производство информации как таковой – это производственная отрасль, т.е. вид экономической деятельности;

– во-вторых, информация является фактором производства, одним из фундаментальных ресурсов любой экономической системы;

– в-третьих, информация является объектом купли-продажи, т.е. выступает в качестве товара;

– в-четвертых, информация – это элемент рыночного механизма, который наряду с ценой и полезностью влияет на определение оптимального и равновесного состояний экономической системы;

– в-пятых, информация в современных условиях становится одним из наиболее важных факторов в конкурентной борьбе.

Человечество вступает в информационный век, и типом культурного бытия индивидов и социумов становится информационная среда. Информация сегодня – это не вспомогательный, как ранее, ресурс, которым призваны обеспечивать общество специализированные информационные подразделения (библиотеки, информационные центры и т.п.). Информация сегодня – это важнейший экономический ресурс наряду с материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами. Сегодня можно говорить о новом принципе информационного производства – информационном управлении вообще и в горно-геологическом производстве, в частности.

Современное горно-геологическое производство характеризуется сложными информационными взаимосвязями между его составляющими. В условиях рыночных отношений, увеличивающих роль конкуренции в производственных отношениях между предприятиями, значение горно-геологической информации неуклонно возрастает. Своевременное поступление, переработка и предъявление системе принятия решений актуальной информации являются существенным фактором в использовании резервов горного производства.

Исходя из сущности общего понятия «обеспечения» (указание на то, чем осуществ-

ляется обеспечение общества), горно-геологическое информационное обеспечение основывается на базовом понятии геоинформации – одной из разновидностей пространственной информации, востребованной и потребляемой обществом. Понятие геоинформации характеризуется, как минимум, тремя основными особенностями. Во-первых, это информация о конкретном географическом пространстве. Вторая особенность геоинформации – ее представление в пространственно-временной координатной системе. Третья особенность – ее преимущественно цифровая форма.

Важнейшей проблемой любой, в том числе и прикладной горно-геологической информационной науки (горной информатики), является унификация терминологии. Терминология, рожденная на стыке геологии и горного дела, математики и информатики, экономики, еще не устоялась. Это предопределило различное и достаточно вольное ее использование в научно-технической литературе и официальных документах. В соответствии с Законом РФ № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. необходимо сохранить жесткие формулировки терминов, заимствованных из информатики, придав им геологическую направленность. Поэтому вначале следует определиться с исходными основополагающими категориями, к числу которых относятся, прежде всего, отраслевые (горно-геологические) понятия информации.

Встреченные в литературе трактовки понятия «геологическая информация» немногочисленны и, в общем-то, принципиально не отличаются друг от друга (табл. 1). Но, видимо, каким бы емким и обширным ни было определение, в его рамках невозможно охватить все виды сведений, подпадающих под понятие «геологическая информация».

Поэтому, по нашему мнению, целесообразнее для определения понятия «геологическая информация» применить производственно-функциональный подход, дополнив его ог-

раничением, следующим из общей теории информации об уменьшении у получателя априорной неопределенности в некоторой предметной области при каждом акте получения дополнительных сведений о ней. Тогда можно определить, что *геологической информацией* являются разнообразные сведения, полученные при осуществлении видов деятельности, связанных с геологическим изучением и использованием недр, и дополняющие представления получателя об изучаемом геологи-

ческом объекте, явлении или процессе.

Геологическая информация бывает двух видов. К первичной информации относятся геодезические координаты пунктов наблюдений и опробования; керн скважин и образцы каменного материала; журналы полевых наблюдений, документации и опробования; результаты анализов проб и испытаний минерального сырья; записи геофизических наблюдений и другие.

Таблица 1

Трактовки понятия «геологическая информация»

Трактовка понятия	Источник
– под <i>геологической информацией</i> понимается «информация о геологическом строении недр, находящихся в них полезных ископаемых, об условиях их разработки, а также иных качествах и особенностях недр, содержащаяся в геологических отчетах, картах и иных материалах»	Ст. 27 Закона РФ «О недрах»
– <i>геологическая информация о недрах</i> (геологическая информация) – сведения (данные) о геологическом строении и истории геологического развития недр, составе, свойствах и условиях залегания горных пород, полезных ископаемых и других геологических образований, геофизических и геохимических полях, иных свойствах недр, а также способах и результатах изучения и использования недр и извлекаемых из них продуктов	Временное положение о порядке хранения, использования и передаче информации о недрах, полученной за счет государственных средств. Роскомнедра. М., 1994
– под <i>геологической информацией</i> понимается имеющаяся информация о строении месторождений, запасах полезных ископаемых, условиях их залегания и возможных путях использования, о геологическом строении и истории развития отдельных участков и земной коры в целом	Закон Ямало-Ненецкого автономного округа РФ «О геологической информации и информатизации недропользования». – 2002
– к <i>геологической информации о недрах</i> относятся данные о геологическом строении недр, составе, свойствах и условиях залегания горных пород, полезных ископаемых, подземных вод и других геологических образований, геофизических и геохимических полях, геологических процессах, экологическом состоянии геологической среды, количестве и качестве запасов полезных ископаемых, их добыче, а также материалы о результатах геологического изучения, воспроизводства и использования недр	http://www.gazeta.ru/print/2005/08/05/oa_166474.shtml
– под <i>геологической информацией</i> признаются сведения о результатах пользования недрами, содержащиеся в геологических отчетах, картах, текстовых, графических, машинных и иных носителях	Кодекс Республики Беларусь «О недрах»

Ко вторичной относятся все виды информации, полученные в результате обработки, интерпретации, анализа и обобщения первичных данных: геологические отчеты и графические приложения к ним, изданные карты и объяснительные записки к ним, цифровые карты геологического содержания и постоянно действующие модели, банки и базы данных по минеральным ресурсам, мониторингу геологической среды, геофизике и недропользованию.

Значительная часть геологической информации о геологическом пространстве основывается на избирательных наблюдениях и интуитивной компоненте представлений геолога. Деятельность геолога определяется нормативно-методическими документами и предшествующим предметным опытом. Представления геолога образуют интегрированную структуру и являются, по сути, моделью компонентов геологической среды.

Типовая модель горно-геологического объекта (явления) определяется набором горно-геологических показателей, характеризующих его и подлежащих регистрации. Материалы непосредственного изучения дополняют типовую схему и позволяют получить модель конкретного объекта геологического пространства.

Основой геологической модели объекта служит база формализованных геологических структурных элементов, что позволяет отделить процедуры сбора и актуализации информации от процесса ее обработки и интерпретации.

Экономическое значение горно-геологической информации заключается в том, что, с одной стороны, она служит инструментом управления, а с другой – принадлежит к его элементам. Ее следует рассматривать как одну из разновидностей управленческой информации, которая обеспечивает решение задач организационно-экономического управления горно-геологическим производством.

В информационных процессах, осуществляемых в управлении, горно-геологическая информация играет роль предмета труда (первичная, «сырая» информация) и продукта труда

(результатная, «обработанная» информация).

Говоря о понятии «горно-геологическая информация» с кибернетических позиций, информационный процесс управления горно-геологическим производством можно охарактеризовать как трансформацию горно-геологических сведений в экономическую информацию, необходимую для принятия решений, направленных на обеспечение заданного состояния горно-геологического производства и его оптимального развития.

Учитывая организационные структуры горно-геологических производств, классификацию горно-геологической информации целесообразно выполнить по следующим критериям: принадлежности к сфере материального производства (используемая для производства материальных благ и представляющая теоретическое значение); месту возникновения и отношению к горно-геологическим производствам (геологическая, маркшейдерская, горно-технологическая, горная производственно-технологическая и т.п.); месту хранения и накопления (с централизованным и децентрализованным хранением); степени интеграции (первичная, накопленная и т.п.); характеру значений (детерминированная, вероятностная, функциональная).

Среди названных критериев небольшого комментария требует критерий «место хранения и накопления». Традиционно на горно-геологических предприятиях используется децентрализованный способ накопления и хранения информации. Отделы и подразделения предприятия отвечают за свою часть информации и ведут ее своими средствами. С развитием компьютерных информационных систем и появлением систем управления базами данных типа «файл-сервер» и «клиент-сервер», основным местом хранения информации общего пользования становится сервер базы данных. Кроме того, развиваются и технологии распределенных баз данных, составные части которых могут находиться на разных компьютерах, что позволяет оптимальным образом осуществить централизованно-децентрализо-

ванную обработку горной информации.

По стабильности во времени горно-геологическая информация делится на постоянную (условно-постоянную) и переменную (текущую). Первая остается без изменений или же подвергается незначительным корректировкам в течение более или менее длительного периода времени. Это различные справочные сведения, нормативы, в экономике производства – кондиции, расценки, тарифы и т.п.

Переменная информация отражает результаты выполнения производственных операций на текущий момент времени, соответствует их динамизму и, как правило, участвует в одном технологическом цикле автоматизированной обработки. Период стабильности носит конкретный характер и определяется спецификой горно-геологического производства. Для оценки уровня стабильности горно-геологической информации используется коэффициент стабильности ($K_{ст.}$), рассчитываемый по формуле

$$K_{ст.} = \frac{ИС_{общ.} - ИС_{изм.}}{ИС_{общ.}}$$

где $ИС_{общ.}$ – общее число информационных совокупностей;

$ИС_{изм.}$ – число информационных совокупностей, изменивших свои значения за установленный период.

Если $K_{ст.} \geq 0,85$, то информационную совокупность принято считать условно-постоянной, и в условиях автоматизированной обработки информации ее следует организовывать и хранить в виде самостоятельных массивов нормативно-справочной информации.

Большую часть условно-постоянной информации при автоматизированной обработке данных рекомендуется хранить на машинных носителях. При этом отпадает необходимость постоянно включать эти данные в состав переменных массивов данных, формируемых для последующей обработки.

Горно-экономической информации свойственны некоторые особенности, вытекающие из ее сущности. Принципиальное значение при

создании систем обработки горно-геологической информации и формирования информационных технологий имеют следующие ее свойства:

- преобладание алфавитно-цифровых знаков;
- значительный объем как переменных (текущих), так и постоянных (условно-постоянных) данных;
- рассредоточенность источников возникновения информации и принципиальная невозможность концентрации и централизации процессов ее сбора и регистрации;
- возможность многократного использования одних и тех же данных;
- возможность длительного хранения информации с ее воспроизведением и обновлением;
- способность к преобразованию, агрегированию по определенным признакам, детализации (разукрупнению) и сжатию (укрупнению);
- цикличность, характерная для многих производственных процессов, особенно горных, заключающаяся в повторяемости составляющих их стадий и информации, отражающей эти процессы. Это свойство позволяет, единожды создав программу автоматизированного расчета, многократно амортизировать ее, что значительно упрощает процесс автоматизированной обработки данных.

Технология обработки горно-геологической информации с применением комплекса технических средств вызывает необходимость манипулирования отдельными информационными элементами, обеспечивать их изучение и формализованное описание, идентификацию для удобства обработки, хранения, передачи. Информация, представленная в формализованном виде, получила название «данные».

Горно-геологическая информация, являясь сложным по структуре образованием, может находиться в статическом или динамическом состояниях. Статическое состояние связано с ее более или менее длительным организованным хранением, накоплением в ин-

формационных фондах и базах данных (БД). Под базой данных здесь следует понимать всю совокупность данных, необходимых для решения задач конкретной предметной области, организованную по определенным правилам, позволяющим обеспечить независимость данных от прикладных программ, удобство хранения, поиска, манипулирования данными, которые записаны на машинных носителях. При этом каждый элемент строго идентифицируется для автоматизации процесса поиска, пополнения, обновления данных.

Динамическое состояние – постоянное движение информации в виде потоков, реализующее в автоматизированных системах функцию обмена сведениями.

Остановимся на следующем понятии, используемом в настоящей статье. Информационное обеспечение подразумевает предоставление необходимой информации для решения конкретных задач.

С позиций информационного обеспечения дополним наши представления об объектах освоения как объектах геоинформационного пространства. Частным видом геоинформационного пространства является геологическое, которое, в свою очередь, включает хронологическое и признаковое пространства, определяемые различными системами координат.

Геологическое пространство, в котором расположены геологические объекты, обычно трехмерное. Иногда можно рассматривать свойства геологических тел в двух измерениях (по площади), в одном или нулевом измерении (в отдельных точках). Измерение расстояний в геологическом пространстве требует применения той или иной системы координат. Чаще используется топографическая система координат и собственно геологическая (точка отсчета – какой-либо геологический элемент (подошва пласта, поверхность разрывного нарушения, интрузивного контакта), реже – условная, когда в роли координат выступают номера точек наблюдения, разведочных линий и т.п.

В хронологическом пространстве в роли координат выступают поверхности напласто-

вания горных пород, от которых можно перейти к шкале, где по координатной оси откладывается геологическое время.

Для изображения и исследования свойств геологических объектов обычно используют признаковое пространство, в котором по осям координат откладываются значения свойств. Поскольку свойств геологических объектов много, то и координатных осей бывает много, т.е. признаковое пространство чаще многомерное. Может быть применено сочетание нескольких координатных осей. По одним осям откладываются топографические, геологические или условные координаты, по другим – свойства геологических объектов.

Объекты геоинформационного пространства обладают бесконечно многими качествами. Качества отражают устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, позволяющую отличить один объект от других.

Качество обнаруживается в совокупности свойств. «Под свойством понимается способ проявления определенной стороны качества объекта по отношению к другим объектам, с которыми он находится во взаимодействии» (Ф.С. Воройский, 1998).

Как уже говорилось, каждый объект освоения обладает множеством разнообразных свойств. В частности, месторождение характеризуется масштабом, качеством руд, глубиной залегания рудных тел и пр. Горные породы – структурно-текстурными особенностями, трещиноватостью. Минералы обладают размером, формой, химическим составом, физическими свойствами и т.д. Изучение свойств каждого объекта зависит от вида объекта, а также от методов и задач геологического или горного наблюдения.

Информационные свойства объектов можно выразить как в числовой форме, так и логическими высказываниями. Роль логических высказываний в геологии и горном деле на всех этапах изучения объектов очень велика. Большинство описаний геологических объектов представляют собой именно логические

высказывания. Компьютерная (математическая) обработка числовых данных общеизвестна. Для перевода логических высказываний в числовую форму требуется выполнить процедуру формализации сведений о геологических или горных объектах.

Существует несколько способов формализации логических высказываний. Наиболее простой заключается в создании классификации логических высказываний и в отнесении конкретного высказывания в определенный класс. Например, при изучении руд может быть использована классификация их текстур, состоящая из пяти классов (однородная, вкрапленная, полосчатая, пятнистая, брекчиевидная). В простейшем случае классификация свойств содержит два класса: свойство есть (обозначается единицей) либо свойства нет (обозначается нулем).

Классификация может быть построена на основе возрастания свойства. Например, классификацию можно выстроить по увеличению (или уменьшению) зернистости структуры руды и присвоить классам номера (баллы). Для записи структуры руды в этом случае достаточно указать номер класса.

Можно отметить и другие особенности свойств геологических объектов. Так, некоторые свойства могут иметь непрерывные значения в каком-то интервале (например, содержание меди в руде 0...100 %). Другие свойства имеют прерывистые значения (например, число проб).

Важно различать также дифференциальные и интегральные свойства геологических объектов. Так, содержание какого-либо элемента в руде непостоянно и в соседних пробах имеет различные значения – это дифференциальное свойство. Интегральные свойства постоянны и присущи объекту в целом, например, средняя мощность рудного тела или запасы руды в блоке.

Таким образом, объекты геоинформационного пространства обладают разнообразными свойствами, которые можно записать в числовой форме, удобной для последующей компьютерной обработки. Если имеется n однородных геологических объектов и у каждого из них измерено или установлено k свойств, то результаты наблюдений могут быть сведены в таблицу (матрицу) размером $n \times k$ клеток (табл. 2).

Таблица 2

Результаты анализа двух геологических объектов (рудных тел), у которых изучено семь свойств

Номер геологического объекта	Свойства геологических объектов						
	1	2	3	4	5	6	7
1	0,23	0,40	5,2	45	1	0	3
2	0,15	0,25	1,2	31	1	0	2

В приведенной таблице свойства 1-4 имеют численные значения (например, содержание одного металла, %; содержание другого металла, %; мощность рудного тела, м; угол его падения, град.), 5 и 6 выражены логическими высказываниями (например, наличие каких-либо минералов), 7 – логическое высказывание, имеющее балльную шкалу (например, балльная характеристика структуры руды).

Геологические объекты могут быть охарактеризованы с позиции способов размещения наблюдений – точечных, линейных, площадных и объемных. Объемные представления объектов наиболее обычны при разведке и

зываются, имеющие балльную шкалу (например, балльная характеристика структуры руды). Геологические объекты могут быть охарактеризованы с позиции способов размещения наблюдений – точечных, линейных, площадных и объемных. Объемные представления объектов наиболее обычны при разведке и

разработке месторождений. Так, начиная со стадии предварительной разведки, рудные тела изучаются по мощности, простиранию и падению, т.е. в трех измерениях.

Геологические объекты изображаются на геологических картах, разрезах, погоризонтных планах, а также в виде компьютерных объемных моделей. Последние являются основой для машинного построения тех же карт, разрезов, планов, привязанных к необходимым отметкам координатных осей.

Изложенный материал позволяет сде-

лать следующие основные выводы.

Информация – это важнейший экономический ресурс горно-геологической отрасли производства наряду с материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами. От эффективности управления этим ресурсом в конечном итоге зависит эффективность развития отрасли в целом.

С целью унификации терминологии предложено отраслевое (горно-геологическое) понятие информации, основанное на производственно-функциональном подходе.

Литература

1. Кашкарев А.В. Геоинформатика / А.В. Кашкарев, В.С. Тикунов / Под ред. Д.В. Лисицкого. – М.: Картогеоцентр и геодезиздат, 1993.

2. Кузнецов О.Л. Геоинформатика / О.Л. Кузнецов, А.А. Никитин. – М.: Недра, 1992.

3. Воройский Ф.С. Систематизированный толковый словарь по информатике / Ф.С. Воройский. – М.: Либерия, 1998. – 424 с.

4. Капутин Ю.Е. Горные компьютерные технологии и геостатистика / Ю.Е. Капутин. – Л.: Недра. 2002. – 424 с.

5. Романов В.Г. Электрофизические методы исследования сульфидных минералов и рудных объектов: научное издание / В.Г. Романов. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 232 с.

Коротко об авторе

Романов В.Г., канд. геол.-минер. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

Научные интересы: информационные технологии обработки данных, электрофизические свойства сульфидов, технические средства их измерения

Briefly about the author

V. Romanov, Candidate of Science (Geology and Mineralogy), Professor, Chita State University

Areas of expertise: information technologies of data processing, electrophysical properties of sulphides, their calibration facilities





УДК 622.278

Романова Марина Викторовна
Marina Romanova

ОСОБЕННОСТИ СВОЙСТВ ГРУНТОВ г. ЧИТА, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ГЕОТЕХНИЧЕСКИЙ РИСК

PECULIARITIES OF PROPERTIES OF CHITA GROUNDS CAUSING GEOTECHNICAL RISK

Рассмотрены аспекты возникновения геотехнического риска, связанные с изменением свойств нескальных горных пород в процессе строительства и эксплуатации сооружений в региональных условиях. Приведены результаты экспериментальных исследований негативных геологических процессов, влияющих на трансформацию природных свойств грунтов

The aspects of origin of geotechnical risk, bound with change of properties of unrocky rocks are considered during construction and maintenance of facilities in regional conditions. The outcomes of experimental researches of negative geological processes influencing transformation of natural properties of grounds are adduced

Ключевые слова: геотехнический риск, негативные геологические процессы, трансформация природных свойств грунтов

Key words: geotechnical risk, negative geological processes, transformation of natural properties of grounds

Известно, что наблюдаемые в последнее время повреждения и аварийные ситуации с инженерными сооружениями в большинстве случаев связаны с недопустимыми деформациями грунтовых оснований.

В этой связи особое место занимает проблема устойчивости грунтов в условиях интенсивных техногенных нагрузок, оценка степени их изменения в процессе строительства и эксплуатации сооружений. Влияние комплекса природно-техногенных факторов приводит к утрате грунтами первоначальных параметров физико-механических свойств, которые были использованы при разработке проектной документации, что, в свою очередь, является причиной возникновения геотехнического и геоэкологического рисков. Следует отметить, что в перечень технологий, имеющих важное социально-экономическое значение и утвержденных распоряжением Правительства

РФ от 25.08.2008 г., входят технологии снижения риска и уменьшения последствий природных и техногенных катастроф. К факторам, приводящим к ухудшению показателей свойств грунтов, следует отнести возникновение или усиление негативных геологических (экзогенных) процессов, существенное нарушение гидрогеологического режима основания сооружения, изменение температурного режима грунтов, их химическое и биологическое загрязнение и т.д.

Анализируя общую ситуацию, сложившуюся в настоящее время в г. Чита, следует отметить, что специалисты проектных, строительных, изыскательских организаций, инвесторы-застройщики, как правило, не только не обращают внимание на проблему трансформации свойств грунтов, но и недооценивают роль полноценных качественных инженерных изысканий в успехе строительства. Пытаясь

снизить общую стоимость строительства и полагая, что район г. Чита достаточно изучен в инженерно-геологическом отношении, зачастую используют архивные данные, сокращают объемы и состав изысканий. Экспертные организации, как правило, также не обращают на это должного внимания. Между тем, как показывает практика, при отсутствии мониторинга свойств грунтов и сокращенной стоимости изысканий создается лишь «видимость» экономии. На самом деле происходит существенное удорожание строительства за счет выбора нерациональных технологий возведения объекта и его конструкций, а главное – снижение геотехнической надежности инженерных сооружений.

Одной из особенностей рассматриваемых условий района г. Чита, осложняющих сложившуюся ситуацию, является деградация многолетнемерзлых и аградация оттаявших грунтов вследствие влияния комплекса природно-техногенных факторов. В результате в активной зоне сооружений происходит качественное изменение свойств грунтов. Следует отметить, что на одной и той же площадке возможны проявления прямо противоположных процессов – деградации и аградации. Так, на площадке, расположенной по ул. Авиационной, 1 (объект № 1), в результате проведенных исследований был зафиксирован подъем кровли ММГ внутри неотапливаемого здания цеха металлоконструкций в течение 15 лет. Результаты изысканий 2006 г. установили наличие ММГ на глубине 1,5 м от дневной поверхности. В то же время в основании отапливаемого здания гаража (объект № 2), находящегося на расстоянии 250 м от упомянутого цеха, изыскания 2007 г. ММГ на глубине 15 м не были обнаружены.

В обоих случаях основания рассматриваемых сооружений представлены следующими грунтами: суглинками элювиальными средней мощностью 18 м, для объекта № 1 – мерзлыми, для объекта № 2 – тальми; супесью мерзлой средней мощностью 1,6 м, а также песками средней крупности, крупными и граве-

листами средней мощностью 4,25 м, находящимися в мерзлом состоянии.

Архивные данные, наличие трещин в стенах, конструкция и выполненное усиление здания свидетельствуют о том, что деградация ММГ произошла в начальный период эксплуатации гаража.

В настоящей статье приведены результаты исследований трех типов грунтов, которые в известной мере могут рассматриваться в качестве характерных песчано-глинистых пород изучаемого района, изменяющих свои свойства под влиянием техноприродных факторов. Одной из характерных особенностей рассматриваемых грунтов является изменение их фильтрационной прочности под влиянием суффозионных процессов. Впервые на возможность проявления суффозии в грунтах г. Чита обратили внимание специалисты ОАО «ЗабайкалТИСИЗА». Заключение, выданное ими, хотя и не было подтверждено соответствующими расчетами и опытами, явилось основанием для более глубокого исследования фильтрационно-суффозионных свойств грунтов автором статьи.

Ввиду недостаточной изученности рассматриваемого вопроса нами была выполнена аналитическая и экспериментальная проверка возможности проявления суффозионных процессов на одной из площадок строительства многоэтажного жилого дома по проспекту Белика. Данный участок расположен в пойме р. Чита и подвергался периодическому затоплению. Максимальный его уровень в 1991 г. достигал 1,5 м. Геологический разрез под зданием на пр. Белика представлен песками гравелистыми мощностью 3,5...5,6 м, которые расположены над слоем суглинков (элювий алевролитов), подошва последних результатами изысканий не установлена. Верхняя часть разреза представлена насыпными грунтами незначительной мощности.

В соответствии с данными гранулометрического состава коэффициент неоднородности песка составил $K_n = 31,67$. Так как грунт относится к неоднородным, и соотношение

средних диаметров крупной фракции и мелкой составляет более 20, грунт можно отнести к суффозионноопасным.

Анализ инженерно-геологического разреза показал, что суффозионные процессы под фундаментом здания могут проходить от кровли суглинков до подошвы фундамента по всей мощности гравелистых песков.

Анализируя различные схемы движения фильтрационного потока, в том числе и наиболее вероятную с затоплением подвала, мы установили, что во всех случаях гидравлический градиент превышал значение 5, и поэтому проявление суффозионных процессов в грунтовом основании в начальный период затопления было вполне допустимо. С целью проверки этого предположения была проведена

серия экспериментальных исследований с грунтами упомянутой площадки строительства. В связи с тем, что в научной литературе сведений о каких-либо значительных экспериментальных исследованиях, касающихся изменения свойств пород вследствие суффозии, в последние годы не приводилось, сопоставление полученных данных с результатами подобных исследований было затруднительно [1].

В опытах моделировались разные условия работы грунтов под фундаментами зданий:

- варьировалась степень неоднородности грунта;
- изменялась удельная нагрузка на грунт;
- изменялся градиент напора.

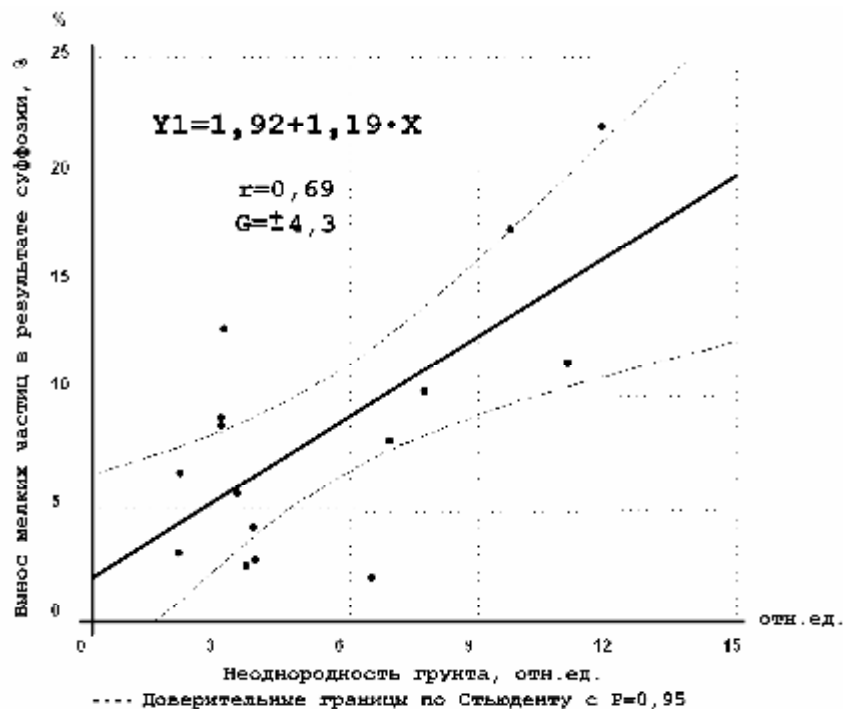


Рис. 1. Схема зависимости выноса мелких частиц грунта от его неоднородности, отн. ед.

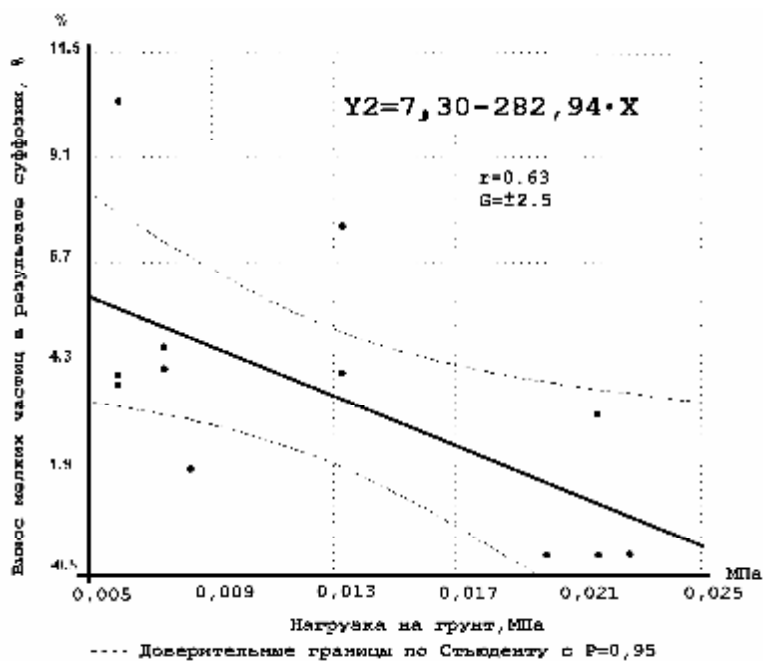


Рис. 2. Схема зависимости выноса мелких частиц грунта от прикладываемой на него нагрузки, МПа

Результаты первой серии опытов уже позволили выявить некоторые тенденции, требующие более детального и тщательного изучения. На рис. 1 и 2 показаны зависимости выноса частиц грунта от его неоднородности и прикладываемой нагрузки.

Оба графика указывают на существенную корреляционную связь; коэффициенты корреляции составили $r_1=0,69$ и $r_2=0,63$; соответствующие ошибки аппроксимации $\sigma_1=\pm 4,3$ и $\sigma_2=\pm 2,5$. Данные зависимости аппроксимированы линейными зависимостями вида:

$$Y=1,92+1,19 \cdot X_1;$$

$$Y=7,30-282,94 \cdot X_2,$$

где Y – вынос мелких частиц грунта в процессе испытания, %;

X_1 – значение неоднородности грунта, отн. ед;

X_2 – нагрузка на грунт, создаваемая штампом, МПа.

Подобные исследования суффозионной устойчивости глинистых грунтов были проведены сотрудниками кафедры гидрогеологии и

инженерной геологии ЧитГУ для гидрозолюта (ГЗО) Читинской ТЭЦ-1. Постановка проблемы была вызвана тем, что проектируемые к использованию в качестве противофильтрационного экрана грунты карьеров № 1 и № 2 не были исследованы на предмет проявления суффозионных свойств.

Грунты в карьерах на глубину до 5 м представляют собой выветрелые алевролиты, интенсивно разбитые морозобойными трещинами. Материал дезинтегрирован в той или иной степени. Причем в отдельных пробах грунт представлял собой действительно суглинок с соответствующими фильтрационными свойствами, но в подавляющем большинстве случаев – выветрелый алевролит в виде отдельных обломков размером до 5 см с коэффициентами фильтрации, соответствующими щебню или трещиноватой скальной породе (до 35 м/сут).

Региональной особенностью исследованных грунтов является то, что в естественном состоянии они не могут быть отнесены ни

к скальной породе, ни к суглинку. Суффозионный вынос частиц начинается при определенных градиентах напора, зависящих от степени уплотнения грунта. Для слабо уплотненного грунта ($P_d = 1,11 \text{ г/см}^3$), плотность которого ниже природной ($p_d = 1,5 \text{ г/см}^3$), суффозионный размыв начинается при градиентах напора $J = 5-7$. В результате выноса мелких частиц коэффициент фильтрации грунта увеличивается в 2...3 раза. Для более уплотненных грунтов с коэффициентами фильтрации $K = 0,018...0,008$

м/сут суффозионные процессы незаметны даже при значениях градиентов напора $J > 22$. В ряде случаев при $J < 22$ не отмечалась и фильтрация, т. е. эта величина является начальным градиентом напора, при котором суглинок практически водонепроницаем.

В качестве примера на рис. 3 приведены графики изменения коэффициента фильтрации в зависимости от плотности сложения суглинков и времени замачивания, полученные в результате упомянутых исследований.

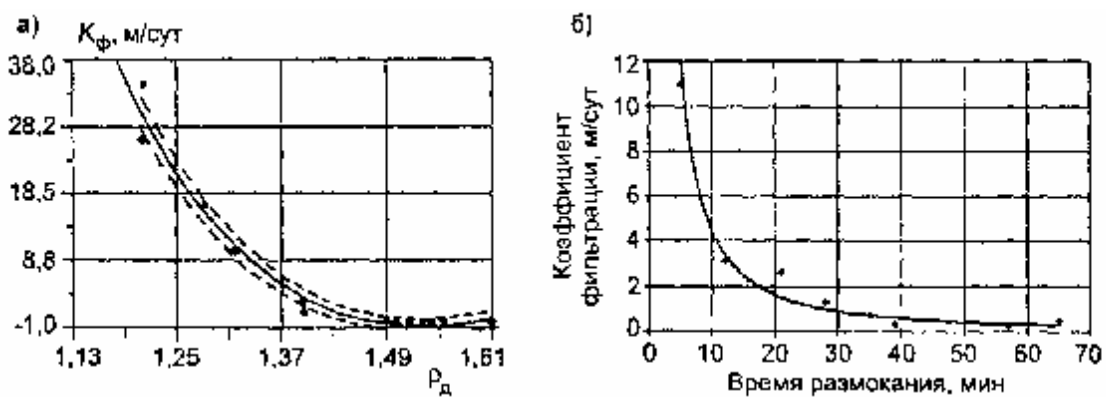


Рис. 3. Схема изменения коэффициента фильтрации K_f :

- а – при возрастании плотности P_d сложения суглинков (нарушений структуры);*
- б – при увеличении продолжительности замачивания суглинка (нарушенной структуры)*

В процессе проведения опыта, продолжительность которого составила 2...3 ч и более, водопроницаемость грунта снижалась. Очевидно, при размокании грунта лишь его наиболее выветрелая часть способна к набуханию за отмеченный промежуток времени.

Необходимо отметить одно парадоксальное обстоятельство: суффозия нередко представляет собой побочный результат применения мероприятий по защите от других экзогенных геологических процессов. При этом снижается эффективность инженерной защиты и возникают новые непредвиденные проблемы, например, для объекта «Оползневой склон на 24 км автомобильной дороги Чита – Улеты» [2].

Участок на 24 км автомобильной дороги

Чита – Улеты проходит по обрывистому берегу р. Ингода. Сошедший оползень в 1995 г. поставил под угрозу эксплуатацию примыкающих к границе оползания автомобильной и железной дорог. Причиной оползания массива пород явилось ошибочное техническое решение о пригрузке динамически неустойчивого склона каменно-набросным материалом.

Обнажение почти вертикального откоса, сложенного слабопрочными нижнемеловыми переслаивающимися толщами аргиллитов, алевролитов и песчаников, привело к интенсивным процессам выветривания, эрозии, обвалам, а также объемному промерзанию пород обнаженного массива.

В 1998 г. институтом «ЗАБАЙКАЛЖЕЛДОРПРОЕКТ» с привлечением сотрудников

Читинского государственного университета на данном участке были выполнены детальные инженерно-геологические изыскания.

В результате исследований выявлено различие в величинах напорных градиентов, при которых начинается процесс механического выноса частиц из оползневого склона. Установлено, что понятие суффозионного грунта является относительным: при сравнительно больших градиентах напора и малых сжимающих напряжениях в скелете исследованные грунты могут быть суффозионными, а при больших напряжениях и малых градиентах те же грунты могут оказаться несуффозионными. С увеличением плотности сложения грунта возможность суффозии уменьшается.

Полученные данные послужили основой для количественной оценки возможности процесса выноса частиц из грунтов склона в диапазоне существующих в нем напорных градиентов. Это, в свою очередь, позволило дать прогноз изменения механических свойств исследованных грунтов во времени и обосновать технические решения укрепления склона.

Дополнительным фактором, влияющим на развитие геотехнического риска, вследствие трансформации свойств грунтов, является возникновение такого процесса, как просадочность.

Одним из показательных примеров противоречивой оценки просадочных свойств грунтов являются результаты инженерно-геологических изысканий, проведенных «ЗабайкалТИСИЗОМ» на площадке строительства 9-этажного жилого дома. Описываемая площадка находится в центральном районе г. Чита, по ул. Ленина. В геоморфологическом отношении площадка расположена в пределах 2 надпойменной левобережной террасы р. Чита с абсолютными отметками 644,25...644,70 м.

В геологическом строении принимают участие гравийно-галечниковые отложения с песчаным заполнителем (а1). Аллювиальные (а1) грунты распространены до глубины 4,8...5,8 м.

Наибольший интерес вызвали элювиальные отложения, находящиеся в нижней

части разреза. Они представлены продуктами глубокого выветривания алевролитов, выветрелых до состояния суглинка комковато – плитчатой структуры. При испытании элювиальных суглинков в компрессионных приборах в сухом и замоченном состояниях (по методу двух кривых), а также при замачивании под нагрузкой (по методу одной кривой) получили различные значения коэффициента относительной просадочности. Так, 6 из 10 испытаний показали, что суглинки при замачивании под нагрузкой 0,2 МПа – непросадочные, по 4 испытаниям – просадочные. Какой-либо особой закономерности в таких разбросах значений не наблюдается. Однако следует отметить, что просадочные свойства элювиального суглинка с глубины 6,5...7,0 м увеличиваются, т.к. в нижней части разреза они более трещиноватые, мелкокомковатые, что, видимо, и определяет их просадочные свойства при замачивании. По данным компрессионных испытаний, наибольшее относительное сжатие происходит на образцах с предварительным замачиванием, а меньшее – на образцах, замачивание которых происходит под нагрузкой.

Ввиду того, что для такого типа грунта не свойственно проявление просадочных свойств и приуроченность такого явления зарегистрирована для других районов РФ, на описываемой площадке были выполнены дополнительные изыскания в марте 2004 г. По результатам выполненных исследований суглинка на площадке строительства 9-этажного жилого дома по ул. Ленина в г. Чита были характеризованы непросадочными. Но, тем не менее, однозначного ответа изыскательских организаций на возможность проявления просадки суглинков нет. Это связано с тем, что оба метода исследований просадочных свойств грунтов хорошо известны в научно-технической литературе и разрешены ГОСТом к использованию.

Выводы

1. Проведенные экспериментальные исследования показали, что для условий г. Чита свойственно проявление таких процессов, как деградация ММГ, аградация, суффозия и про-

садка. На сегодняшний день в районе г. Чита наблюдается тенденция развития подобных негативных процессов и явлений, что может быть причиной изменения первоначальных свойств грунтов и увеличения геотехнических рисков.

2. В рассмотренных условиях г. Чита существует система взаимосвязанных факторов, значение каждого из которых, его доля в общей системе негативных воздействий, влияние на состав и свойства грунтов изучены недостаточно. Геосфера и объекты строительства, взаимодействуя между собой, образуют природно-техногенную среду, в которой происходят процессы техногенеза. Грунты, находящиеся в зоне техногенного влияния, утрачивают свои первоначальные параметры, на которые опирались проектировщики.

3. Используемые в регионе (Забайкальский край) методики оценки и прогноза изменения физико-механических свойств грунтов не могут обеспечить достоверность и полноту информации об их показателях на этапах строительства и эксплуатации сооружений.

4. Одной из причин сложившегося положения является традиционно выполняемые независимые исследования отдельных показателей физико-механических свойств грунтов только на стадии изысканий под строительство объекта без учета их трансформации.

Приведенные примеры убедительно доказывают необходимость введения системы мониторинга свойств грунтов в процессе строительства и эксплуатации зданий с последующим использованием результатов в геотехническом картировании [3].

Литература

1. Бабелло В.А. Гидрогеологические исследования устойчивости бортов бурогольных разрезов в Забайкалье / В.А. Бабелло, А.Е. Беляков // Горный журнал. – 2005. – № 3. – С. 3-7.

2. Отчет по инженерным изысканиям на объекте «Ликвидация оврагообразования на 24 км автодороги Чита – Улеты». – Чита

«ЗАБАЙКАЛЖЕЛДОРПРОЕКТ». – 2001. – 45 с.

3. Романова М.В. Применение оценки надежности деформационных свойств грунтов оснований при геотехническом картировании территории г. Чита / М.В. Романова, В.А. Бабелло // Межвузовский тематический сборник трудов. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 209-214.

Коротко об авторе

Романова М.В., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Marinarom7@pochta.ru

Научные интересы: область прогнозирования механических свойств грунтов и методы их исследования, проблемы безопасности жизнедеятельности человека

Briefly about the author

M. Romanova, post-graduate student, Chita State University (ChSU)

Areas of expertise: prediction field of mechanical properties of grounds and methods of their study, problems of personal safety





УДК 551.242 (571.5)

Салихов Владимир Салихович
Vladimir Salikhov

**ОБЪЕМНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ
ГРАНИТОИДОВ И ИХ ЭКСГУМАЦИЯ
(НА ПРИМЕРЕ МАССИВА «СОСНОВЫЙ БОР»,
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)**

**BULK MOBILITY OF GRANITOIDS AND THEIR
EXHUMATION (BY THE EXAMPLE OF "SOSNOVY BOR"
MASSIF, CENTRAL TRANSBAIKALIA)**

На примере гранитоидного массива «Сосновый Бор» рассмотрена объемная подвижность и деформации кристаллических пород, их дезинтеграция и структурные преобразования при перемещении массивов на дневную поверхность

By the example of "Sosnovy Bor" granitoid massif bulk mobility and exhumation of crystalline rocks, their disruption and structural transformations, indicating exhumation and outcrop of massifs on the day surface, are considered

Ключевые слова: тектонические деформации, объемная дезинтеграция, катакластическое течение, диапиры

Key words: tectonic deformations, bulk disruption, cataclastic movement, diapirs

Среди проблем современной тектоники и структурной геологии выделяется проблема объемной и реидной (теку) подвижности горных пород, приводящая к тектонической деформации и выводу, в конечном итоге, на поверхность кристаллических пород фундамента платформ, а также пород орогенных поясов после вхождения их в состав консолидированной земной коры [2].

Широкое распространение гранитоидов на земной поверхности (особенно в Забайкалье, где находится один из крупнейших батолитов в мире *Ангаро-Витимский*), сформированных первично на достаточно больших глубинах (более 5 км), ставят вопросы о механизмах, их перемещениях, возникающих при этом характерных признаках структурной переработки на различных масштабных уровнях. Перемещение (преимущественно вертикальное)

в пространстве пород кристаллического фундамента и образование диапировых тел, иньективной складчатости и протрузий (особенно известных для тектонически перемещенных серпентинизированных пород основного и ультраосновного составов) описаны и зафиксированы во многих регионах. Гранитные же протрузии менее известны и мало описаны.

Подвижность пород фундамента и их выход на поверхность в «холодном» состоянии, особенно на этапах тектонической активизации, имеет теоретическое и прикладное значение (понятие особенностей глубинной геодинамики, ее механизмах и следствиях, формирование осадочных бассейнов и их рудоносность, перемещение в пространстве стабильных блоков, решение вопросов стратиграфии и др.).

В Забайкалье широким распространени-

ем пользуются гранитоидные и гранито-нейсовые комплексы докембрия, палеозоя и мезозоя, на долю которых приходится значительные объемы кристаллического фундамента. Последний выведен на поверхность на больших площадях и составляет, таким образом, щит молодой каледонско-герцинской платформы [4].

Выведение пород фундамента на дневную поверхность (гравитационное субвертикальное воздымание) сопровождается расланцеванием, брекчированием, разгнейсованием и другими структурно-вещественными их преобразованиями. Они, однако, наблюдаются далеко не всегда и часто породы сохраняют первичный состав и строение. И все же в ряде мест все-таки устанавливается объемная тектоническая деформация и подвижность (деформации течения вязкого, вязкопластичного, хрупкопластичного или катакластического материала), что свидетельствует о поступательной (после вхождения гранитоидов в состав консолидированной коры и становление их как самостоятельных магматических тел) переработке пород и в процессе их движения к дневной поверхности. Одним из таких массивов является гранитоидный массив «Сосновый Бор» Центрального Забайкалья, названный нами так по месту его расположения.

Гранитоидный массив «Сосновый Бор» находится в Центральной части Читино-Ингодинской депрессии, относящейся к широко известным мезозойским рифтогенным впадинам Забайкальского типа (или грабен-синклинали) северо-восточного простирания. Впадина выполнена юрско-меловыми терригенными и угленосными отложениями, образующими ряд вторичных синклинально-антиклинальных структур. Фундамент сложен метаморфическими докембрийскими кристаллическими и магматическими породами палеозоя. Отмечаются и эффузивы (потоки) основного и среднего составов пермского возраста. Впадина с северо-запада окаймляется по тектоническому нару-

шению – сбросу докембрийскими метаморфическими и магматическими образованиями – поднятие Яблоневого хребта (экспонированный кристаллический фундамент в результате мезозойской орогении). На юго-востоке расположено поднятие хребта Черского, сложенное разновозрастными магматическими и вулканоплутоническими комплексами (рис. 1). Среди последних находится гранитоидный массив «Сосновый Бор», относящийся к бичурскому комплексу позднего триаса [1]. Массив занимает крайнее юго-восточное положение Ангаро-Витимского батолита, имеет как интрузивные, так и тектонические контакты, среди которых выделяются и кольцевые разломы. Они свидетельствуют о наличии здесь очаговых структур эндогенного происхождения.

Массив (площадь около 150 км²) выражен в рельефе и выходит в северо-западном борту поднятия Черского; сложен гранитами, гранодиоритами, субщелочными кварцевыми сиенитами и граносиенит-порфирами в фациальном взаимоотношении. Породы светло- и светло-серые, средне- до крупнозернистых, нередко со шлировой текстурой. В шлировых выделениях, размером 1...2 до 10...15 см, темно-серые и серые тонкозернистые кварцевые диориты.

Гранитоиды подвержены объемной деформации и структурным преобразованиям, они выражаются:

- 1) дробной делимостью трещинами и разрывными нарушениями, имеющими различную ориентировку;
- 2) катакластическими деформациями, брекчированием;
- 3) образованием «шаровых» структур;
- 4) множественными поверхностями скольжения (кливаж);
- 5) объемным тектоническим течением (рейдной тектоникой) и образованием слайс-структур.

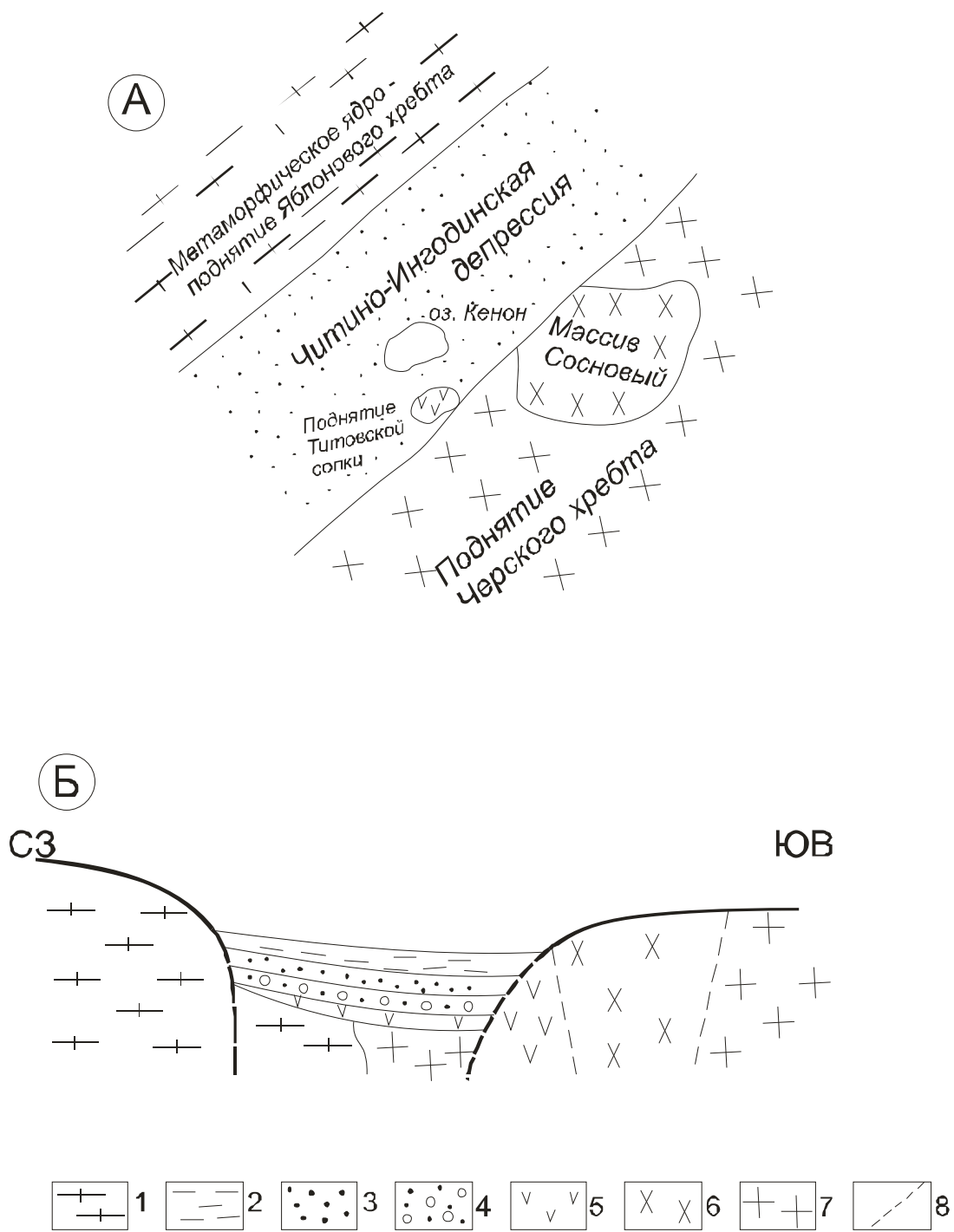


Рис. 1. Схема строения (А) и схематический профиль (Б)
Читино-Ингодинской депрессии и ее обрамления:

1 – докембрийские метаморфиты и магматиты; 2 – четвертичные отложения; 3 – меловые песчано-алевритовые накопления; 4 – меловые грубообломочные отложения; 5 – пермские вулканиты; 6 – гранитоиды массива «Сосновый» (триас); 7 – пермские гранитоиды; 8 – разломы

Дробная делимость массива разноориентированными трещинами и разрывными нарушениями относится к хрупкой необратимой деформации горных пород под действием, в том числе, скалывающих или растягивающих напряжений (чередование деформационных режимов – транспрессии и транстенсии), которая приводит к образованию в массиве различных блоков (рис. 2, а), размером в первые метры, блочной и субпластовой отдельности. Безусловно, к образованию такой трещинова-

тости, кроме собственно тектонических причин, причастны причины термические и гравитационные. Первые из них проявляются на этапах раскристаллизации расплава, еще в недрах Земли (контракционные трещины), вторые – связаны с тектонокессонным эффектом при выходе гранитоидов на дневную поверхность (снятие нагрузки). Совокупность проявления этих причин усложняет общий рисунок трещиноватости массива.

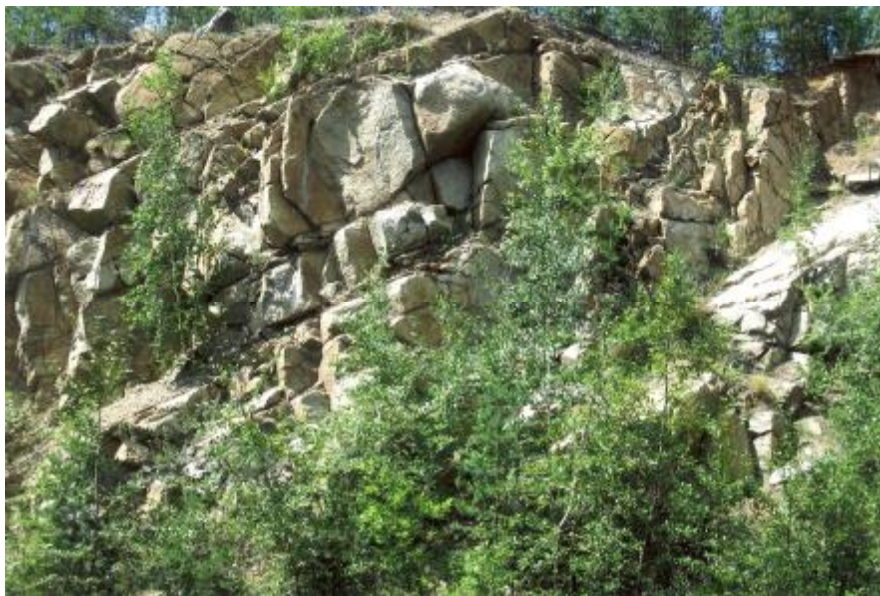


Рис. 2, а. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: дробная делимость, блочность и тектоническая структура

Катакластические деформации сопровождаются хрупкими образованиями (трещины) и выражаются в появлении зон дробления, брекчирования (рис. 2, б), что нарушает сплошность горных пород. Такие зоны прослеживаются на глубину и разделяют массив на менее деформированные участки.

Образование «шаровых» структур

(*текстур*) – наиболее примечательное и выразительное явление из признаков объемной подвижности, дезинтеграции и деформации. Формируются шаровые или эллиптические тела размером 1,0...2,0 м и более, которые широко используются как декоративный материал при облицовке фасадов зданий и оформлении скверов в столице Забайкалья.



Рис. 2, б. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: зоны интенсивного дробления – слева (хрупкие деформации), окаймляющие менее преобразованные участки

Гранитоиды теряют внутреннюю связность и первично монолитные породы превращаются, в конечном итоге, в глыбовые хао-

тические скопления (рис. 2, в) на дневной поверхности.

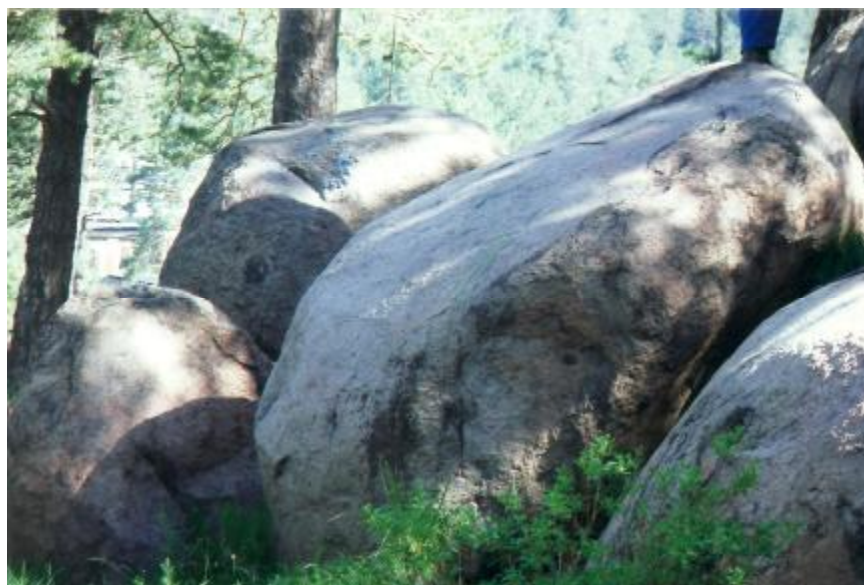


Рис. 2, в. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: скопление «шаровых» выделений на поверхности

Такие шаровидные выделения отмечаются и в самом массиве (рис. 2, г), они характеризуются отчетливо выраженной скорлуповатой отдельностью. Такой структурной переработке гранитов способствует и первичная разноориентированная трещиноватость, по которым происходит значительная интенсифи-

кация разрушения пород. Способствует этому, видимо, и наблюдаемая иногда первичная неоднородность пород: центральные части таких шаров имеют более мелкозернистую структуру и лейкократовый состав, а к периферии – отмечается укрупнение зерна и повышение содержания темноцветов.



Рис. 2, г. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: «шары» со скорлуповатой отдельностью в коренном массиве

Дальнейшее тектоническое воздействие (при активизации) приводит к катаклазу и брекчированию пород по периферии шаровых выделений. Зоны же с хорошо выраженной шаровой отдельностью составляют десятки метров и нередко ограничены наиболее дробленными (до состояния глинисто-алевритовой фракции) и обохренными породами, в которых устанавливаются вертикальные субпараллельные трещины типа кливажного расщепления (рис. 2, д) с множеством поверхно-

стей скольжения.

Объемное тектоническое течение (рейдная тектоника) – способность горных пород, в том числе кристаллических, к связному течению в твердом состоянии, в пластическом или хрупко-пластическом проявлении с образованием, в конечном итоге, «слайс-структур» (по М.Г. Леонову), т.е. происходит перераспределение горных масс не только по вертикали, но и по латерали.



Рис. 2, д. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: множественные поверхности скольжения милонитизированные и обохренные

Этот тип структурной переработки всплывающихся гранитоидных массивов характеризуется образованием большого количества субпараллельных трещин, которые пересекаются трещинами иного направления, в

том числе извилистыми, что приводит к образованию линзовидных и уплощенных тел (рис. 2, е). Размеры линз различные: от десятков сантиметров до 1 м и более.



Рис. 2, е. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: пластические и хрупкопластические деформации (линзы) и слайс-структуры

Относительное перемещение линзовидных тел и сопутствующее катакластическое течение приводят к появлению между ними брекчированных, (рис. 2, ж) интенсивно обожженных пород мощностью от первых сантиметров до 0,2 м, а локальное узловое (до 0,15 м) образование кластических пород, вероятно,

свидетельствует о заполнении пустот, связанных с дилатансией и снятием напряжений. Наличие вертикальных трещин приводит к смещению пластин в вертикальном направлении и указывает на субвертикальное растяжение – деформационный режим – трансенсия (рис. 2, з).



Рис. 2, ж. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: катакластические преобразования по границам линз слайс-структур

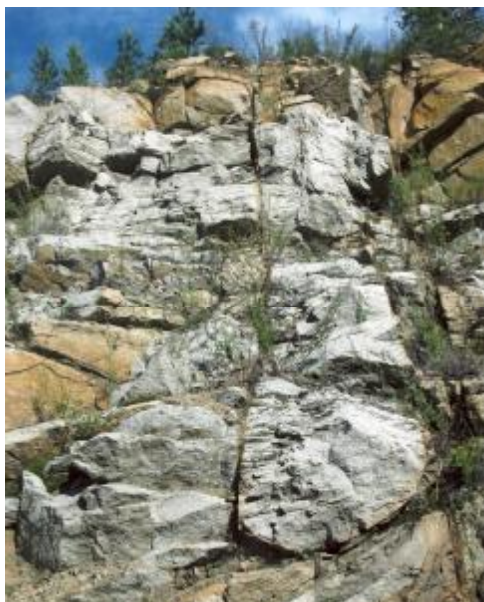


Рис. 2, з. Структурно-текстурные преобразования гранитоидов массива «Сосновый Бор»: смещение пластин и субвертикальное растяжение

В некоторых местах в апикальной части массива фиксируются тектонические микститы (по классификации М.Г. Леонова), связанные с тектонической дезинтеграцией пород, их релаксацией. Такие микститы расположены несколько ниже коры выветривания и под почвенным слоем (см. рис. 2, б).

Таким образом, особенности строения и структурные преобразования гранитоидного массива «Сосновый Бор» – объемная тектоническая дезинтеграция и шаровые текстуры, разлинзование, образование слайс-структур, наличие большого количества субпараллельных трещин, наличие тектонических микститов свидетельствуют о потере первичной связности гранитов, изменении их вязкостных свойств и их вторичной протрузивной природе, значительно оторванной от первичного времени образования их из магматического расплава и кристаллизации на глубине. В формировании массива необходимо, по крайней мере, выделять два этапа, существенно отличных по времени: первый связан со становлением массива (его кристаллизация на глубине) как геологического тела, и второй – с выходом этого массива на поверхность или перемещением к таковой. Следует учесть и длительность (десяtkи млн лет) остывания интрузивных массивов, объемом более 1 тыс. км³. Возможно выделение и третьего этапа в геологической истории массива – это становление его как части рельефа уже в неоген-четвертичное время.

Изложенное дает возможность разрешить некоторые проблемные вопросы стратиграфии, в частности, разрешить дискуссию по возрасту вмещающих пород Удоканского месторождения. Так, по изотопным данным, воз-

раст сакуканской свиты, вмещающей рудные тела месторождения, оценивается в 1,8...1,9 млрд лет (исходя из абсолютного возраста кеменских гранитоидов, «рвущих» накопления сакуканской свиты). Структурно-текстурные же данные, высокая сохранность осадочного облика, невысокий метаморфизм, не соответствующий такому возрасту, а также обнаружение в намингинской вышележащей свите, биоты [5], близкой к знаменитой австралийской идиокариевой фауне венда (650...570 млн лет), позволяют оценить возраст сакуканской свиты и месторождения, по крайней мере, как позднедокембрийский (позднерифейский), что соответствует одноименной, наиболее крупной эпохе меденакпления в истории Земли.

Таким образом, в соответствии с изотопными данными, образование кеменских гранитоидов, как геологического тела в недрах Земли, произошло в раннем докембрии, а вывод их на дневную поверхность произошел значительно позже (очевидно в мезозое), о чем свидетельствуют и перекрывающие гранитоиды юрские угленосные накопления Апсатского бассейна и др., первично распространенного на значительно большей площади. Следует подчеркнуть, что время формирования вмещающей среды и время появления в ней оруденения также могут значительно различаться.

Механизмом же вывода гранитоидного массива на дневную поверхность явилось как такластическое течение (как это показано в работах [2, 3], приведшее к объемной подвижности горных пород и усиливаемый их гравитационным всплыванием в узлах тектонической активности (протрузивный механизм).

Литература

1. Геологическая карта Читинской области масштаба 1:1000000. – 1996 (Н.Н. Чабан и др.).
2. Леонов М.Г. Поступная тектоника и механизм эксгумации гранитоидных массивов (на примере Прибайкалья и Тянь-Шаня) / М.Г. Леонов, Ю.А. Морозов, А.В. Никитин // Геотектоника, 2008. – № 2. – С. 3-31.

3. Паталаха Е.И. О дифференциальной подвижности совместно деформируемых разнородных геологических тел, ее причинах и следствиях (вязкостная инверсия) / Е.И. Паталаха // Геотектоника, 1971. – № 4. – С. 15-21.
4. Попков В.И. Тектонический принцип районирования нефтегазоносности / В.И. Попков,

В.А. Соловьев, Л.П. Соловьева // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. – 2009. – № 7. – С. 4-7.

5. Сеница С.М. Проблема Удоканской био-

ты Кодаро-Удоканского района Забайкалья / С.М. Сеница // Проблемы рудообразования, поисков и оценки минерального сырья. – Новосибирск, 1996.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Салихов В.С., д-р геол.-мин. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
root@chitgu.ru

V. Salikhov, Doctor of Engineering Science (Geology and Mineralogy), Professor, Chita State University

Научные интересы: стратиформные и другие геолого-промышленные типы медного оруденения; рудно-магматические системы и вопросы их самоорганизации

Areas of expertise: stratiform and other geological-commercial types of copper mineralization, ore-magmatic systems and issues of their self-organization





УДК 551.242 (571.5)

Тюпин Владимир Николаевич
Vladimir Tyupin

Михайловский Александр Викторович
Alexander Mikhailovsky

**ДЕЙСТВИЕ ВЗРЫВА В НАПРЯЖЕННОМ
ТРЕЩИНОВАТОМ ГОРНОМ МАССИВЕ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОРНЫХ ВЫРАБОТОК
И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ТОННЕЛЕЙ**

**BLAST EFFECT IN PRESTRESSED FRACTURED
ROCK MASSIF AT DRIVING OF MINE WORKINGS
AND RAILWAY TUNNELS**

В статье приведен механизм действия взрыва при проходке выработок и железнодорожных тоннелей в трещиноватых напряженных горных массивах. Рассмотрены зоны действия взрыва. Зона заколов обеспечивает снижение устойчивости массива на контуре выработки. Зона взрывных остаточных напряжений принимает участие в обрушении породы на контуре выработки и разрушении обделки тоннеля. Для снижения вредного влияния взрыва необходимо принять специальную технологию или проходить выработки и тоннели механическим способом

The article describes the mechanism of blast effect at driving of mine workings and railway tunnels in prestressed fractured rock massifs. Areas of blast effect are considered in the article. The area of flaws causes decreased stability of the massif within the envelope of the mine working. The area of blast residual stress causes rock slide within the envelope of the mine working and destruction of tunnel lining. It is necessary to use special technology or to drive mine workings and tunnels mechanically in order to reduce adverse effect of blasting

Ключевые слова: действие взрыва, горный массив, проведение выработок

Key words: blast effect, rock massif, driving of mine workings

Крепление горных выработок и железнодорожных тоннелей является весьма трудоемким и дорогостоящим процессом, который, в первую очередь, зависит от величины горного давления, устойчивости горных пород, сечения горных выработок и т.д. При этом на устойчивость горных выработок значительно влияет напряженно-деформированное состояние (НДС) окружающего горного массива после взрывных работ.

Для оценки влияния действия взрыва на НДС трещиноватого массива в условиях подземных горных работ ОАО Приаргунское горно-химическое объединение (ППГХО) были проведены несколько серий экспериментальных исследований. Исследования проводились на глубине 630...690 м и от поверхности земли в горных выработках диаметром 3...4 м с использованием приборов акустической эмиссии (ЗП-5), сейсмических приборов (ПОСВ) и ульт-

развуковых приборов. Напряженное состояние горного массива оценивалось до и после взрывания групп зарядов ВВ.

Проведенные экспериментальные исследования и анализ литературы по деформи-

рованию трещиноватого массива взрывом позволили установить механизм формирования зон заколов и остаточных напряжений в трещиноватом массиве при взрыве заряда ВВ, параллельного открытой поверхности (рис. 1).

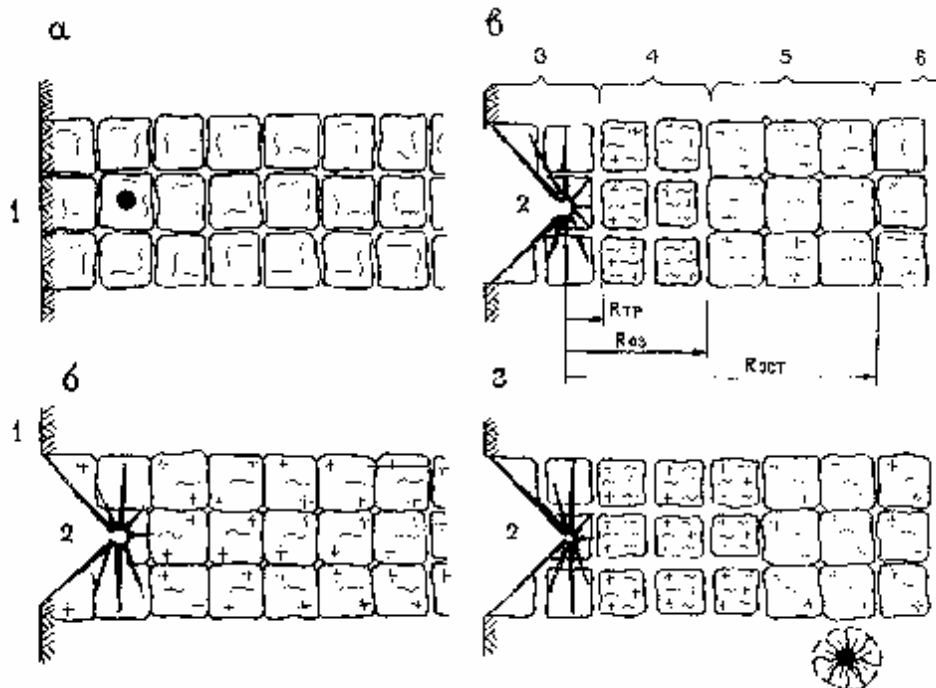


Рис. 1. Развитие процесса деформирования трещиноватого массива взрывом во времени

а – до взрыва; б – во время взрыва; в – после взрыва; г – после сейсмического воздействия очередного взрыва; 1 – выработанное пространство; 2, 3, 4, 5 – соответственно зоны выброса, дробления, заколов, остаточных напряжений; 6 – зона естественного состояния массива

Под действием давления продуктов детонации (ПД) трещиноватый массив начинает смещаться во все стороны от взрывааемых зарядов ВВ, что сопровождается дроблением отдельностей в зоне 3, деформациями и трением на берегах естественных трещин, а также упругими деформациями отдельностей в зонах 4 и 5. Движение части массива 2 в сторону выработанного пространства 1 сопровождается выбросом отдельностей.

После падения давления в зарядных полостях реакция упруго деформированных взрывом отдельностей и горное давление в зонах 3 и 4 приводят к смещению массива в

сторону пространства 1. Причем запас упругой энергии в зонах 3 и 4 превышает энергию, расходуемую на трение, возникающую между отдельностями, что сопровождается смещением массива и падением напряжения в этих зонах с образованием заколов. Возвращению упруго деформированных отдельностей в зоне 5 в первоначальное НДС (до взрыва) препятствуют силы трения на берегах естественных трещин, создаваемые горным давлением. То есть массив за пределами зоны заколов как бы «запрессовывается», и его напряженное состояние в зоне 5 увеличивается.

Таким образом, за зоной дробления от-

дельностей в трещиноватом массиве находятся зоны с измененными физическими свойствами, что выражается в образовании заколов в зоне 4 и уменьшении ширины раскрытия естественных трещин в зоне 5 с изменением напряженного состояния отдельностей массива в зонах 4 и 5. Проведение следующего цикла буровзрывных работ на расстоянии от зоны 5 приводит к практически мгновенному прира-

щению величины напряжений в зоне, что обеспечивает превышение сил трения в ней и разгрузке массива за счет сейсмического действия взрыва, в результате чего максимум напряжений смещается вглубь массива, а напряжения в зоне максимума уменьшаются (рис. 2). Основные параметры НДС массива при проведении горной выработки буровзрывным способом приведены на рис. 2.

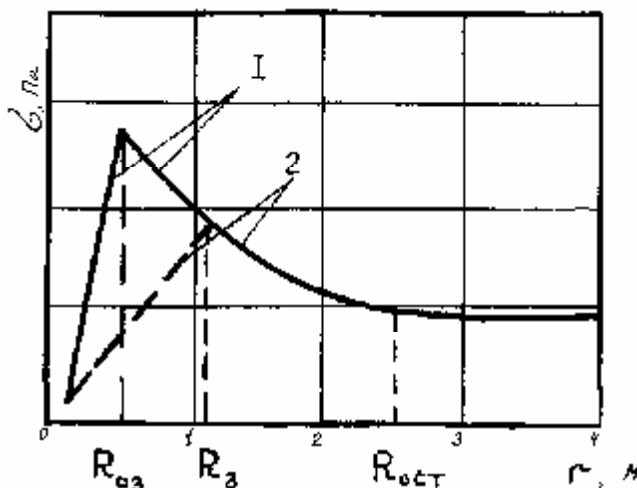


Рис. 2. Зависимость остаточных напряжений σ (Па) с расстоянием r (м) от борта выработки
1 – вблизи забоя выработки; 2 – на расстоянии от забоя, после разгрузки массива сейсмическим действием взрывов на проходке

$$s(r) = 2E_p \frac{mn}{1-n} \frac{dr}{d_e R_3} \sum_1^k \sin^2 b_i,$$

Па, при $0 < r < R_3$;

$$s(r) = \frac{\sqrt{p}}{8} \frac{Dr_6 d_3 c}{r K_c \Phi} \left(1 - \frac{mn}{1-n} \right)$$

$$K_{n\perp} K_{\perp}(N) K_{от} + P(1-m),$$

Па, при $r \geq R_3$,

(1)

где r – текущее расстояние от контура выработки вглубь массива, м;

R_3 – расстояние от контура выработки до максимума в зоне остаточных напряжений на любом удалении от забоя, м;

$R_{оз}$, – расстояние от контура выработки до максимума в зоне остаточных напряжений вблизи забоя выработки, м;

K_c – показатель, учитывающий сейсмическое действие взрыва;

D, r_6, d_3 – детонационные и геометрические параметры ВВ;

E_p, c, n, m – физико-технические свойства отдельностей горного массива;

d, d_e, k, b, Φ – параметры трещиноватости массива;

$K_{n\perp}, K_{\perp}(N), K_{от}$ – показатели, учитывающие взаимодействие зарядов ВВ и открытую поверхность;

P – величина горного давления в ненарушенном массиве.

Производственные экспериментальные исследования, проведенные на урановых руд-

никах ОАО «ППГХО», позволили установить зависимости радиуса зоны заколов (расстояние от контура выработки до дальнего закола (рис. 3). Исследования проводились по обнажению горного массива после врезки выработ-

ки в борт, перпендикулярно оси существующей выработки. Типовые параметры буровзрывных работ при проходке выработок на рудниках ОАО «ППГХО»: диаметр шпуров – 42 мм, ВВ – аммонал 200, взрывание – электроогневое.

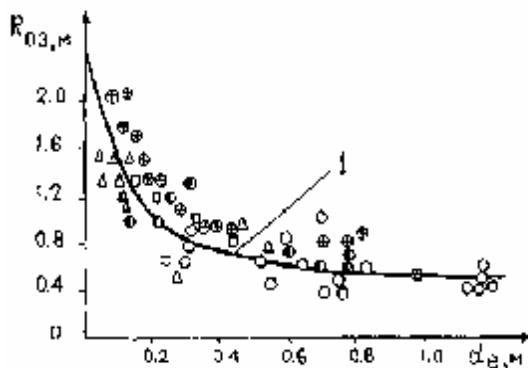


Рис. 3. Зависимость расстояния между контуром выработки и границей зоны заколов ($R_{оз}$) от размера естественных отдельностей (d_e)

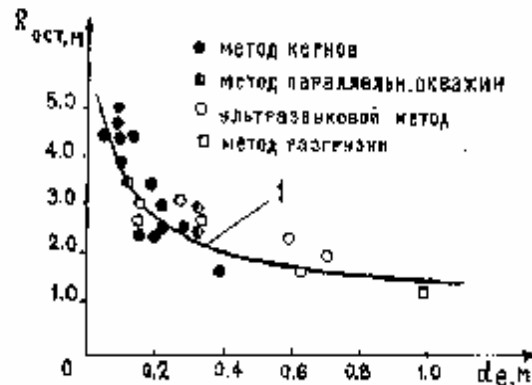


Рис. 4. Зависимость расстояния между контуром выработки и границей зоны остаточных напряжений ($R_{ост}$) от размера отдельности (d_e)

Промышленные экспериментальные исследования по определению зависимости радиуса зоны остаточных напряжений от среднего размера отдельности в массиве проводились методом кернов, параллельных скважин, методом разгрузки и ультразвуковым методом. Результаты исследований приведены на рис. 4. Анализ рис. 3 и 4 показывает, что ширина (\mathcal{W}) зоны остаточных напряжений ($\mathcal{W} = R_{ост} - R_{оз}$) при размере отдельности $d_e = 0,1$ м составляет 2...3 м; при $d_e = 0,4$ м, $\mathcal{W} = 1...2$ м; при $d_e = 1,0$ м, $\mathcal{W} = 0,5...1,0$ м.

Максимальное значение величины остаточных напряжений в горном массиве очевидно находится на расстоянии $R_{оз}$. Для примера была определена для Северо-Муйского тоннеля максимальная величина взрывных остаточных напряжений и величина горного давления в ненарушенном массиве.

Средняя величина горного давления определялась в зависимости от глубины расположения тоннеля, объемной массы вышележащих пород и угла внутреннего трения массива. Данные приведены в таблице.

Расчетные значения максимальной величины остаточных напряжений и средней величины горного давления в Северо-Муйском тоннеле на глубине 500 м

$d_e, \text{м}$	$\Phi, \text{м}$	m	$P_{ср}, 10^6, \text{Па}$	$R_{оз}, \text{м}$	$S(r), 10^6, \text{Па}$
< 0,05	> 12	< 0,2	> 13,3	> 2,0	< 19,6
0,05-0,15	12-10	0,2-0,3	13,3-15	2,0-1,1	19,6-30,6
0,15-0,40	10-8	0,3-0,45	15-18	1,1-0,7	30,6-48,2
0,40-1,0	8-6	0,45-0,6	18-22	0,7-0,6	48,2-69,3
> 1,0	< 6	> 0,6	> 22	< 0,6	> 69,3

Анализ таблицы показывает, что величина остаточных напряжений после проведения взрывных работ на дальней границе зоны заколов (в зоне максимума остаточных напряжений) в 1,5...3 раза превышает среднюю величину горного давления в глубине массива. Со временем, за счет временной релаксации напряжений, за счет сейсмического действия землетрясений и вибродинамического воздействия подвижного состава величина максимума остаточных напряжений уменьшается и смещается в глубь массива. При этом величина напряжений на контуре выработки и крепи выработки или обделки железнодорожного тоннеля увеличивается и может достигать 0,3...0,5 от напряжения в максимуме, т.е. 6,0...35,0 МПа.

Это приводит к нарушению обделки, т.к. величина прочности неповрежденного бетона составляет 40,5 МПа. Явление интенсивного нарушения обделки железнодорожного тоннеля обнаружено в Северо-Муйском тоннеле [1].

Проведенные нами исследования доказывают появление эффекта формирования зоны остаточных напряжений в горном массиве.

В последующем напряженные породы зоны остаточных напряжений деформируют породы зоны заколов и железобетонную обделку, принимая участие в ее разрушении. Уровень напряжений на контуре выработки превышает среднее горное давление в 1,2...1,5 раза и сопоставим с пределом прочности железобетонной обделки или набрызгбетона на сжатие 10...40 МПа. Это говорит о существенном влиянии пород зоны остаточных напряжений и зоны заколов на устойчивость обнажений, крепи горных выработок или железобетонной обделки тоннеля.

Для снижения влияния взрывных работ при проходке выработок и тоннелей на НДС законтурного массива разработана специальная технология ведения БВР с применением контурного взрывания. Наилучшим способом проходки тоннелей и выработок можно считать механический – с помощью горно-проходческих комплексов, комбайнов, тоннелепроходческих машин, которые не создают неустойчивые зоны заколов и активные зоны взрывных остаточных напряжений.

Литература

1. Быкова Н.М. Северо-Муйский тоннель из XX в XXI век / Н.М. Быкова, С.И. Шерман. – Новосибирск: Наука, 2007. – 185 с.
2. Тюпин В.Н. Повышение эффективности геотехнологии с использованием энергии взрыва

при деформировании трещиноватых напряженных массивов горных пород: автореф. дис. ... д-ра техн. наук / В.Н. Тюпин. – М.: ВНИПИГТ, 2002. – 267 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Тюпин В.Н., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский институт железнодорожного транспорта (ЗабИЖТ), ИРГУПС

V. Tyupin, Doctor of Engineering, Transbaikalian Institute of Railway Transport (TIRT), ISCU

Научные интересы: разрушение горных пород взрывами

Areas of expertise: destruction of rocks by blasting

Михайловский А.В., директор по производству ОАО ППГХО

A. Mikhailovsky, Operational Director, PPGHO OJSC

Научные интересы: разрушение горных пород взрывами

Areas of expertise: destruction of rocks by blasting

Педагогика



УДК 378.5

Вежевич Татьяна Ефимовна
Tatyana Vezhevich

**РАСШИРЕННОЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО КАК ЦЕЛОСТНАЯ
СРЕДА СУБЪЕКТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
ПАТРИОТА**

**THE EXTENDED EDUCATIONAL SPACE AS THE
INTEGRAL ENVIRONMENT OF SUBJECT
DEVELOPMENT OF THE PATRIOT**

Раскрываются особенности расширенного регионального образовательного пространства, где происходит развитие индивидуальности творческого человека, способного служить Родине, людям. Особый интерес представляет модель расширенного регионального образовательного пространства, разработанная Т.Е. Вежевич

The author describes the features of the regional extended educational space, where individuality of the creative person, capable to serve the motherland and the people, develops. The model of the regional extended educational space developed by T. Vezhevich, is of special interest

Ключевые слова: образовательное пространство, среда, патриот, дополнительное образование, воспитание, общественность, школа, музей, индивидуальность, религия

Key words: educational space, environment, the patriot, additional education, upbringing, the public, school, a museum, individuality, religion

Развитие общества, его культуры, социального опыта стало возможным лишь потому, что в любые времена старшее поколение находило способы передачи накопленного жизненного опыта новому поколению людей. Передача и активное усвоение данного социального опыта составляет суть самого воспитания как основы развития человечества и его неотъемлемой жизненной функции на всех этапах жизни общества.

Воспитание в широком смысле слова представляет собой социальный процесс, где становление и развитие личности происходит под воздействием всей совокупности объек-

тивных и субъективных факторов. В современном обществе действует комплекс институтов, направляющих свои усилия на воспитание: семья, средства массовой информации, литература, искусство, трудовые коллективы, органы правопорядка.

Ребенок взаимодействует с другими детьми и взрослыми не только в школе, но и в учреждениях дополнительного образования, общественных объединениях и организациях, учреждениях культуры, семье и т.д. Являясь институтами социализации, эти учреждения занимаются специально организованной деятельностью, направленной на развитие лично-

сти ребенка, дополняя друг друга и составляя целостное системное образование, эффективность которого зависит от того, насколько образовательные программы соединены с личностным становлением ребенка и совпадают с индивидуальным маршрутом и темпом развития.

В связи с этим возникает необходимость создания единого воспитательного пространства, которое интегрируется в одной личности и определяет траекторию индивидуального развития индивида. Такое понимание социальных институтов позволяет увидеть их как пространство возможностей и выборов, включенное в более широкое социальное пространство – расширенное воспитательное пространство. Так утверждается новая социально-педагогическая парадигма воспитания, в рамках которой базовыми идеями развития воспитания являются идеи социально-педагогической солидарности и социального партнерства, идеи сетевого взаимодействия и проектирования, построения педагогически целесообразных отношений в социуме.

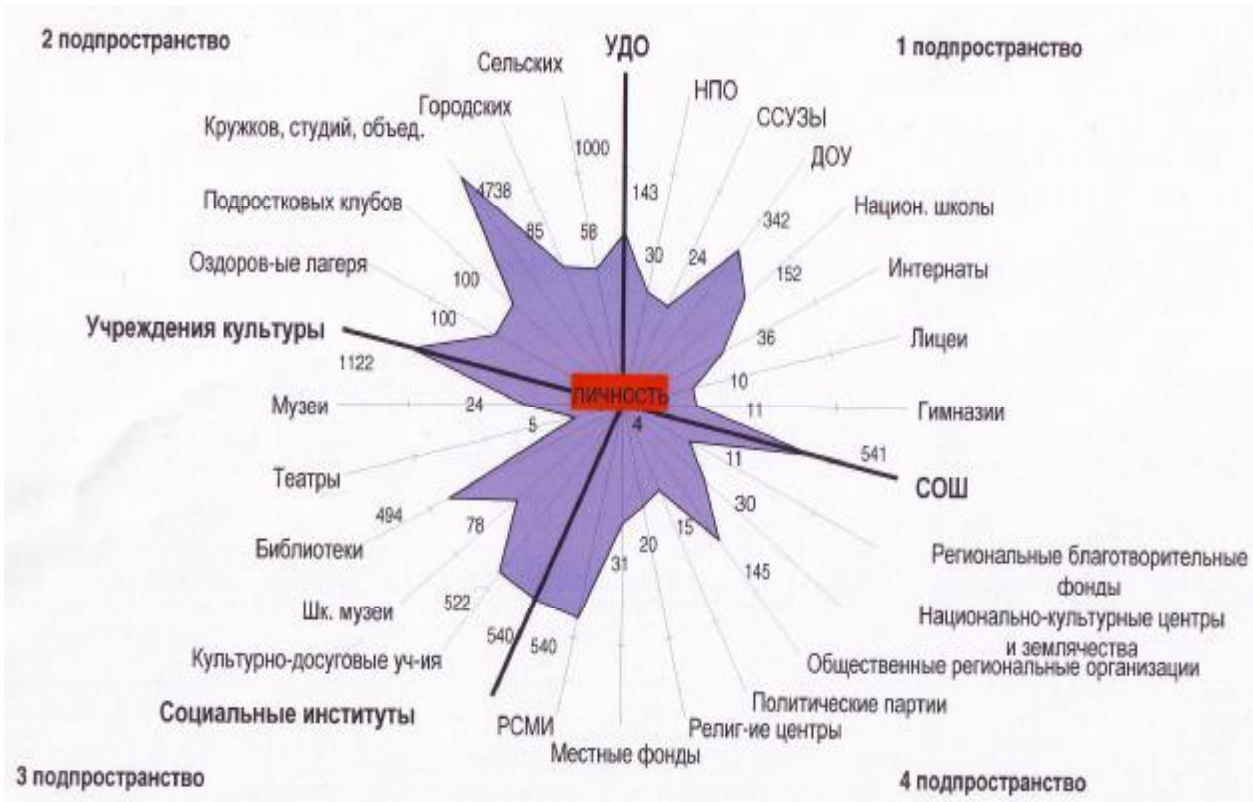
Сама по себе среда – данность, и не всегда обладает воспитывающим влиянием. Мы рассматриваем воспитательное пространство как существующую в социуме среду, где субъективно задаются множества отношений и связей, где интегрируются усилия различных систем (государственных, общественных, смешанных) по развитию индивида и его социализации в обществе. Воспитательное пространство можно смоделировать, если задать в нем определенные отношения, связи и взаимодействие субъектов, создать ценностно-смысловое единство всех субъектов данного пространства, выявить и использовать весь воспитательный потенциал среды.

Для эффективной организации патриотического воспитания подрастающего поколе-

ния необходимо создать такую особую среду, которая интегрирует лучшие традиции педагогической практики воспитания патриотов в единый действенный механизм личностного развития ребенка. Как считает А.Н. Вырщикова, «природа, родители, родственники, Родина, народ – это не случайно однокоренные слова. Это своеобразное пространство патриотизма, в основе которого лежат чувства Родины, родства, укорененности и солидарности, любви, которая обусловлена на уровне инстинктов. Оно необходимо, ибо мы не выбираем родителей, детей, Родину, место своего рождения» [3]. На наш взгляд, именно такое воспитательное пространство, где в основе лежат обозначенные ценности, может обеспечить педагогически последовательное решение задач воспитания, в том числе и патриотического.

Рассмотрим особенности регионального (республиканского) воспитательного пространства, которое включает всю сеть образовательных учреждений, взаимодействующих с различными социальными институтами, реализующими государственную политику в области воспитания. Трансформационные процессы последнего времени в сфере образования всех уровней привели к формированию новой модели образовательной политики и как следствие – к расширению пространства воспитания, где важную роль в развитии личности играет гражданское сообщество. Возникает необходимость соорганизации действий педагогической, родительской, детской и иной общественности для более полного раскрытия потенциала личностного развития ребенка. И тогда педагоги, родители, дети и просто граждане становятся субъектами единого воспитательного пространства.

Современное республиканское воспитательное пространство можно представить в виде четырех подпространств:



Подпространство-1 воспитания формируется образовательным учреждением, под которым мы понимаем учреждения образования всех видов и типов и уровней. Изначально функции воспитания в обществе были возложены на школу. Именно она определяет социальное становление индивидов на определенном этапе жизненного пути практически во всех странах мира.

Пока еще не существует в мире более успешных, широко распространенных институтов социализации молодого поколения, имеющих достойную альтернативу современной школе как институту социализации. Более того, образовательное учреждение влияет на социальное становление ребенка целенаправленно и систематически в течение длительного периода времени и способно обеспечить психолого-педагогическую поддержку личности каждого воспитанника. Через учебную и внеурочную деятельность, социокультурную среду образовательного учреждения происходит формирование духовно-нравственных ценностей

воспитанника. Именно в школе ребенок познает мир, свой край и учится любить его и служить своему народу. Приобретение знаний, правильный выбор профессии, умения четко определить свои жизненные перспективы, самореализовать себя позволяют во взрослой жизни быть полезным обществу и выполнить свой патриотический долг. Посредством целенаправленно заданных воспитательных систем происходит формирование социальных, мировоззренческих, нравственных качеств личности.

Долгое время ребенок был объектом воспитания в пространстве образовательного учреждения. В настоящее время ребенок, как и другие участники учебно-воспитательного процесса, становится субъектом педагогической деятельности, что существенно меняет качество заданного в подпространстве взаимодействия субъектов и сказывается на эффективности педагогического воздействия.

Уникальным явлением педагогической действительности является подпространство-2 –

среда дополнительного образования, обладающая огромным воспитательным потенциалом. Несмотря на то, что учреждения дополнительного образования относятся к образовательным учреждениям, в силу их специфики, дополнительное образование мы выделяем в особое подпространство. Из десяти видов учреждений дополнительного образования детей республики основную часть составляют дома и центры детского и юношеского творчества (38,1 %), детско-юношеские спортивные школы (25,1 %), клубы физической подготовки (20,1 %), станции юных техников и натуралистов (5 %).

Дополнительное образование детей, как зона ближайшего развития основного образования, компенсирует, расширяет, гуманизирует, индивидуализирует школьное образование. Приоритетами дополнительного образования являются формирование здорового образа жизни; совершенствование гражданского, правового и патриотического воспитания; развитие исследовательской деятельности; создание условий для развития технического творчества. Педагогически последовательно решая выдвинутые в своей образовательной программе учебно-воспитательные задачи, любой творчески работающий педагог-практик дополнительного образования детей одновременно создает не только дидактическое (обучающее), но и воспитывающее пространство. Через реализацию образовательных программ различных направлений (туристско-краеведческое, физкультурно-оздоровительное, экологическое, эстетическое, техническое и т.д.) выстраивается взаимодействие детей и взрослых, в процессе которого и происходит становление личности, формирование патриотического сознания, воспитание патриотических качеств личности и патриотических чувств. В практической деятельности воспитанник учится любить малую родину, улучшать окружающую действительность, уважать местные традиции и историю своего народа.

Необходимо отметить, что в настоящее время дополнительное образование детей и молодежи направлено на решение проблем

развития личности через ее самоопределение, самоорганизацию и самореализацию.

В своем исследовании «Внешкольное дополнительное образование детей Республики Бурятия. Из теории и практики работы» Т.Д. Жалсанова отмечает, что дополнительное образование детей приобрело гибкость, мобильность, стало востребованным для детей и общества. «Дополнительное образование – это особое пространство, где на первый план выходит личность ребенка, а не учебные программы, где объективно задается множество отношений, где не только осуществляются специальные познавательные, развивающие игры и освоение опыта исполнительства, творчества и эмоционально-ценностных отношений, но и расширяются возможности для жизненного самоопределения детей. Внешнее расширение пространства дополнительного образования влечет за собой формирование внутренней образовательной среды в самих детях (склонностей и интересов)» [2].

В целом, необходимо отметить, что за счет повышения статуса дополнительного образования республиканское воспитательное пространство значительно расширяется.

Несомненно, огромный воспитательный потенциал несут в себе культура, искусство. Расширение республиканского воспитательного пространства происходит за счет появления и функционирования таких социальных институтов, как музеи, театры, библиотеки, клубы и т.д., реализующие специфические программы и проекты, направленные на развитие личности ребенка (подпространство-3). Огромную роль в воспитании патриотов играют музеи, являющиеся научным и просветительским учреждением, которое «осуществляет комплектование, хранение, изучение, экспонирование и популяризацию памятников материальной и духовной культуры, естественно-исторических коллекций» [1]. По своему уровню, значению, содержанию, профилю, категории и другим показателям музеи отличаются, но в современных условиях они все активно способствуют формированию нового человека – человека

XXI в. Музеи являются эффективным средством духовно-нравственного, патриотического воспитания детей и молодежи. Знакомство с историческим прошлым, боевыми и трудовыми традициями народа дает возможность формировать чувство гордости за свою школу, село, историческое прошлое родного края, Отечества. Музейные экспозиции убедительно демонстрируют яркие примеры проявления патриотизма нашими соотечественниками, земляками. Особая роль музеев заключается в том, что они формируют целостные знания о прошлом, дают возможность извлекать из него все ценное, что необходимо в настоящей и будущей жизни, а также понимание различных ценностей и культур.

Большое воспитательное воздействие оказывают на человека театры, культурно-досуговые учреждения. Средствами искусства воспеваются величие России, родные просторы. Через театральные постановки мы глубже понимаем величие и трагизм многих исторических событий, на примерах жизни и деятельности героев спектаклей учимся любить и защищать Родину. Высокое искусство способствует формированию высоких общечеловеческих нравственных ценностей, прочной гражданской позиции.

Особенностью современного периода является объединение усилий всех учреждений культуры и искусства, реализация комплексных, межведомственных программ и проектов, направленных на достижение стратегических целей государственной политики в области воспитания подрастающего поколения. Особенно ценными являются программы и проекты, целью которых является подготовка подрастающего поколения к унаследованию многовековых традиций культуры и искусства. Следует заметить, что ведущая роль в подпространстве-3 сохраняется за школой.

Особого внимания требует многоликое подпространство-4, представленное различными социальными институтами – семья, общественность, СМИ, военные организации, религиозные конфессии и т.д. Каждый из

представленных институтов в отдельности имеет глубокие исторические корни и огромный социальный опыт воспитания подрастающего поколения.

Особенностью современного республиканского воспитательного пространства является попытка объединения усилий различных социальных институтов по решению проблем воспитания, освоение новых социальных навыков и ролей, развитие культуры социального поведения граждан с учетом открытости общества, его быстрой информатизации, роста динамики изменений. Появление в качестве партнеров образования, социальные институты становятся проводниками образовательной политики в регионе: включаются в процессы выработки, принятия и реализации правовых и управленческих решений в образовании.

Становится возможным сотрудничество с представителями различных религий по проблемам духовно-нравственного воспитания, религиозно-образовательного образования. В целом, участие граждан республики, как представителей одного или нескольких институциональных образований, значительно расширяет республиканское воспитательное пространство. Вместе с тем, сетевое взаимодействие различных институтов – это абсолютно новое явление в педагогической практике, поэтому воспитательный потенциал подпространства-4 требует особого осмысления и всестороннего изучения.

Таким образом, в рамках республиканского воспитательного пространства, строящегося на федеральном и республиканском нормативных основаниях, интегрируются усилия государственных, общественных и смешанных систем по формированию у субъектов данного пространства патриотического сознания, чувства причастности к судьбе своей страны, своей республики, готовности к выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Только в таком пространстве возможно развитие индивидуальности, творческой личности, способной служить своему Отечеству, своему народу.

1. Большой энциклопедический словарь. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 847.
2. Вежевич Т.Е. Педагогические условия развития лидерских качеств учащихся / Т.Е. Вежевич. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – С. 54-55.
3. Внешкольное дополнительное образование детей Республики Бурятия // Сост. Т.Д. Жалсанова. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – С. 23.
4. Вырщиков А.Н. Российская национальная идея. Некоторые суждения о государственности, демократии и культуре, свободе и человеческом достоинстве / А.Н. Вырщиков, К.М. Никонов. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – 112 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Вежевич Т.Е., канд. пед. наук, главный специалист-эксперт Министерства образования и науки Республики Бурятия
leaderb61@mail.ru

T. Vezhevich, Candidate of Pedagogical Science, main specialist-expert, The Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatiya

Научные интересы: феномен лидерства в детской среде, инновационные процессы в сфере образования, государственно-общественное управление в образовании, проблема патриотического воспитания

Areas of expertise: phenomenon of infant leadership, innovation processes in education, state and public administration in education, issues of patriotic upbringing





УДК 378

Резник Юрий Николаевич
Yuri Reznik

Гурулева Татьяна Леонидовна
Tatyana Guruleva

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
РЕГИОНА СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ
ПРОВИНЦИЙ КИТАЯ**

**PREMISES AND PROBLEMS OF FORMATION OF
INTERNATIONAL MULTICULTURAL
EDUCATIONAL REGION OF SIBERIA AND
FAR-EAST OF RUSSIA AND NORTH-EASTERN
PROVINCES OF CHINA**

Рассмотрен процесс становления нового международного поликультурного образовательного региона, включающего территорию Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Восточные провинции Китая. Даны предпосылки формирования региона, выявлены основные проблемы его функционирования

The article considers the process of a new international multicultural educational region appearance, including territory of Siberia and Far-East of Russia and North-Eastern provinces of China. The premises of the region formation are studied and the main problems of its functioning are shown

Ключевые слова: международный поликультурный образовательный регион, образовательное сотрудничество, Сибирь и Дальний Восток России, Северо-Восточные провинции Китая, образовательное пространство АТР, предпосылки формирования международного образовательного региона

Key words: international multicultural educational region, educational collaboration, Siberia and Far-East of Russia, North-Eastern provinces of China, educational space of Asian-Pacific Region, premises of international educational region formation

Стратегия образования будущего нашей страны – формирование и сохранение единого *поликультурного* образовательного пространства России. В настоящее время Россия осуществляет очевидные и достаточно успешные шаги в направлении инте-

грации в единое общеевропейское образовательное пространство. Можно с уверенностью отметить, что все коренные преобразования, происходящие в российской системе высшего образования, связаны с вхождением нашей страны в Болонский процесс.

Необходимым условием существования и функционирования системы образования будущего является ее соответствие цивилизационному многообразию человечества. Такое соответствие обеспечивает идеология нового российского евразийства, выступающая методологией межкультурного общения и закономерно реализующаяся в образовательной сфере. Реализация идеологии нового российского евразийства в области образования предусматривает интеграцию России, наряду с европейским образовательным пространством, в образовательное пространство АТР.

В настоящее время высшие учебные заведения России активно развивают международное сотрудничество с вузами стран АТР. Особенно активно это сотрудничество реализуется с университетами КНР, для которых взаимодействие с Россией является одним из ключевых направлений в международной образовательной деятельности.

Регулярное образовательное сотрудничество вузов Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая началось в 1989 г. За 20 лет образовательных контактов между двумя странами был накоплен значительный опыт организации и реализации разного рода совместных образовательных мероприятий. Наиболее востребованными среди них являются подготовка высококвалифицированных специалистов по прямым договорам между вузами и обучение в рамках совместных образовательных программ.

Двадцатилетний опыт образовательного сотрудничества между вузами Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая требует обобщения, многоаспектного анализа, систематизации и объективной оценки, направленных на оптимизацию процесса дальнейшего международного образовательного сотрудничества между вузами России и Китая и определение наиболее перспективных направлений развития международного образовательного пространства.

Достижению и реализации этих целей способствует проведение в регионах Сибири и

Дальнего Востока и Северо-Восточных провинций КНР различных международных научно-практических конференций, симпозиумов, форумов по вопросам международного образовательного сотрудничества. Одним из наиболее значимых событий такого рода, свидетельствующих о формировании нового международного поликультурного образовательного региона, является проведение Международного форума ректоров высших учебных заведений Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных провинций КНР. Этот проект начался в 1993 г. как российско-китайское совещание ректоров высших учебных заведений Восточного региона России и провинции Хэйлунцзян в г. Хабаровск. С обеих сторон в нем приняли участие около 40 руководителей ведущих региональных вузов, представители министерств образования обеих стран, общественных организаций России и Китая. С тех пор состоялось восемь форумов – в Хабаровске, Харбине, Владивостоке. Восьмой форум прошел в сентябре 2009 г. в г. Далянь (КНР). В работе форума с китайской стороны приняли участие ректоры и проректоры 41 вуза Северо-Восточных провинций, руководители министерства образования Китайской Народной Республики, ответственные работники органов управления образованием провинций Ляонин, Хэйлунцзян и Цзилинь. С российской стороны в работе форума приняли участие ректоры и проректоры 45 вузов Сибири и Дальнего Востока, руководители Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки РФ, ответственные работники управления образованием Восточных регионов России.

Основными вопросами форума были проблемы взаимоотношения экономической глобализации и интернационализации высшего образования, межвузовского сотрудничества в области образования и науки, конкретные результаты совместных образовательных программ, правовые вопросы, связанные с реализацией совместных программ взаимного обмена студентами и преподавателями.

Было принято решение активизировать дальнейшее развитие международных связей вузов России и Китая в таких областях, как:

- формирование и реализация совместных научно-технических программ;
- повышение квалификации и переподготовка кадров по актуальным направлениям науки, техники и технологии;
- культурно-образовательный обмен студентами;
- послевузовское образование;
- совершенствование правового обеспечения и путей решения процедурно-технических проблем, связанных с въездом-выездом представителей сотрудничающих вузов в страны АТР и их регионы.

Форум ректоров высших учебных заведений Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных провинций КНР, а также другие значимые международные научно-практические мероприятия, совместные научно-образовательные проекты двух стран в названном регионе являются важным фактором и показателем формирования нового международного поликультурного образовательного региона, включающего Сибирь и Дальний Восток РФ и Северо-Восточные провинции КНР.

Предпосылками формирования названного образовательного региона являются:

1) специфика современной системы образования Китая и ее философские основания, создающие основу для межцивилизационного и межкультурного взаимодействия.

Вопрос о специфике современного китайского образования вытекает непосредственно из ситуации активного взаимодействия цивилизаций и культур. Китай вступил в тесные отношения с Западной цивилизацией, активно ассимилируя ее явления в своей традиционной культуре, что отразилось и на системе китайского образования. В начальный период проведения реформ (с 1987 г.) Китай отказался от советской модели высшего образования по причине излишней идеологизации системы и пренебрежения к вопросу экономической целесообразности при подготовке кадров и начал

копирование системы высшего образования западно-европейского и американского образца. Социальная действительность современного Китая обусловлена политикой кросс-культурных отношений со всем миром, в том числе и с Западом, что закономерно находит свое выражение в сфере образования как продукте социальной действительности. Многие специалисты в области образования считают, что движение в этом направлении совпадает с реформами, проводимыми в Китае. Таким образом, модернизация высшего образования в Китае в настоящее время представляет собой процессы кросс-культурного взаимодействия Китая и Запада [5; С. 141].

Главное отличие между сущностью традиционного китайского и западно-европейского образования состоит в том, что традиционная китайская – конфуцианская система образования направлена на познание правил социального взаимодействия, а западно-европейская – на познание природы и раскрытие внутренних способностей человека. Поэтому парадигма традиционного китайского высшего образования определяется как «идеологическая», а западно-европейского – как «знаниево-компетентностная». «Идеологическая» парадигма организует высшее образование как процесс освоения знания об основах государственного устройства. Результатом образования является формирование почтения перед существующей идеологией, безукоснительное согласие с любой политической линией, идущей от верхних ступеней государственной власти. Личность, подготовленная в такой системе образования – чиновник, человек, стоящий на службе у государства. «Знаниево-компетентностная» парадигма ориентирует образование на умственное воспитание и развитие, способность применения полученных знаний для решения конкретных практических задач. Передача научно-практических знаний есть основное содержание учебно-воспитательного процесса. Результатом образования является формирование независимого сознания, ориентированного на приращение научно-

го знания. Научное познание не зависит от государственной политики, определяется приоритетом научной истины перед идеологией.

Анализ антропологических установок западно-европейской и китайской философии показал, что для западной культуры идеалом человека всегда выступал ученый, обладающий хорошей эрудицией, делающий открытия в науках. Для китайской культуры идеальным человеком всегда был мудрец – человек, знающий как жить в гармонии с окружающим его миром, с обществом, в котором он живет. Безусловно, китайской культуре не был чужд и дух «индивидуализма», но понимание его отличается от европейского.

При всех явных и скрытых различиях существуют и единые основания образования, независимые от конкретной культуры. Этими основаниями является воспитание личности человека, таких ее качеств, как стремление к добру, истине и красоте.

В основе образования Китая лежит идея гармонии, мирного сосуществования человека и мира. Ключевым в этой идее является акцентуация мира: в конфуцианстве речь идет о мире между людьми, в даосизме – о мире между небом и человеком, в буддизме – о мире внутри человека. Благодаря этой идее, транслируемой через образование, Китай на протяжении веков обладал устойчивой социальной системой.

При всей открытости китайской образовательной системы, Китай остается на позициях традиционного конфуцианского китайского мировоззрения, поэтому в основе китайской образовательной системы сохраняется идея социального служения личности, подчинения интересов индивида интересам общества.

Из советской системы образования Китай заимствовал идею воспитания социально-ориентированных людей, верных слугителей общества и государства, подчиняющих свои силы и способности созданию всеобщего блага, заботящихся не столько о личном процветании, сколько о национальном.

Из западно-европейской системы обра-

зования Китай активно перенимает, прежде всего, идею ценности научного познания, осознавая при этом негативные проявления позитивизма и прагматизма западного мировоззрения в сфере образования – установку на гонку технологий, утрату связи человека с природой.

Таким образом, современный Китай стоит на позициях соединения в своей системе высшего образования национальных традиций и европейских достижений таким образом, чтобы при сохранении традиционных установок конфуцианства (приоритет социального перед личностным) личность могла стать квалифицированным специалистом, наделенным научным и практическим знанием и навыками и высокими профессиональными компетенциями. Только такая модель образования, по мнению китайских ученых, философов и политиков, не разрушит национальных основ Китая, будет способствовать развитию научно-технического образования при приоритете общественных и гуманитарных дисциплин;

2) некоторые схожие черты систем высшего образования России и Китая.

Вхождение России в Болонский процесс и ориентация Китая на западно-европейскую и американскую систему образования создают некоторые сходные черты наших образовательных систем, которые закладывают базу для осуществления активного сотрудничества между нашими странами, в том числе в поликультурном образовательном регионе Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая.

Этими общими чертами являются:

– использование двухступенчатой (двухуровневой) системы высшего образования. В высших учебных заведениях в Китае реализуется додипломное и послевузовское образование. К додипломному образованию относятся основные программы (benke programs), продолжительностью 4...6 лет, которые завершаются получением диплома об окончании высшего образования («benke» диплома). Университеты и четырехлетние колледжи, реализующие программы полного курса и имеющие

право присуждать ученые степени, присваивают выпускникам, которые имеют хорошие академические результаты и достигли соответствующих академических стандартов, ученую степень бакалавра по одному из 12 направлений подготовки, утвержденных комитетом академических степеней Госсовета и Министерства образования и включающих философию, экономику, юриспруденцию, педагогику, литературу, историю, естественные науки, инженерные науки, агрономию и медицину. Послевузовское образование подразумевает магистерскую подготовку с присвоением ученой степени магистра и реализацию докторских программ с присвоением ученой степени доктора наук. Россия в рамках присоединения к Болонскому процессу также к 2011 г. полностью перейдет на двухступенчатую (двухуровневую) систему;

- использование системы зачетных единиц. Россия, как и другие европейские страны, присоединившиеся к Болонской декларации, ориентируется на использование зачетных единиц, размерность и порядок применения которых определяется документом *European Credit Transfer System (ECTS)* («Европейская система перевода и накопления кредитов»). Зачетная единица рассматриваемой в качестве средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности: подобная система зачетных единиц существует в ряде стран, принявших за основу западно-европейскую и американскую модель высшего образования, в том числе и в Китае;

- балльно-рейтинговая система оценивания знаний и обеспечения качества учебного процесса. В рамках вхождения в Болонский процесс Россия осуществляет переход к балльно-рейтинговой системе оценивания, рассматривая ее как механизм обеспечения качества и оценки результатов обучения, активизации учебной работы студентов. В Китае существует подобная 100-балльная система оценок, которая может иметь и «буквенный» эквивалент (А (100-85), В (84-75), С (74-60), D (59-0));

- система оценки качества образования.

В высшем образовании Китая оценка качества производится на предмет установления соответствия деятельности вузов образовательным стандартам, разработанным Государственной комиссией по образованию. Оценка деятельности при этом осуществляется по совокупности трех форм: самооценки, оценки органом управления и социальной оценки со стороны потребителей и общественности. Похожая система комплексной оценки деятельности вузов существует и в России;

- схожесть некоторых элементов системы управления образованием. В Китае функциями государства являются создание единой системы государственных экзаменов, учреждение системы выдачи дипломов и ученых степеней, инспекционной системы, а также системы аккредитации учебных заведений. Схожие функции управления образованием присущи и нашему государству;

3) заинтересованность Китая в изучении и использовании опыта России в организации высшего профессионального образования.

Китайские ученые в своих исследованиях подчеркивают, что для Китая может быть полезным опыт России в следующих областях:

- создание в России единого образовательного пространства;

- введение в России системы образовательных стандартов с акцентом как на базовые, так и на современные комплексные дисциплины и интегративные учебные курсы;

- организация в России системы непрерывного профессионального образования [4];

4) желание и готовность российских и китайских коллег выявлять и решать проблемы, возникающие в процессе международного образовательного сотрудничества.

В процессе образовательного сотрудничества в названном регионе возникает целый ряд проблем, от решения которых зависит дальнейшее развитие и углубление сотрудничества. Анализ материалов конференций, форумов по вопросам образовательного сотрудничества региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая

показал, что одной из наиболее серьезных проблем учеными полагается недостаток специалистов, владеющих китайским и русским языками, особенно в научно-технической области, в области разработки высоких технологий. Эта одна из наиболее серьезных проблем, препятствующих сотрудничеству наших стран в области высшего образования. Среди других проблем называются отсутствие взаимного признания квалификаций и степеней высшего образования, сложности создания учебных планов совместных образовательных программ из-за несоответствия государственных образовательных стандартов двух стран; несоответствие учебных программ вузов-партнеров; низкое качество учебно-методических комплексов, не учитывающих требований к освоению дисциплин за рубежом; невысокое качество набираемого контингента для прохождения обучения за рубежом, проблема социально-психологической и культурной адаптации зарубежных студентов, отсутствие системы взаимозачета зачетных единиц и др. [1], [2], [3].

На совместных международных конференциях, симпозиумах и форумах российские и китайские коллеги, работающие в области высшего образования, осознают важность выявления и решения возникающих проблем, предлагая различные пути выхода из трудных ситуаций. Одним из наиболее эффективных путей решения проблем называется повышение уровня сотрудничества двух стран в области высшего образования до уровня государственной стратегии;

5) стратегические интересы России и Китая в экономическом подъеме и развитии Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая.

Правительства двух стран осознают стратегическую важность развития названного региона. Для России Сибирь и Дальний Восток являются базой интеграции страны в АТР. В связи с этим правительством страны принимаются и ставятся задачи реализации Федеральных целевых программ экономического и

социального развития Дальнего Востока и Забайкалья. Первая программа была рассчитана на 1996-2005 гг., следующая разработана на период до 2013 г. В Китае также существует Программа подъема Северо-Востока и Запада КНР. Не останавливаясь на результатах экономических успехов реализации программ, подчеркнем, что их осуществление во многом зависит от фактора международного сотрудничества. Поэтому правительствами наших стран предпринимаются серьезные шаги к согласованию путей реализации двух программ, что, безусловно, создает предпосылки экономической взаимной интеграции названных регионов и является экономической основой для формирования международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая.

В связи с этим можно сделать вывод о формировании в настоящее время нового международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая, основными характеристиками которого являются:

- сопредельность территорий и взаимная культурно-образовательная и экономическая интеграция приграничных регионов двух стран;

- наличие общей цели укрепления дружбы и взаимопонимания между народами России и Китая, обогащения образовательных систем двух стран, способствующей экономическому соразвитию и процветанию приграничных регионов;

- наличие заинтересованности в образовательном сотрудничестве по большому ряду направлений: подготовка специалистов по прямым договорам между вузами двух стран; совместная разработка и обмен учебно-методическими материалами и комплексами; реализация краткосрочных образовательных программ, в том числе по языковой подготовке китайских и российских граждан, а также программ по повышению квалификации и переподготовке специалистов с высшим образова-

нием; взаимообмен на грантовой основе ведущими учеными для чтения курсов по наиболее актуальным направлениям науки, техники и технологий; обмен студентами и преподавателями, научными работниками с целью изучения языков, обучения по различным программам, включая переподготовку специалистов, проведение совместных научных исследований; расширение дистанционного образования, активизация деятельности в области информационного обмена; развитие прямых научно-технических связей между вузами; реализация совместных образовательных программ; проведение совместных научных конференций, в том числе с участием студентов; обмен коллективами студенческой художественной самодеятельности и студенческими спортивными командами;

– наличие очевидных успехов, достигнутых в международной образовательной деятельности региона: повышение конкурентоспособности вузов двух стран, повышение научно-инновационного потенциала вузов и уровня научных исследований; повышение качества подготовки специалистов в вузах двух стран; установление дружеских, партнерских отношений между вузами на благо их соразвития в противовес жесткой конкуренции; интеграция вузов региона в мировое образовательное пространство.

С целью повышения эффективности сотрудничества России в названном международном поликультурном образовательном ре-

гионе необходимо использовать и опыт ее интеграции в единое европейское образовательное пространство, поскольку проблемы роста академической мобильности, развития сотрудничества в области качества образования, разработки и реализации интегрированных образовательных программ, интеграции образовательного пространства и пространства научных исследований, обмена и стандартизации являются общемировыми глобализационными образовательными проблемами и также характерны для международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая. Можно с уверенностью сказать, что смена образовательной парадигмы в России, ее вхождение в Болонский процесс способствуют переходу сотрудничества со странами АТР и СВА на качественно новый уровень развития.

Таким образом, поставив перед собой задачу интеграции в единое европейское образовательное пространство, Россия одновременно осуществляет направленную деятельность по вхождению в образовательное пространство АТР через его субрегион СВА. Одним из показателей образовательной интеграции в СВА является достаточно интенсивное на сегодняшний день формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая.

Литература

1. Ван Цзюнь. Поиск моделей международного научно-технического сотрудничества в вузах в контексте глобализации / Цзюнь Ван // VIII международный форум ректоров Дальнего Востока, Сибири РФ и Северо-Восточных провинций Китая. – Далянь: ДУИЯ, 2009. – С. 112-115.

2. Ли Юйлинь. Стратегическое размышление о сотрудничестве в области высшего образования между Китаем и Россией на новом этапе / Юйлинь Ли // VIII международный форум ректоров Дальнего Востока, Сибири РФ и Северо-

Восточных провинций Китая. – Далянь: ДУИЯ, 2009. – С. 115-117.

3. У Гочунь. Подготовка высококачественного и творческого специалиста – миссия современного университета / Гочунь У // VIII международный форум ректоров Дальнего Востока, Сибири РФ и Северо-Восточных провинций Китая. – Далянь: ДУИЯ, 2009. – С. 107-110.

4. Хэ Сяоган. Становление и развитие системы высшего профессионально-технического образования в Китае: дис. ... канд. пед. наук:

13.00.01 / Сяоган Хэ. – М., 2004. – 239 с.
5. Чжэн Чжилян. Становление образования в контексте взаимодействий культуры Вос-

тока и Запада: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чжилян Чжэн. – Владивосток, 2006. – 159 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Резник Ю.Н., д-р техн. наук, профессор, ректор Читинского государственного университета, Заслуженный деятель науки
Раб. тел.: 41-64-44

Yu. Reznik, Rector of the Chita State University, Doctor of Engineering Science, Professor, Honoured Science Worker

Научные интересы: лингводидактика; теория и методика преподавания иностранных языков; история, теория и методика языкового образования

Areas of expertise: linguodidactics, theory and methodology of teaching foreign languages; history, theory, and methodology of language education

Гурулева Т.Л., канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой международных информационных связей, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Раб. тел.: 35-24-06

T. Guruleva, Head of International Informational Relations Department of Chita State University, Candidate of Pedagogical Science, Assistant Professor

Научные интересы: лингводидактика; теория и методика преподавания иностранных языков; история, теория и методика языкового образования

Areas of expertise: linguodidactics, theory and methodology of teaching foreign languages; history, theory, and methodology of language education



Психология



УДК 370.153

Симатова Оксана Борисовна
Oxana Simatova

**ТЕОРИЯ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА
ПЕРВИЧНОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДРОСТКОВ**

**THE THEORY OF COPING BEHAVIOUR AS A
BASIS OF PRIMARY PSYCHOLOGICAL AND
EDUCATIONAL PROPHYLAXIS OF TEENAGERS'
ADDICTIVE BEHAVIOUR**

Обосновано использование теории копинг-поведения в качестве концептуальной основы первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков в условиях средней общеобразовательной школы

The article deals with substantiation of use of the theory of coping behaviour as a conceptual basis of primary psychological and educational prophylaxis of teenagers' addictive behaviour in conditions of comprehensive secondary school

Ключевые слова: аддиктивное поведение, первичная психолого-педагогическая профилактика, копинг-поведение, копинг-ресурсы, копинг-стратегии

Key words: addictive behaviour, primary psychological and educational prophylaxis, coping behaviour, coping resources, coping strategies

Кризисное состояние социально-психологической ситуации в России, нарастание масштабов распространения аддиктивного (зависимого) поведения, появление его новых форм, тенденция к омоложению контингента аддиктов, низкая эффективность профилактических мероприятий свидетельствуют о высокой актуальности проблемы зависимости и ее профилактики. Сущность аддиктивного поведения состоит в искусственном изменении психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах и видах деятельности [2; С. 79]. Исследователями отмечается низкий

уровень развития психолого-педагогического направления профилактики. Прежде всего, это связано с тем, что зачастую профилактические мероприятия осуществляются разобщенно, бессистемно, не имея под собой адекватной научной основы.

В настоящее время все большее развитие получает взгляд на зависимое поведение как следствие сниженной способности личности справляться со стрессом [4; С. 17]. Следствием интенсивных стрессовых переживаний может стать эмоционально-личностная дезадаптация, риск возникновения которой повышается в критические возрастные периоды. Она сопровождается различными поведенче-

скими нарушениями, среди которых наиболее часто исследователями называются симптомы избегания, нередко переходящие в зависимость. Это, на наш взгляд, свидетельствует о целесообразности рассмотрения теории копинг-поведения в качестве научной основы первичной психолого-педагогической профилактики зависимого поведения подростков.

Проблема копинга (совладания) возникла в психологии во второй половине XX в. Первоначально понятие «копинг-поведение» использовалось в психологии стресса и было определено как сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса. В настоящее время, по высказыванию С.К. Нартовой-Бочавер, «будучи свободно употребляемым в различных работах, понятие «coping» охватывает широкий спектр человеческой активности – от бессознательных психологических защит до целенаправленного преодоления кризисных ситуаций» [3; С. 21].

Основные подходы к пониманию копинг-поведения разработаны такими зарубежными исследователями, как R. Lazarus, S. Folkman, R. Moos, A. Billings, J. Amirchan, C. Carver, P. Thoits, H. Weber и др. В отечественной психологии изучению различных аспектов этой проблемы посвящены работы Л.А. Китаева-Смык, В.А. Бодрова, С.К. Нартовой-Бочавер, С.А. Хазовой, Л.И. Анцыферовой, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонского, Т.Л. Крюковой и др.

Классические, наиболее цитируемые определения копинг-поведения позволяют понимать его как социальное поведение, или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), помогающих человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации через осознанные стратегии действий [5; С. 60]. Мы придерживаемся подхода, согласно которому копинг-механизмы используются индивидом сознательно и направлены на активное изменение ситуации, в отличие от психологических защит, являющихся неосознаваемыми, пассивными и направленными на

смягчение психологического дискомфорта [6]. На наш взгляд, психолого-педагогическая профилактика аддиктивного поведения подростков должна строиться на развитии у подростков способности к осознанной саморегуляции поведения и деятельности, что является условием конструктивной адаптации и социальной интеграции.

Копинг-поведение регулируется посредством реализации копинг-стратегий на основе личностных и средовых копинг-ресурсов. Копинг-стратегии рассматриваются как самостоятельные, отдельные способы реализации совладающего поведения, свойственные человеку в тех или иных ситуациях, строящиеся на основе личностных и средовых копинг-ресурсов [4; С. 17].

R. Lazarus и S. Folkman [9], выделяя две функции копинга, говорят о соответствующих стратегиях поведения: проблемно-ориентированной и эмоционально-ориентированной. R. Lazarus выделяет активное (имеющее целью устранить влияние стрессора) и пассивное (направленное на снижение эмоционального напряжения) копинг-поведение и соответствующие копинг-стратегии. Автор также отмечает, что стресс может преодолеваться когнитивно, эмоционально или поведенчески.

A.G. Billings и R.H. Moos выделяют три способа совладания со стрессом [7]:

- 1) копинг, нацеленный на оценку;
- 2) копинг, нацеленный на проблему;
- 3) копинг, нацеленный на эмоции.

J. Amirkhan [6] считает, что все поведенческие стратегии можно разделить на три группы:

- 1) разрешения проблем;
- 2) поиска социальной поддержки;
- 3) избегания.

Можно согласиться с С.К. Нартовой-Бочавер в том, что «создание удовлетворительной системной классификации видов психологического преодоления – дело будущего» [3].

Современные психологические данные позволяют говорить о том, что адаптированные люди чаще прибегают к продуктивным, адаптивным копинг-стратегиям. Личности же с

дезадаптивным поведением склонны к малопродуктивным стратегиям.

Успешность адаптации к стрессам, по мнению исследователей, определяется уровнем развития копинг-ресурсов. Копинг-ресурсы определяются как характеристики личности и среды, оказывающие определенное влияние на адаптацию к жизненным стрессам [4; С. 17].

В большинстве работ по проблеме копинг-поведения используется типология копинг-ресурсов, предложенная S. Folkman, или ее модификации. S. Folkman выделяет следующие виды копинг-ресурсов: физические (здоровье, выносливость), материальные (имущество, деньги), психологические (убеждения, самооценка, локус контроля, мораль и т.д.), социальные (социальные связи человека). Автор подразделяет ресурсы на личностные и средовые. Личностные ресурсы включают ресурсы когнитивной сферы, самосознания, ценностно-мотивационную структуру личности, духовность, конкретные личностные качества и т.д. Ресурсы социальной среды связаны с системой социальной поддержки и социально-поддерживающим процессом [8].

В качестве характеристик, являющихся личностными копинг-ресурсами, которые могли бы стать мишенью превентивного воздействия в отношении зависимости у подростков, нами были выделены самооценка, эмпатия, мотивация достижения успеха, тревожность. Развитие данных характеристик в подростковом возрасте входит в задачи взросления, что согласуется с требованием опережающего характера первичной профилактики и тезисом о необходимости организации профилактической работы как превенции.

Данные исследований свидетельствуют, что поведенческие паттерны, сформированные на основе заниженной или завышенной самооценки, приводят к сужению круга интересов человека, замкнутости, социальной отгороженности, блокируя потенциалы восприятия и поиска социальной поддержки, разрушая поддерживающие социальные сети, что способствует усилению мотивации избегания и формированию зависимости. Поведенческие

проявления адекватной самооценки, наоборот, способствуют развитию способности восприятия и поиска социальной поддержки и выбору адаптивных копинг-стратегий поведения.

Исследователями отмечается роль эмпатии и аффилиации, как коммуникативных личностных ресурсов [4; С. 30]. Низкий уровень эмпатии и аффилиации способствует стремлению человека к одиночеству, социальной изоляции, недостаточному развитию коммуникативной компетенции, отсутствию навыков восприятия и поиска социальной поддержки. Все это ведет к усилению мотивации избегания, выступая фактором риска зависимого поведения. Высокий уровень развития эмпатии и аффилиации становится основой стремления человека быть среди людей, навыков восприятия и поиска социальной поддержки, высокой коммуникативной компетентности, что приводит к выбору продуктивных копинг-стратегий.

В качестве личностного ресурса преодоления стресса исследователями называется наличие у человека мотивации достижения успеха. Преобладание мотивации на избегание неудачи коррелирует с заниженной самооценкой, высокой тревожностью, беспомощным поведением, стремлением к неоправданному риску, что способствует выбору копинг-стратегии избегания и ухода от реальности, увеличивая риск формирования зависимости. Напротив, преобладание мотивации на достижение успеха коррелирует с адекватной самооценкой, стремлением разрешать проблемы, оптимальным уровнем тревожности. Поведенческими проявлениями таких характеристик выступают активность, самостоятельность, инициативность. Все это приводит к формированию продуктивных копинг-стратегий поведения, выступая протективными факторами в отношении аддиктивного поведения.

В качестве одной из психологических особенностей, характерных для лиц, склонных к формированию зависимого поведения, исследователями называется высокий уровень тревожности [1; С. 215]. Отмечается, что повышенный уровень тревожности вызывает усиление мотивации избегания и ухода от ре-

альности, что повышает риск формирования аддикции. При этом полезный уровень тревожности у подростков является необходимым условием их развития и может рассматриваться как протективный личностный копинг-ресурс.

Рассмотрение копинга в контексте проблемы аддиктивного поведения и его профилактики представлено в работах Н.А. Сирота и В.М. Ялтонского. Исследователями разработаны три теоретические модели копинг-поведения [4; С. 17-22].

1. *Модель адаптивного функционального копинг-поведения* создана по результатам обследования здоровых, социально адаптированных подростков и взрослых. Исходом данного поведения являются социальная интеграция и конструктивная адаптация. Такое копинг-поведение характеризуется сбалансированным использованием копинг-стратегий разрешения проблем и поиска социальной поддержки; наличием определенных личностно-средовых копинг-ресурсов, обеспечивающих позитивный психологический фон для преодоления стресса и способствующих развитию копинг-стратегий.

2. *Модель псевдоадаптивного дисфункционального копинг-поведения*, разработанная

на основании результатов исследования лиц с аддиктивным поведением, предполагает развитие двух полярных вариантов исхода аддиктивного поведения, определяемых разной эффективностью функционирования блоков копинг-ресурсов и копинг-стратегий. Псевдоадаптивное копинг-поведение характеризуется сочетанием использования как пассивных, так и активных копинг-стратегий; неустойчивостью мотивации – то на достижение успеха, то на избегание неудачи; низкой эффективностью блока личностно-средовых копинг-ресурсов.

3. *Модель дисфункционального дезадаптивного копинг-поведения*, разработанная на основе результатов исследования копинг-поведения больных наркоманией, предполагает его исход в виде дезадаптации и социальной изоляции в результате неэффективного функционирования блоков копинг-ресурсов и копинг-стратегий. При этом характерно преобладание копинг-стратегий избегания; дефицит социальных навыков разрешения проблем; низкая эффективность функционирования блока личностно-средовых ресурсов.

Обобщая сказанное, в контексте теории копинг-поведения, формирование аддикции можно представить следующим образом (рис. 1).

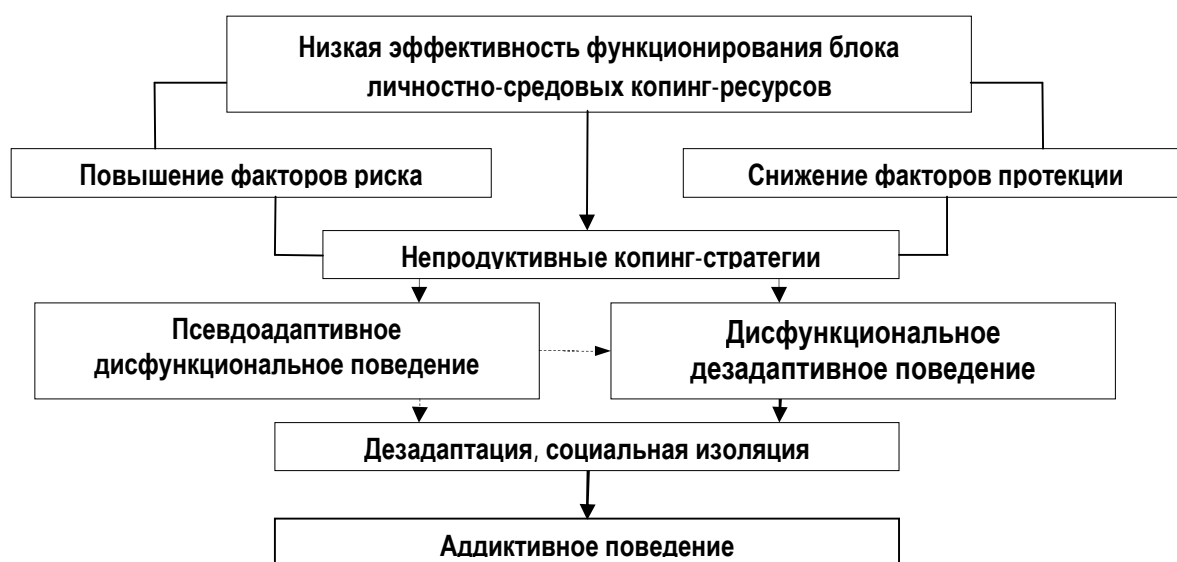


Рис. 1. Схема формирования аддиктивного поведения в контексте модели копинг-поведения

Рисунок демонстрирует, что повышение факторов риска и снижение факторов протекции способствуют низкой эффективности функционирования блока личностно-средовых копинг-ресурсов, которые служат основой для формирования непродуктивных копинг-стратегий избегания и ухода от реальности. Такие копинг-ресурсы и копинг-стратегии являются характеристиками псевдоадаптивного дисфункционального и дисфункционального дезадаптивного поведения, исходом которых будет дезадаптация и социальная изоляция, что приводит к формированию аддикции.

В таком случае можно предположить, что профилактика зависимого поведения должна осуществляться в двух основных направлениях: воздействие на факторы риска, с целью их снижения, и на факторы протекции, с целью их повышения. Тогда целью первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения должно стать формирование блока протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения, способствующих конструктивной адаптации и социальной интеграции (рис. 2).



Рис. 2. Первичная психолого-педагогическая профилактика аддиктивного поведения

Учитывая, что копинг-ресурсы и копинг-стратегии являются результатом приобретенного опыта, можно заключить, что последовательное и грамотное обучение навыкам адаптивного копинг-поведения, включающее формирование соответствующих копинг-ресурсов и копинг-стратегий, является эффективным направлением первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков.

Учитывая все сказанное, мы считаем, что первичная психологическая профилактика аддиктивного поведения подростков в условиях средней общеобразовательной школы может быть определена как превентивная деятельность всех участников образовательного процесса, направленная на формирование протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения школьников.

Нами было проведено исследование,

целью которого стала разработка и практическая реализация системы первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков в условиях средней общеобразовательной школы. Основным направлением работы являлось направленное развитие протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения школьников.

Констатирующий этап эксперимента показал, что для подростков характерны низкая эффективность функционирования блока копинг-ресурсов и преобладание непродуктивных и относительно продуктивных копинг-стратегий. Это свидетельствует о необходимости специальной психолого-педагогической работы, направленной на формирование протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения.

Выявленные статистически значимые различия в динамике исследованных копинг-ресурсов и копинг-стратегий поведения подростков экспериментальных и контрольной групп на контрольном этапе эксперимента, подтвержденные качественно-содержательным анализом и данными дополнительных методов исследования, позволяют говорить о том, что психолого-педагогическое воздействие существенно влияет на формирование копинг-ресурсов и копинг-стратегий подростков.

Проведенное исследование позволило наметить направление дальнейшей работы в рамках проблемы аддиктивного поведения и его профилактики у подростков, состоящее в формировании протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения школьников в условиях средней общеобразовательной школы.

Литература

1. Иванов М.С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека / М.С. Иванов // Психология зависимости. – Минск, 2004. – С. 205-223.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие / В.Д. Менделевич. – М.: МЕДпресс, 2001. – 432 с.
3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. Т. 18. – 1997. – № 5. – С. 20-30.
4. Сирота Н.А. Профилактика наркомании и алкоголизма: учеб. пособие для студентов вузов / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский. – М.: Академия, 2003. – 176 с.
5. Хазова С.А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников / С.А. Хазова // Психологический журнал. Т. 25. – 2004. – № 5. – С. 59-69.
6. Amirkhan, J.H. Factor analitically driven measure of coing: the strategy indicator / J.H. Amirkhan // J. of Personality and Social Psychology. – 1990. – V. 59. – P. 1066-1074.
7. Billings, A.G. Coping, stress and social resources among adults with unipolar depression / A.G. Billings, R.H. Moos // J. of personality and social psychology. – 1984. – Vol. 46. – № 4. – P. 877-891.
8. Folkman, S. Coping and Emotion / S. Folkman, R.S. Lazarus // Stress and Coping: an anthology. – N.Y.: Columbia University Press, 1991. – P. 207-227.
9. Lasarus, R.S. The Concept of Coping / R.S. Lasarus, S. Folkman // Stress and Coping: an anthology. – N.Y.: Columbia University Press, 1991. – P. 189-206.

Коротко об авторе

Симатова О.Б., канд. психол. наук, доцент кафедры психологии образования, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
sonyachita14@yandex.ru

Научные интересы: психология девиантного и аддиктивного поведения, педагогическая психология

Briefly about the author

O. Simatova, Candidate of Psychological Science, Department of Psychology of Education, State Institution of Higher Vocational Education «Zabaykalsky State Humanitarian-Pedagogical University Named After N.G. Chernyshevsky»

Areas of expertise: psychology of deviant behaviour, psychology of addictive behaviour, educational psychology

Право



УДК 344

Туганов Юрий Николаевич
Yuri Tuganov

Аулов Владимир Константинович
Vladimir Aulov

**КРАТКИЙ ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ
НОВЕЛЛ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО
КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА
«О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СУДЕБНОМ
ПРИСУТСТВИИ»**

**BRIEF LEGAL ANALYSIS OF THE BASIC
AMENDMENTS TO THE PROJECT OF THE
FEDERAL CONSTITUTIONAL LAW
«ON JUDICIAL DISCIPLINARY TRIBUNAL»**

Рассмотрены актуальные проблемы модернизации института дисциплинарной ответственности судей, связанные с внесением Президентом РФ законопроекта «О Дисциплинарном судебном присутствии».

По результатам исследования динамики изменения процедуры и оснований привлечения судей к дисциплинарной ответственности авторы пришли к выводу, что предложенная законопроектом концепция является важным шагом по приближению совокупности норм, регулирующих независимость судей, к современным международным гуманитарным стандартам и идеалам

In article actual problems concerning modernisation of disciplinary responsibility institute of judges, associated with introduction of the bill «On Judicial Disciplinary Tribunal» by the President of the Russian Federation are considered.

By results of research of procedure change dynamics and grounds for attraction of judges to disciplinary responsibility the authors have come to a conclusion that the concept offered by the bill is the important step on approach of set of the norms regulating independence of judges, to modern international humanitarian standards and ideals

Ключевые слова: статус судей, независимость судей, дисциплинарная ответственность судей, обжалование решений о прекращении полномочий судей

Key words: the status of judges, independence of judges, disciplinary responsibility of judges, the appeal of decisions on the termination of powers of judges

Коренное качественное преобразование общественных отношений в переживаемый ныне обществом и государством

период утверждает в общественном сознании новые стандарты судебной защиты прав и законных интересов гражданина.

С этой точки зрения наиболее глубокого логико-гносеологического осмысления и правового обоснования требуют концептуальные основы процесса формирования института независимости судьи как совокупности правовых норм, обеспечивающих функционирование наиболее важных властных отношений внутри судебной системы.

Особо остро концептуально-теоретический вакуум ощущается при реализации субъектами административных полномочий в сфере общественных отношений, регулирующих принцип независимости судьи. Именно здесь, по мнению большинства исследователей, степень теоретической разработки проблематики оказывается неадекватной сегодняшним социокультурным реалиям российского государства.

В этой ситуации внесение 5 августа 2009 г. Президентом Российской Федерации Проекта № 242115-5 Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии» (далее – ДП) (в связи с принятием Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии» требуется изменение следующих актов федерального законодательства: Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) является закономерным шагом по внедрению современных юридических идей и правовых концепций.

Напомним, что в России структура со сходными функциями и похожим названием –

Дисциплинарное высшее присутствие – была образована еще в 1885 г. Ее компетенцию составляло рассмотрение по первой инстанции дисциплинарных дел о председателях и членах судебных палат, председателях окружных судов, обер-прокурорах, их товарищах, прокурорах судебных палат, товарищах их и чинах канцелярий кассационных департаментов и общего их собрания.

Кроме того, Дисциплинарное высшее присутствие служило апелляционной инстанцией для дисциплинарных дел, решенных в первой инстанции судебными палатами, и ведало вопросами об увольнении от должности судей в случае совершения ими преступлений или проступка, не относящегося к службе, в том случае, если обнаружилось «...несоответствие занимаемому им положению или явное пренебрежение к своим обязанностям или что судья дозволил себе вне службы такие нравственности или предосудительные поступки, которые, будучи несовместимы с достоинством судейского звания, получили огласку и лишают совершившего их судью необходимых для этого звания доверия и уважения» [1].

Возрождению забытых юридических технологий и исторических традиций, так или иначе формирующих институт независимости судей в России, предшествовала объемная аналитическая работа по итогам VII Всероссийского съезда судей, выводы которой были сформулированы Президентом РФ Д. Медведевым в поручении [2] по подготовке изменений в законодательные акты Российской Федерации.

В частности, во взаимосвязи с правовыми позициями Конституционного Суда РФ (см., напр.: дело о проверке конституционности положений ст. 7.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 8 и ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которому судья федерального суда, находящийся в отставке, полномочия которого были прекращены по истечении первоначального срока

полномочий и который не был назначен на ту же должность без ограничения срока полномочий, не может быть привлечен к осуществлению правосудия в качестве судьи; дело о проверке конституционности части 1 ст. 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», пункта 6 ст. 6 и пункта 8 ст. 5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которому практика, допускающая отказ в назначении судьи на должность без объяснения причин, лишает суд возможности проверить обоснованность решения коллегии по существу и превращает конституционное право на судебную защиту в формальность, в связи с чем отказ в рекомендации на должность судьи должен основываться на объективных обстоятельствах и не может быть необоснованным, т.е. без указания причины и основания, которые в дальнейшем могут быть проверены судом; дело о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», согласно которому привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за критику судебных постановлений и поведения своих коллег, предпринятую внутри судейского сообщества, как за публичную критику, недопустимо, поскольку способствует консервации недостатков в сфере судопроизводства, противоречит сформулированным в законе целям судейского сообщества, приводит к не основанному на законе ограничению гражданских прав и свобод, а гарантируемые Конституцией Российской Федерации гражданам Российской Федерации свобода мысли и слова, право на обращение в государственные органы (ст. 29 и 33) не могут быть ограничены корпоративным нормативным актом / Гарант-Максимум: справочная правовая система) и Европейского суда по правам человека (речь идет о решении по делу бывшей судьи Московского городского суда О. Кудешкиной) в Страсбурге были подвергну-

ты рассмотрению малоисследованные аспекты структуры и динамики привлечения судей к дисциплинарной ответственности, включая судебные решения, касающиеся реализации установленных ст. 120 Конституции РФ принципов.

В ходе осмысления происшедших в судебной системе преобразований на фоне стремительного видоизменения морально-нравственных норм в целях выработки эффективных механизмов ее функционирования и была осознана необходимость изменений законодательства (см., напр.: Федеральный конституционный закон Российской Федерации, от 2 июня 2009 г. № 2-ФКЗ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», изменивший принципы назначения председателя и заместителей председателя Конституционного Суда), которые заставили бы взаимодействовать властные отношения внутри судебной системы по новым правилам.

Основные изменения (см. об этом: Федеральные законы, внесшие изменения в Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» – № 274-ФЗ от 25 декабря 2008 г.; № 157-ФЗ от 17 июля 2009 г.; № 211-ФЗ от 24 июля 2009 г.; в Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» – № 274-ФЗ от 25 декабря 2008 г.; № 83-ФЗ от 7 мая 2009 г.; № 100-ФЗ от 2 июня 2009 г.; № 126-ФЗ от 28 апреля 2009 г.; № 157-ФЗ от 17 июля 2009 г.; в Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» – № 3-ФКЗ от 29 июня 2009 г.), внесенные в законодательство, связанные с институтом независимости судей, сводятся к изменению требований к судье в части запретов, упразднению срока, установленного ранее в ч. 2 ст. 11 закона «О статусе судей в Российской Федерации» для судей, в первый раз назначаемых на должность, изменению порядка и способа голосования членов квалификацион-

ных коллегий судей с обязательностью составления мотивированного решения, установлению декларирования имущества и доходов. Установлением новых требований к кандидатам на должность судьи военного суда и ликвидацией института прикомандирования военнослужащих к военным судам произведены еще более кардинальные изменения в военно-судебной системе.

Таким образом, налицо ясно выраженная судебная и законодательная политика, цель которой – максимально приблизить действительное положение с независимостью судей к концептуальному идеалу через повышение самостоятельности судов. В рамках этой политики восстановление в современном контексте социальной жизни забытых правовых традиций и воссоздание специального судебного органа, рассматривающего дела, связанные с прекращением полномочий судьи в порядке дисциплинарного взыскания, представляется логическим развитием процесса коррекции процедуры прекращения судейских полномочий.

За исключением официальных отзывов на законопроект [3] сколь-либо значимого экспертного обсуждения ни в средствах массовой информации, ни среди судейского корпуса не выявлено. Позиции же противников законопроекта в основном сводятся к утверждению, что «без гласного и широкого общественного контроля данный институт будет лишь очередной бюрократической надстройкой», а также к критике норм [4], связанных с наделением председателей Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ правом на обжалование решений коллегий [5], которыми было отказано в привлечении судей к ответственности.

Между тем, иные процессуальные гарантии независимости судьи, оставленные без внимания на стадии публичного обсуждения проекта закона, не менее значимы для эффективной работы нового правового акта. В частности, оппоненты критиков делают акцент на то, что «...выработка [6] варианта реформируемого с учетом положений ДП статуса судей в

части отработки механизмов привлечения их к дисциплинарной ответственности произведена с учетом правовой специфики лиц, замещающих государственные должности [7] судьи, и основательного сопоставления предлагаемых новелл с ныне действующими правилами ответственности судей, а также нормами международно-правовых документов о принципах независимости судебных органов.

И действительно, при изучении проекта, прежде всего, обращают на себя внимание новые правовые нормы, гарантирующие реализацию принципа независимости судей и подчинения их только закону. Закон впервые дает судьям преимущество перед председателями судов, составившими представление о привлечении к дисциплинарной ответственности. Так, согласно ч. 3 ст. 8 проекта, в случае равенства голосов членов дисциплинарного присутствия при принятии решения жалоба судьи, полномочия которого прекращены, считается удовлетворенной, а обращение председателя – отклоненным.

Это актуальное положение первоначально отсутствовало в законопроекте. С самого начала предполагался более привычный механизм голосования, согласно которому члены Дисциплинарного судебного присутствия председательствуют на его заседаниях поочередно в порядке, установленном Регламентом, а при равенстве голосов приоритет отдается голосу председательствующего. Однако, по мнению Правительства РФ [8], такой порядок нарушал «...изначальное равенство членов Дисциплинарного судебного присутствия», в результате чего, как более согласующаяся с принципами справедливого правосудия, была предусмотрена норма, согласно которой при равенстве голосов жалобу следует считать удовлетворенной, а обращение – отклоненным.

Еще один актуальный в современных условиях аспект законопроекта состоит в том, что закон о ДП ставит возможность рассмотрения дела в ДП в зависимости от субъекта, внесшего представление в квалификационную

коллегию – т.е. предлагаемый порядок ограничивает возможность дисциплинарного преследования судей при инициации процедуры прекращения полномочий органом судейского сообщества. В этом случае отказ квалификационной коллегии в привлечении к дисциплинарной ответственности является окончательным. Таким образом, законодательство о дисциплинарной ответственности судей наделяет председателей Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ правом обращения в ДП лишь в случае, если привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде прекращения полномочий было инициировано не органом судейского сообщества, а председателем суда. Тем самым впервые в законодательстве РФ легитимизируется процессуальное неравенство имеющих право инициирования процедуры привлечения судьи к дисциплинарной ответственности субъектов.

Важным элементом конкретизации принципа независимости судьи в проекте закона следует признать обязательную публикацию решений ДП. К дополнительным гарантиям независимости судей относится установленный проектом запрет на избрание в члены ДП председателей судов, их заместителей и судей, входящих в состав Высшей квалификационной коллегии судей РФ или Совет судей РФ.

В то же время представляется дискуссионной возможность избрания в состав ДП иных должностных лиц из числа судей Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ: заместителей председателей коллегий и председателей судебных составов, также обладающих, наряду с председателями и заместителями председателей судов, административно-распорядительными полномочиями.

Не совсем последовательным является позиция законопроекта, оставившего порядок выдвижения кандидатов в члены ДП в рамках процедуры работы соответствующего Пленума, что потенциально подразумевает право предлагать кандидатуры в ДП председателю на Пленуме – скорее всего, тому

самому лицу, чьи представления и будут предметом будущего рассмотрения членами ДП.

Несомненно, что повышению авторитета принятого ДП решения будет способствовать формирование этого органа из числа наиболее подготовленных судей, какими, по определению, являются судьи высших судебных инстанций страны. Избирание членов ДП на раздельных заседаниях Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ тайным голосованием на конкурсной основе из числа судей со стажем работы в Верховном или Высшем Арбитражном Судах не менее пяти лет является дополнительным препятствием принятию ошибочного решения. В связи с изложенным неоправданными представляются возрастные ограничения для кандидатов в члены ДП, поскольку сам по себе факт обладания полномочиями судьи Верховного или Высшего Арбитражного Судов является достаточной гарантией высокого профессионализма и вряд ли нуждается в ограничениях по возрастному пределу.

Кроме того, остается потенциальная возможность ситуации, при которой ДП в порядке, установленном проектом, не сможет быть сформировано с учетом возрастных ограничений, запрета на участие в составе ДП более двух сроков подряд, требований к кандидатам для избрания по стажу судебной работы в Верховном или Высшем Арбитражном Судах, порядку избрания (не менее двух претендентов при отсутствии запрета на самоотвод) и непродолжительности осуществления полномочий членом Дисциплинарного судебного присутствия.

Как указано в законопроекте, ДП осуществляет свои полномочия в порядке, предусмотренном гл. 25 Гражданского процессуального кодекса РФ, с учетом особенностей, установленных конституционным законом и Регламентом ДП – документом, утверждаемым совместным постановлением Пленума Верховного и Высшего Арбитражного Судов. Такая формулировка позволяет сделать вывод о бо-

лее высокой силе Регламента перед законом, коль скоро установленным Регламентом особенностям отдается приоритет. Между тем, ранее совместные пленумы высших судебных инстанций страны не обладали правом изменять иерархию законов.

Суммируя приведенное, можно констатировать, что диктуемый современным развитием страны процесс коренного обновления общественных отношений, устанавливающих правовые основы конституционного принципа независимости судей, ставит перед судебским профессиональным сообществом и судебной системой в целом новые задачи, которые в первом приближении сформулированы Президентом РФ (Президентом РФ поручено подготовить проект нового Кодекса судейской этики с введением в него практических рекомендаций по различным вопросам профессиональной и внеслужебной деятельности судей и начать широкое обсуждение этого проекта для последующего его вынесения на рассмотрение VIII Всероссийского съезда судей) [9] и о которых ранее руководители судебной системы также не раз говорили как об актуальной и сложнейшей проблеме (так, напр., председатель ВККС РФ В. Кузнецов в интервью «Новой газете» сказал: «Была такая идея – сделать дисциплинарный кодекс судьи, но сложно все это сформулировать, это очень большая работа. Но не исключаю, что такой кодекс может появиться. Чтобы каждый судья знал: вот за это тебе предупреждение, за это порицание, а за это можно и мантии лишиться») [10].

Подтверждением стремления развивать и совершенствовать систему правосудия должна стать кодификация составов дисциплинарных проступков судей по аналогии с модельными кодексами ряда зарубежных судебных систем [11] с созданием нового Кодекса судейской этики, основанного на общепризнанных принципах деятельности судебных органов (эти принципы сформулированы в следующих документах: Декларации основных

принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., Основных принципах независимости судебных органов (одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.) и Европейской хартии о статусе судей, принятой в Страсбурге 8-10 июля 1998 г., а также в Рекомендации № R (94) 12 по вопросам независимости судей (принята 13 октября 1994 г. Комитетом Министров государств – членов Совета Европы) и Бангалорских принципах поведения судей (приложение к резолюции Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.).

Установление системы критериев состава дисциплинарного проступка максимально систематизирует этические требования и будет тем самым способствовать совершенствованию отношений внутри судебной системы.

Такой кодифицированный акт станет источником продуктивных внутрикорпоративных отношений и сформирует систему мотивации судьи, дав судьям ясные ориентиры и придав им уверенности, что к ответственности они будут привлечены именно за совершение оговоренных в кодексе действий.

Таким образом, в анализе новых социальных реалий и их места в процессе реформирования судебной системы требуют определения «состав дисциплинарного проступка судьи», установление пресекательных сроков давности привлечения к ответственности и давности наложения взыскания на судью, гарантии привлечения к ответственности судьи только за его виновное действие, введение обязательного запрета лицам и органам, перечисленным в ст. 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», на внесение представления при конфликте интересов и обозначение других основ, присущих полноценному материальному закону.

Литература

1. Таганцев Н.С. Курс уголовного права / Н.С. Таганцев. – С.-Петербург, 1902.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.chita.ru/news/?id=66>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soprotivlenie.org/?id=3&cid=29&t=v>.
4. См., напр.: интервью первого вице-президента Федерального союза адвокатов России И.Л. Трунова газете «Deutsche Welle». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/250717.html> 15.07.09; интервью судьи в отставке С.А. Пашина «Газета.Ru». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2009/08/05_a_3233386.shtml.
5. См.: интервью генерального директора Центра политической информации А. Мухина [Dailyonline.ru](http://www.dailyonline.ru). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailyonline.ru/m/6806/>.
6. См.: интервью Главы комитета по строительству Государственной Думы В. Плигина «Газета.Ru». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2009/08/05_a_3233386.shtml.
7. Сводный перечень государственных должностей Российской Федерации утвержден Указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 173.
8. Заключение Правительства РФ на проект Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soprotivlenie.org/?id=3&cid=29&t=v>.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.chita.ru/news/?id=66>.
10. Фемида меняет честь на этику // Новая газета. – 2005. – 12 фев.
11. Модельный кодекс Американской Ассоциации Юристов (ААА), принятый в 1972 г. // *The National Judicial College. Reno. Nevada.* – 1998. – С. 2.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Туганов Ю.Н., канд. юрид. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Yu. Tuganov, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Chita State University (CSU)

Научные интересы: конституционные законы

Areas of expertise: constitutional laws

Аулов В.К., ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭиП)

V. Aulov, Senior Teacher of the Department of Criminal and Judiciary Disciplines, Baikal State University of Economy and Law

Научные интересы: судебная система

Areas of expertise: judicial system





УДК 344.7

Ким Евгений Петрович
Evgeniy Kim

Ким Виктор Евгеньевич
Viktor Kim

**МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В БЫТУ**

**METHODOLOGICAL RESEARCH FOUNDATIONS
OF PROVIDING CRIMINOLOGICAL SECURITY IN
PRIVATE LIFE**

Раскрываются методы изучения криминологической безопасности личности в быту, пути сбора и обработки практического материала, способы выявления объективной истины в ходе исследования. Описываются следующие методы исследования: интервьюирование осужденных за преступления, совершенные ими в быту; интервьюирование жертв бытового конфликта; опрос экспертов и др. Авторы подчеркивают значение процесса разработки гипотезы – основного звена программы криминологического исследования

Research of criminological security of people committing crimes in private life requires application of both common statistical supervision and methods of "indirect cognition". The paper deals with such methods as interviewing defendants convicted of crimes committed in private life, examining experts and filling in forms on criminal cases. The author stresses the process importance of working out a hypothesis of the given subject matter – the main program link of criminological investigation

Ключевые слова: быт, исследования, криминологическая безопасность, личность, метод, правонарушения

Key words: life, researches, criminological safety, person, method, offences

Методы изучения криминологической безопасности личности в быту в настоящее время имеют большое практическое значение, ибо эффективность концепций и стратегий борьбы с преступностью, разработка эффективных мер по совершенствованию правоприменительной деятельности во многом зависят от качества знаний о самой преступности, от состояния правопорядка в стране, настроений в общественном мнении, отношения к правонарушениям различных социальных групп и слоев населения.

Преступность как бытовая, так и небытовая имеет общие методы изучения и оценки. Знания о криминологической безопасности личности в быту нельзя получить «непосредственно», путем обычного статистического наблюдения. Поэтому приходится прибегать к методам познания, например, к опросу жертв правонарушений в быту, изучению документов, интервьюированию должностных лиц, связанных с рассмотрением заявлений о преступлениях, и т.д.

В отечественной литературе современ-

ного периода можно найти суждения о сущности и происхождении криминологической безопасности, о гипотетических показателях ее уровня и т.п. [1]. Лишь в последние десятилетия, с развитием социологических методов исследования, преступность, в том числе в сфере бытовых отношений, стала приобретать конкретное эмпирическое выражение. Однако продуктивность этих методов, несмотря на обширный опыт, до сих пор обсуждается. Появление более или менее точных цифр об обеспечении криминологической безопасности личности в быту позволяет активно интерпретировать и проецировать их на практику борьбы с преступностью.

Криминология всегда стремится к достоверности полученных данных, но во многом это умозрительная достоверность, в отличие от волевой, юридической [2]. Допускаются вероятностные суждения, что необходимо учитывать при соответствующей оценке. Исследователь в этом случае выступает как эксперт, оперирующий выводами, которые имеют больше познавательное, чем юридическое значение. Так, если из 100 респондентов 10 ответили, что в течение истекшего года конфликтовали с членами семьи, то данный факт должен интерпретироваться следующим образом: по мнению 10 % респондентов, в отношении их в течение года было совершено преступное посягательство, однако делать вывод о том, что они стали жертвами именно преступлений, нельзя. В самом деле, как показывают исследования, даже если лицо, считающее себя жертвой преступления, обращается с заявлением в милицию, то в этом случае уголовное дело возбуждается и деяние оценивается как преступление лишь в 50...70 случаях из 100. Есть все основания предполагать, что названный показатель по массиву незаявленных фактов еще меньше. Следовательно, каким бы исследовательским инструментарием мы ни пользовались при изучении криминологической безопасности личности в быту, получаемые результаты всегда будут иметь более или менее выраженную неопределенность, мера ко-

торой может быть установлена исходя из статистической закономерности массовых явлений.

Один из важнейших этапов криминологического исследования – формирование рабочих гипотез [3]. Разработка гипотез – основное звено программы исследования, главный методический инструмент, с помощью которого весь процесс сбора и анализа данных, формулирования выводов и рекомендаций подчиняется внутренней логике, становится осмысленным. Наличие или отсутствие гипотез является основным критерием для отнесения проведенного изучения к исследованиям поискового или комментаторского типа. Гипотеза в социологическом исследовании – это научно обоснованное предположение о структуре социальных объектов, характере элементов и связей, образующих названные объекты, механизме их функционирования и развития. Научная гипотеза может быть сформирована только в результате предварительного анализа изучаемого объекта. В конкретных социологических исследованиях формирование гипотез – достаточно сложный и трудоемкий процесс.

Успех исследования полностью зависит от его научно обоснованной гипотезы и правильного выбора индикаторов, с помощью которых исследователь не только обосновывает сформулированную гипотезу, но и доказывает ее.

Известно, что выбор методов эмпирического познания зависит от выдвинутых гипотез, которые требуется подтвердить либо опровергнуть. С учетом обозначенной темы авторами были сформулированы гипотезы, проверка которых требовала комплекса различных по природе и характеру методов. Формулирование гипотезы базировалось на результатах изучения отечественной и зарубежной литературы, проведенных ранее эмпирических исследованиях вопросов латентности, на практическом опыте. Вероятность того, что криминологическая безопасность личности в быту будет должным образом обеспечена правоохранительными органами, обуславливается рядом разнородных явлений:

– о некоторых преступлениях известно только преступникам и маловероятно, чтобы о них сообщили;

– потерпевшие и очевидцы часто не сообщают о преступлениях в силу незнания уголовного законодательства;

– потерпевшие и очевидцы, особенно близкие родственники, друзья не сообщают о преступлениях, не желая вступать в контакты с правоохранительными органами из-за страха быть разоблаченными в связи с их причастностью к другим преступлениям, из-за опасения мести со стороны преступников, возможной нежелательной огласки, а в производственно-бытовой сфере – из-за опасения снизить авторитет предприятия, учреждения, по иным мотивам;

– некоторые слои населения (социальные группы) убеждены в нецелесообразности применения отдельных норм уголовного законодательства;

– правоохранительные органы порой скрывают сообщения о преступлениях из-за ограниченной «пропускной способности» (штатная недостаточность), ложно понимаемого благополучия в работе (сокращение количества нераскрытых преступлений за счет их сокрытия), недобросовестности отдельных должностных лиц, по иным причинам.

В криминологической литературе в качестве проверенных и доступных методов изучения преступности предлагаются:

– сравнительный анализ взаимосвязанных показателей уровня статистики, в частности, данных об однородных преступлениях различной тяжести, особенно в динамике;

– сопоставление данных уголовной статистики и статистики административных и дисциплинарных правонарушений, гражданско-правовых деликтов (например, уголовно наказуемого и мелкого хулиганства);

– сопоставление данных уголовной статистики и других материалов (например, сведений о преступлениях против личности и данных медицинских учреждений при обращении граждан за помощью в связи с телесными по-

вреждениями);

– сопоставление данных уголовной статистики и результатов анализа жалоб, заявлений, писем граждан;

– опросы граждан – потенциальных потерпевших (так называемый виктимологический метод) [4; 2].

По мнению авторов, в изучении криминологической безопасности личности в быту каждый из предложенных методов в своем автономном, индивидуальном применении ограничен. Поэтому необходимо сочетание различных методов в едином комплексе с тем, чтобы полученная информация могла перепроверяться и дополняться. В ходе исследования по рассматриваемой проблеме при выборе методов мы отдаем предпочтение статистическому наблюдению, контент-анализу, выборочным опросам населения, сотрудников правоохранительных органов, осужденных. При этом принимается во внимание зарубежный опыт. Следует отметить недостаточную степень точности и достоверности результатов опросов, ибо нет уверенности в готовности опрашиваемых правдиво отвечать на вопросы. Уменьшить вероятность ошибки можно лишь при использовании различных методов.

В связи с этим в литературе подвергается критическому анализу метод опроса потенциальных жертв преступлений [5]. Констатируется, что респонденты сообщают не обо всех инцидентах и не все такие случаи ими вспоминаются. «Ошибка памяти» объясняется решением не вспоминать из-за незначительности инцидента или потому, что потерпевший справился с ним сам либо респондент не приемлет статус потерпевшего, считая происшедшее общественным нарушением повседневной жизни, подобно многим другим.

Встречается и так называемое смещение событий, когда респонденты помещают происшедшее событие в исследуемый период, хотя оно имело место ранее, или, наоборот, смещают событие назад. Подобные ошибки значимы. В частности, установлено, если исследуемый период равен шести месяцам,

ошибки в ответах, возникающие в результате смещения событий вперед, достигают до 10 %, а при годовом периоде они составляют только 25-30 %. Однако это не означает, что по мере уменьшения временного периода ошибку «смещения событий» можно свести к нулевому значению. С увеличением длительности периода свыше одного года возрастает значение «ошибки памяти». Поэтому годовой период, предшествующий опросу, следует признать оптимальным.

Приходится учитывать и то, что в опросных листах инциденты, о которых хотят узнать исследователи, даются в юридических терминах. Опрошенные не всегда могут точно идентифицировать известные им инциденты в специальных терминах. Не менее важен вопрос, как и где проводить исследование. Справедливо замечено, что познавательное значение локальных обследований ограничено. Сделанные на их основе выводы в большей степени могут быть отнесены лишь к тому региону, в котором они выполнены. Провести обследования в ряде регионов, число которых было бы репрезентативно для оценки положения дел в стране в целом, особенно в такой, как Россия, чрезвычайно сложно. Тем не менее, эти трудности одолимы.

Авторы проводили криминологическое исследование в субъектах РФ по Дальневосточному федеральному округу, схожих по своим социально-экономическим, демографическим, социально-психологическим и криминологическим параметрам (Хабаровский и Приморский края, Амурская, Сахалинская области и Еврейская автономная область). Выборочные опросы проводились непосредственно по программным анкетам. Все интервью были тщательно подготовлены с учетом опыта организации конкретных социологических исследований. Репрезентативность определялась по каждому региону отдельно.

Интервьюирование граждан о противоправных деяниях, жертвами которых оказались они сами или их родственники, знакомые, и о принятых мерах (исследование про-

водилось в период 2006-2008 гг.) Выборка составила 250 чел. Респонденты по своим демографическим и социальным признакам отражают действительную характеристику населения обследованных регионов. В выборке оказалось 60 % мужчин и 40 % женщин; были представлены все возрастные группы: до 18 лет – 11 %; 19...24 года – 19 %; 25...30 лет – 26 %; 31...40 лет – 20 %; 41...50 лет – 16 %; старше 50 лет – 8 %. Среди опрошенных 70 % проживали в городской местности и 30 % – в сельской.

Образовательный уровень респондентов позволял им с пониманием относиться к задаваемым вопросам и отвечать на них. В частности, 40 % опрошенных имели высшее образование, 53 % – среднее (общее или специальное), 7 % – ниже среднего.

Анализ респондентов по роду занятий дает основание считать, что в выборке представлены все социальные категории, проживающие в обследованных регионах. Большую часть составили работники производственных предприятий – 30 %; работники сельского хозяйства – 10 %; работники сферы обслуживания – 20 %; служащие учреждений – 20 %; пенсионеры – 8 %; временно не работающие – 12 %. Уровень доходов респондентов определялся во взаимосвязи с прожиточным минимумом. Доходы выше этого показателя имели 20 %, соответствующие ему – 50 %, ниже прожиточного минимума – 30 % (5 % затруднились ответить). Следует иметь в виду, что в последнем случае не учитывалось имеющееся в собственности имущество, характер и размер которого в ряде случаев викарирует его обладателя.

При составлении опросника принимались во внимание разработанные ВНИИ МВД РФ рекомендации по составлению анкет. Опросы проводились на улицах, в учреждениях, на предприятиях, в учебных заведениях, в местах проживания (квартиры, отдельные дома, общежития). Большинство респондентов с доверием отнеслись к целям исследования и интервьюерам. Отказались отвечать 20 чел. из

числа опрошенных. Всем участвовавшим в интервью гражданам гарантировалась индивидуальная конфиденциальность указанных ими сведений. Для проверки надежности ответов данные анкет с «положительными» ответами (респонденты заявляли о преступлении, но меры не были приняты) выборочно сверялись с данными, зарегистрированными в милиции, медицинских и страховых учреждениях.

Опрос специалистов для оценки уровня криминологической безопасности по незаявленным и скрытым правонарушениям. Выборкой в отмеченных регионах были охвачены 300 сотрудников правоохранительных органов, среди которых сотрудников криминальной милиции – 25 %, сотрудников милиции общественной безопасности – 60 % (в том числе участковых уполномоченных милиции – 35 %), следователей органов внутренних дел и прокуратуры – 15 %. Все названные категории специалистов относятся к тем, кто повседневно, в силу своих функциональных обязанностей получает сообщения о преступлениях и их рассматривает. Опыт работы указанных лиц в правоохранительной системе составляет в среднем 5-7 лет. Программированные вопросники респонденты заполняли сами в служебных кабинетах.

Интервьюирование осужденных за преступления, совершенные в быту.

Этот метод использовался как факультативный для получения дополнительного эмпирико-иллюстративного материала, поскольку предполагался высокий уровень предвзятости рассматриваемой специфической группы. Считая столь осторожную оценку результатов указанного опроса в целом оправданной, следует заметить, что с помощью подобного опроса может быть получена в определенном смысле уникальная информация. Так, известно, что лица, осужденные и отбывающие наказание, достаточно хорошо осведомлены о нормах уголовного права. В связи с этим отнесение ими того или иного деяния к категории преступных может быть более верным, чем у законопослушных граждан.

В период 2006-2008 гг. при проведении пилотажного опроса 70 осужденных за преступления, совершаемые против личности (убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования), отбывающие наказание в исправительных учреждениях, ответили на вопросы анкеты. Из них 40 чел. сообщили о криминальных факторах, повлекших за собой конфликт между членами семьи, родственниками, друзьями, соседями. В основном это были факторы экономического и культурно-воспитательного характера. Впоследствии круг опрашиваемых осужденных был расширен. В анкете им предлагалось ответить на вопрос о путях и способах разрешения конфликтов, возникающих в ходе межличностных отношений. Опрос проводился авторами в исправительных учреждениях, дислоцированных на территории Дальневосточного федерального округа. Респондентам гарантировалась конфиденциальность полученных от них сведений, использование их только в исследовательских целях.

По возрастной структуре подавляющее большинство опрошенных – люди 25...40 лет (40 %), что в целом соответствует данным о лицах, совершающих преступления в сфере быта. Среди респондентов 30 % имели высшее образование, 59,5 % – среднее (общее и специальное), 10,5 % – ниже среднего. Больше половины опрошенных до осуждения проживали в городской местности – 60 %, в сельской местности – 30 %, не имели постоянного места жительства – 10 %. Из числа ответивших на вопросы анкеты 65 % ранее уже имели судимость за совершение преступления.

Программированному изучению подвергались разного рода документы: в органах внутренних дел и прокуратуры – журналы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях; сигналов о срабатывании охранной сигнализации; учета подростков, доставленных в специальные подразделения по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних; сообщений, поступивших по телефону; представления и постановления прокуроров,

материалы служебных расследований фактов укрытия сообщений от регистрации, постановления должностных лиц (об отказе в возбуждении уголовного дела, по которому личность известна, а также в тех случаях, когда не была установлена личность преступника); в иных учреждениях – книги регистрации фактов обращений граждан в бюро судебно-медицинских экспертиз для определения тяжести телесных повреждений, документы по выплате денег в порядке компенсации и по установлению страховых случаев (кражи, увечья и др.); учеты больниц, куда доставлялись граждане с телесными повреждениями.

Особый интерес для исследования представляют собой так называемые «отказные материалы» или первичные материалы, по фактам происшествия по которым отказано в возбуждении уголовного дела. По своему характеру решение об отказе в возбуждении уголовного дела может считаться правомерным в подавляющем большинстве случаев лишь при условии, что в распоряжении лица, принимающего решение, находятся достаточно полные сведения о событии оцениваемого деяния (основу которого составляет конфликт в быту). Решение об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенное при отсутствии достаточных сведений о событии деяния, недостаточно обоснованное.

Вместе с тем, необоснованность отказов в возбуждении уголовных дел может быть связана и с неумышленными действиями должностных лиц: неверными оценками тяжести деяния, мотивов и форм вины субъектов, ошибками в квалификации и т.п. В этих случаях для доказательства ошибочности принятого решения нужны убедительные аргументы, которые могут быть получены с помощью дополнительных проверок, опросов и т.д. По существу же необходимо проведение процессуальных действий.

К документам, подлежащим рассмотрению при исследовании криминологической безопасности личности в быту, относятся:

– административные, гражданские дела,

содержащие сведения о бытовых конфликтах;

– разделы социальных программ, касающиеся организации досуга, совершенствования быта, помощи малообеспеченным семьям;

– программы и планы пропаганды правовых знаний.

При исследовании указанных документов к недостаткам следует отнести то, что информация, которую в данном случае можно собрать, ограничена кругом деятельности должностных лиц, составляющих их (документы). Сведения о бытовом конфликте, который был разрешен неправомерным путем, обычно скудны, а правоохранительные органы в основном тщательно выясняют лишь те обстоятельства, которые имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса по существу.

Статистические методы исследования. Эти методы служили, прежде всего, для анализа общих тенденций состояния преступности как в России в целом, так и в обследуемых районах. Кроме того, упомянутые методы необходимы для правильной обработки и оценки совокупности эмпирических сведений, полученных в ходе опросов респондентов, экспертов, а также в результате анализа документов. Именно статистические приемы позволяют получить научную продукцию и интерпретируемые выводы и суждения.

Наукой выработана общая технология обработки материала, которая включает ряд последовательных этапов [6]:

1) упорядочение первичного материала, отнесение его к определенным целям и гипотезам;

2) группировка материала, т.е. его подразделение на качественно однородные элементы, составляющие внутреннюю структуру объекта исследования;

3) укрупнение групп, оценка данных, выдвижение дополнительных гипотез;

4) проверка гипотез, выявление и объяснение полученных закономерностей.

Каждый из указанных этапов может содержать конкретные подходы к решению поставленных задач. Так, можно показать, каким

образом на стадии упорядочения и оценки адекватности полученной информации решается задача определения численности преступлений, совершаемых в сфере быта, – через оценку интенсивности виктимизации населения. Полученные в результате обработки данные интервьюирования достаточно легко группируются по самым разнообразным признакам, и уже сами эти группы данных позволяют выявить (на гипотетическом уровне) важные в познавательном отношении связи и закономерности, отнюдь не лежащие на поверхности явлений и даже противоречащие расхожему мнению. Например, если сгруппировать все факты виктимизации в зависимости от места жительства жертвы (город или село) и ответа на вопрос, обращались ли жертвы для разрешения конфликта в правоохранительные органы (да, нет), то можно получить группировочную таблицу.

Группирование опрошенных по пересекающимся признакам «место жительства» и альтернативный ответ «да или нет» дает основание предполагать различную частоту обращения жертв преступлений в правоохранительные органы в зависимости от места их жительства. Несложный расчет показывает, что среди городских жителей «обращавшиеся» составили 40 %, а среди сельских – 15 %. Однако этого недостаточно, чтобы констатировать наличие закономерности между местом проживания жертв преступного посягательства и частотой их обращения в правоохранительные органы по поводу посягательств. В приведенном примере зависимость состоит лишь в том, что жители сельской местности обраца-

ются в правоохранительные органы реже, чем городские жители. Необходимо выяснить, не являются ли различие и величина полученных данных случайными при таком объеме выработки и подобных условиях распределения?

Одним из методов статистического испытания аналогичных гипотез служит анализ таблиц сопряженности с использованием статистических величин – критериев независимости сопрягаемых признаков. Суть метода заключается в количественном сравнении двух матриц (таблиц) сопряженности. Одна матрица – гипотетическая, в которой частоты элементов (числа в графах таблиц) определяются, исходя из независимости сопрягаемых признаков, а другая – реальная, причем сумма элементов по столбцам и строкам в обеих матрицах одинаковая. Условием независимости сопрягаемых признаков в таких матрицах является одинаковость долей признаков в каждом столбце. Произведенные расчеты подтвердили предположение о зависимости между местом проживания респондентов – жертв правонарушений и частотой их обращения в правоохранительные органы.

Статистические методы позволяют рассчитать вероятностную, количественную картину о состоянии криминологической безопасности личности в быту, которая существует в обществе в пределах определенных временных границ.

Наряду с общесоциологическими и статистическими методами и интерпретацией их в рамках исследования используются и другие методы.

Литература

1. Бабаев М.М. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт, структурный анализ) / М.М. Бабаев, В.А. Плешаков // Криминологический журнал. – 2005. – № 7; Лебедев С.Я. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России / С.Я. Лебедев // Российский криминологический взгляд. – 2006. – № 3; Лебедев С.Я. Про-

блема преступности: от мистерицифр к реалиям обеспечения криминологической безопасности / С.Я. Лебедев // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 111.

2. Юзиханова Э.Г. Техника криминологического исследования: учеб. пособие / Э.Г. Юзиханова // Под. ред. В.В. Лунева. – Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД РФ, 2005. – С. 7-12.

3. Аванесов Г.А. Криминология / Г.А. Аванесов. – М.: Академия МВД СССР, 1984. – С. 292-304; Аванесов Г.А. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 02.11.00 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили // Под ред. Г.А. Аванесова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – С. 92-125; Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1983. – С. 111-142.

4. Лебедев С.Я. Криминология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 02.11.00. – «Юриспруденция» / С.Я. Лебедев // Под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. –

М.: ЮНИТИ-ДАНА. – Закон и право. – 2007. – С. 175-184.

5. Полубинский В.И. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: Монография / В.И. Полубинский, А.А. Ситковский. – М.: ВНИИ МВД России. – 2006. – 290 с.; Ривман Д.В. Виктимологический аспект аналитической работы в органах внутренних дел / Д.В. Ривман. – Ленинград, 1971. – С. 65-69.

6. Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1983. – С. 111-142; Лунев В.В. Юридическая статистика: учебник / В.В. Лунев. – М.: Юрист. – 400 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Kim E.П., д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД РФ
Служ. тел.: (4212) 21-56-14

E. Kim, Ph. D. in Law, Professor of Criminal Law and Criminology Department of RF Ministry of Internal Affairs Far East Law Institute

Научные интересы: криминология и профилактика преступлений, преступность в сфере бытовых отношений

Areas of expertise: criminology and crime prevention, domestic criminality

Kim В.Е., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД РФ
Дом. тел.: (4212) 20-20-98

V. Kim, Adjunct of RF Ministry of Internal Affairs Far East Law Institute

Научные интересы: обеспечение криминологической безопасности личности в быту

Areas of expertise: provision of criminological security in private life



Политология

УДК 327



Соловьева Виктория Николаевна
Viktoria Solovyeva

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ВЛАСТИ

DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF CHINA IN
CONDITIONS OF TRADITIONAL GLOBALIZING
AUTHORITY

Дан анализ основных аспектов внутренней и внешней политики Китая в условиях глобализации и мирового финансового кризиса. В работе рассматривается влияние текущей политики на национальные интересы России

The article deals with the analysis of basic aspects of Chinese domestic and foreign policy in conditions of globalization and world financial crisis. The article also considers the influence of current policy on the national interests of Russia

Ключевые слова: традиционная власть, внешняя, внутренняя политика, глобализация, Китай, национальные интересы

Key words: traditional power, foreign policy, domestic policy, globalization, China, national interests

В последние годы в глобализирующемся мире происходят значительные изменения. Связаны они, прежде всего, с тем, что появились стремительно развивающиеся экономики, потенциал которых до настоящего времени окончательно не определен. Как следствие, развитие экономики приводит к росту авторитета государства на международной арене, определяя амбиции и стратегические задачи государства. Одним из ярких примеров таких государств является Китай. Располагая огромным человеческим ресурсом и выработав прагматичную государственную политику, Китай в последние 10 лет демонстрирует устойчивый рост, покоряя все новые рубежи. Даже в условиях глобального мирового финансового кризиса Китай наглядно демонстрирует мировому сообществу «государ-

ственную способность» управлять сложными процессами и с минимальными потерями преодолевать сложившиеся трудности, приобретая опыт антикризисного управления и становясь еще более мощным и стабильно развивающимся государством.

Во многом подобные успехи связаны с функционированием традиционной власти. Традиционная власть основана на вере в священный характер норм, обычаев, традиций, которые рассматриваются как нерушимые. Обычаи выступают основой управления и послушания в обществе, ибо так принято, так было всегда. Власть традиций такова, что если традицию нарушают лидеры, вожди, то они теряют легитимность в глазах масс и могут быть отстранены от власти. Подобные общества статичны, они могут существовать веками

без значительных изменений. Люди вновь и вновь воспроизводят отношения власти и подчинения на протяжении многих поколений [1].

Традиционная власть была характерна для древних восточных империй (Египет, Вавилон, Персия, Китай), для средневековой Европы, она присутствует и в современных политических системах. По своей мотивации также власть схожа с отношениями в патриархальной семье, где младшие повинуются старшим. Поэтому, как считал М. Вебер, полезно сохранять наследственную монархию и в условиях демократии, чтобы подкреплять авторитет государства многовековыми традициями почтения власти [2]. Традиционная власть обусловила цикличность китайской истории, объясняемую с социально-экономических позиций (рост частного землевладения, ослабление контроля над важнейшими для Китая транспортной и ирригационной системами и пр.). Видимо это объяснение вполне обоснованно, но сами китайцы, заметившие цикличность хода истории еще задолго до начала нашей эры, имели свое особое мнение, которое впервые было сформулировано выдающимся древнекитайским философом Мэн-цзы, а затем принято ортодоксальным конфуцианством и стало общепринятым. Чередование циклов падения – взлетов привело и к современным успехам китайского государства.

По некоторым оценкам, за последние тридцать лет экономика Китая выросла более чем в 13 раз. «С 2007 г. КНР занимает второе место по объему экспортируемой продукции и третье – по объему импорта. В 1990-2000 гг. ежегодный рост товарного экспорта КНР составлял в среднем 15 %, а в 2004-2008 гг. – 24 %. Насколько активно в последние годы развивалась китайская экономика, может свидетельствовать и транспортная статистика. Начиная с 2005 г., Китай является мировым лидером по росту пропускной способности морских портов. В 2007 г. она составляла 6,5 млрд т» [3]. Так, по оценке ряда специалистов, в 2020 г. Китай опередит США и выйдет на первое место в мире по уровню развития экономики. Уже сей-

час на долю Китая приходится почти 7 % мирового товарооборота. В торговле товарами и услугами – 10,5 %. По данным ВТО, он входит в список ведущих стран-поставщиков и покупателей. В мировом товарном экспорте удельный вес Китая достиг 7,3 %, в импорте – 6,1 %.

В самом Китае активно пропагандируется тезис о том, что он вносит важный вклад в стабильность в Азии и стремится облегчить давление бремени кризиса на регион в целом. В официальном китайском издании «Бэйцзин ревью» по этому поводу говорится: «Китай больше не является экономической державой, учитывающей только свои интересы, а скорее глобальной экономической, торговой и финансовой страной, взявшей на себя намного большую ответственность, чем когда-либо ранее. Люди должны быть уверены, что трудности в финансовом кризисе в Восточной Азии могут быть преодолены с помощью Китая и усилий восточно-азиатских стран. Улучшенная азиатская модель наполнит регион новой жизненной силой и энергией». Китай развивается чрезвычайно активно. Его влияние на экономику становится подавляющим. К 2040 г., по прогнозам экспертов, Китай станет ведущей экономической державой мира. В проблемном сборнике по политике безопасности отмечено: «Китай стал лидером региона в экономике и укрепит, если достигнет политической стабильности» [4].

Китай постоянно расширяет географию своего взаимодействия, все большее количество стран устанавливает экономическое сотрудничество с данным государством. Помогает такому взаимодействию достаточно миролюбивая и «открытая» политика Китая, направленная на реализацию взаимных интересов договаривающихся сторон. «Тихая экспансия» Китая пока не рассматривается как угроза национальным интересам.

Кроме того, следует отметить «всеядность» китайской экономики, находящей множество способов проникновения на рынки стран-конкурентов и привлечения их интереса к собственному рынку. Это и переговоры о со-

трудничестве, производственная, инвестиционная, научно-техническая, торговая деятельность, развитие транспортной инфраструктуры, совместное решение миграционных проблем, активное проведение и участие в международных выставках. Используя в своей внешней политике лучшие образцы «восточного» взаимодействия, Китай сумел добиться благоприятной внешней среды и с успехом развивает достигнутые «завоевания». Безусловно, что для России, учитывая близость территорий и уже ставшее традиционным взаимодействие, экономические успехи Китая имеют важное значение.

Восточные территории Российской Федерации в настоящее время, даже в условиях мирового финансового кризиса, к основным внешнеэкономическим партнерам относят Китай. Более того, в условиях кризиса Китай стал единственным государством, которое не только не снизило объемы торговли, но по некоторым сферам даже увеличило. В частности, поставки угля из России в Китай за последнее время выросли на 60 %.

В качестве примера можно привести Сахалинскую область, расположенную на 59 островах площадью 87,4 тыс. км², где имеются богатейшие запасы углеводородного сырья, коксующегося и энергетического угля, золоторудных песков, серебра, торфа, самородной серы и других ресурсов. Зарегистрировано более 30 предприятий с участием китайского капитала, в т. ч. 8 – со 100 %-ным его участием. Доля иностранного инвестора – 58 %. В структуре экспорта – нефть, морепродукты, лесоматериалы, лом черных и цветных металлов. В импорте из КНР преобладают цемент, соль, сера, химические продукты, суда и другая продукция.

В 2005 г. Министерство природных ресурсов РФ сообщило о заинтересованности КНР в аренде 1 млн га леса в рамках пилотного проекта по совместному освоению лесных сибирских ресурсов. Высказывается предложение об освоении лесов в Забайкальском крае, Тюменской или Томской областях. По мнению аналитиков, реализация подобных

проектов резко увеличит нелегальное перемещение населения из Китая. Как отмечается в печати, это приблизит «границу противостояния» к европейской части России. В данном контексте основной проблемой является соблюдение национальных интересов России, поиск оптимального взаимодействия с Китаем.

Так, аналитики исследовательского Карнеги-центра предупреждают: «Каковы бы ни были благие пожелания государственных деятелей и дипломатов в Москве и Пекине, эти цифры несут в себе огромный заряд грядущих перемен». Один из экспертов считает, что «перенаселенный Китай переживает экономический бум. Он остро нуждается в новых землях, сырье и энергоресурсах. Все это в изобилии находится в Сибири, которую России все труднее удержать».

Несмотря на кажущуюся миролюбивость китайской внешней экономической политики, Китай не намерен мириться с ущемлением своих интересов, в том числе и на территории иностранных государств. В качестве примера можно привести реакцию официального Пекина на события, происходившие вокруг Черкизовского рынка Москвы. Власти Китая однозначно дали понять, что органы государственной власти Российской Федерации должны учитывать интересы многочисленной китайской диаспоры при решении аналогичной ситуации. И хотя жесткой критики в адрес Кремля со стороны Китая не было, данный пример наглядно демонстрирует основную цель китайской политики, которая, по нашему мнению, сводится к всемерному усилению политического влияния Китая.

Глобализирующийся Китай когда-то открыто заявит свои политические претензии, и Россия должна быть готова к такой ситуации.

По крайней мере, в ближайшие десять лет для Китая принципиальное значение будет иметь налаживание взаимовыгодных и чисто прагматических военно-экономических связей с Россией, в том числе проникновение на ее территорию проверенными методами «тихой экспансии».

Целью долгосрочной политики Китая, несомненно, будет полная китаизация российского Дальнего Востока и Забайкалья. Так как, во-первых, данные регионы имеют существенное стратегическое значение для КНР. Во-вторых, как нами уже отмечалось, Китай в настоящее время заинтересован в российском сырье. Именно поэтому внешняя политика на современном этапе должна быть продуманной и взвешенной, отвечающей национальным интересам России. КНР имеет самую большую армию в мире и наиболее сильную в АТР. Численность ВС составляет 3,7 млн чел., в том числе Армии и Флота – 2,6 млн. На оснащении НОАК содержится более 10 тыс. танков, около 29 тыс. орудий ПА и минометов, 5 тыс. боевых самолетов и 215 боевых кораблей. Военные расходы Китая стабильно держатся на уровне 3...3,5 % (около 11-12 млрд долл.). Подготовка НОАК и военная доктрина КНР сохраняют антироссийскую направленность. При стремлении интегрироваться в мировую экономику китайское руководство не склонно в принципе рассматривать Россию в качестве союзника, а политика КНР не исключает искусственного создания условий для обострения отношений между Россией и США. В то же время Соединенные Штаты рассматриваются Китаем как источник гегемонизма, опасного для КНР, и перспективный источник инвестиций. Китай не заинтересован в обострении отношений с США. Таким образом, для ослабленной России продолжение современной политики и вся совокупность проблем АТР предопределяет ее превращение во второразрядную региональную державу, а при определенных обстоятельствах (в том числе продолжении современной «российской политики») не исключена попытка полной ликвидации какого-либо влияния России на Дальнем Востоке и даже физического присутствия 12 млн российских граждан на территории восточнее Байкала силовым способом.

В «Программе – 2010» китайцы законодательно закрепили курс на интернационализацию своей региональной экономики, т.е. ин-

теграцию в китайскую экономику приграничных районов сопредельных государств. Курс реализуется через создание и развитие региональных экономических зон в приграничных районах, куда входили бы территории Китая и прилегающие районы сопредельных стран. Организующие центры этих зон (всего зон шесть) были определены, конечно, в Китае. Центр зоны, куда входят провинции Северо-Восточного Китая и сопредельные области России, в том числе и Забайкальский край, находится в Харбине. Возникнув в начале века как продукт русской колониальной политики, этот город становится центром хозяйственного освоения Китаем исторических территорий нашей страны. С точки зрения стратегических перспектив трех северо-восточных провинций Китая, в том числе и соседнего с Забайкальским краем Автономного района Внутренняя Монголия, российское приграничье представляет первостепенный экономический интерес.

Интересной является позиция китайского руководства в условиях мирового финансового кризиса. Так, правительство КНР достаточно оперативно отреагировало на новые угрозы и выработало ряд мер по улучшению и стабилизации ситуации.

«В ноябре 2008 г. на специальном совещании Госсовета КНР была утверждена программа по улучшению внутривнутриполитической ситуации в стране. Центральным моментом программы стало изменение экономической стратегии. Вместо продолжения промышленной экспансии в мировом масштабе китайское руководство решило сосредоточить усилия госсектора на реализации строительных проектов и на расширении внутреннего спроса. В рамках данной доктрины в программе содержатся следующие положения: ускорение темпов строительства экономичного и удобного жилья для населения, возведение новых инфраструктурных объектов, в том числе в сельской местности, вложение средств в здравоохранение, культуру и образование, поощрение независимых инноваций, повышение доходов населения, корректировка налоговой политики и

т.д.» [3]. Из приведенного примера следует, что китайское руководство, грамотно оценив ситуацию, пришло к выводу, что в современных нестабильных экономических условиях самым эффективным и выгодным вложением будет являться вложение в собственное государство посредством улучшения социально-экономического положения собственных граждан и развития инфраструктуры страны. Тем более, что социально-экономическое положение граждан КНР оставляет желать лучшего. Таким образом, кризисные явления будут использованы руководством Китая для решения насущных внутренних проблем, что позволит в дальнейшем в значительной степени повысить потенциал страны.

Кроме того, как отмечает директор института стратегических оценок и анализа Вагиф Гусейнов: «В контексте видимых успехов китайских антикризисных мер аналитики обращают внимание на такой важный аспект внутренней политики КНР, как неусыпный контроль над исполнением решений центрального руководства» [3]. В целом, несмотря на активизацию различных форм сотрудничества между странами, наблюдается резкое усиление демографической и экономической экспансии Китая на территории России. По имеющимся прогнозам, КНР станет «тотально доминирующим государством» в центральноазиатском регионе.

Вся проводимая работа полностью соответствует национальным интересам КНР в области обеспечения безопасности, которые сводятся к следующему: выработка и корректировка внешнеполитического курса должна проводиться, прежде всего, с учетом интересов и потребностей внутриэкономического развития страны, отсюда следует и политика предоставления регионам огромных полномочий во внешнеэкономической деятельности, а также активное устранение и нейтрализация внешних неблагоприятных факторов, способных негативно воздействовать на состояние национальной экономики. Рассмотренные антикризисные мероприятия полностью вписы-

ваются в общую стратегию Китая. Правительство Китая для их реализации проводит поистине уникальную работу: искусственно сдерживает курс национальной валюты по отношению к американскому доллару, что сочетается с вывозом капитала за границу, причем основной денежной единицей в плане экономического оборота фактически является американский доллар. Кроме того, в настоящее время руководство КНР и США проводят различного рода консультации и совещания, и даже тот факт, что Президент США Б. Обама отказался встретиться с Далай-ламой перед визитом в Китай, означает, что администрация Белого дома видит в Пекине не только стратегического партнера, но и, возможно, равноправного участника двусторонних отношений. США понимает, что рано или поздно политика однополярного мира исчерпает свои ресурсы и тогда возникнет необходимость договариваться уже с равнозначными партнерами и, по всей видимости, Китай рассматривается новой администрацией США как один из основополагающих полюсов «нового мирового порядка». Кроме того, во время недавнего визита в КНР «госсекретарь Х. Клинтон призвала Китай продолжать инвестировать средства в американские казначейские облигации, заявив при этом: «Мы находимся в одной лодке. Каким бы ни был исход кризиса – проиграем мы или преодолеем трудности, – это будет общий результат и для США, и для КНР». На что министр иностранных дел Китая Ян Цзечи заявил, что его страна считает США надежным капиталовложением. «Пекин будет продолжать сотрудничество с Вашингтоном», – заявил министр» [3]. Безусловно, в этой связи Россия должна оперативно и эффективно реагировать на изменяющуюся внешнюю конъюнктуру, т.к. безусловный союз США и Китая может в дальнейшем негативным образом отразиться на авторитете России на международной арене.

Таким образом, власть — весьма важный феномен для жизни любого общества и его отдельных систем и подсистем. В различных сферах общественной жизни она выпол-

няет ряд руководящих функций, как-то господство, т.е. полное подчинение объекта власти воле ее субъекта; регулирование общественных отношений; контроль над поведением индивидов и групп; управление общественными процессами; организация и координация действий по выполнению поставленных перед обществом или группой задач; мобилизация

индивидов, групп или общества в целом на достижение каких-либо значимых для них целей. Реализация всех этих функций связана с механизмами функционирования власти в обществе, и особенно ее основного вида — власти политической, или государственной.

Литература

1. Федосеев А.А. Введение в политологию / А.А. Федосеев. – СПб.: Питер, 1994.

2. Политология: учеб. пособие / Под ред. М.А. Василика. – СПб.: Питер, 1997.

3. Гусейнов В. Борьба с экономическим кризисом: рецепты Поднебесной / В. Гусейнов // Российская Федерация сегодня, 2007. – сент. – С. 26-27.

4. *Security politics in the Commonwealth of In-*

dependent States: The Southern belt // Edited by M. Mozaffari. – L.: Macmillan Press, 1997. – P. 133.

5. Россия – Китай, опыт сотрудничества, достижения и проблемы // Деловой журнал *China Pro*, 02.07. – 01.08.2007.

6. Общая теория национальной безопасности: учебник / Под общей редакцией А.А. Прохорова. – М., РАГС, 2002.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Соловьева В.Н., ассистентка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
Дом. тел.: 8(3022) 36-29-90

V. Solovyeva, Assistant, Transbaikalian State Humanitarian Pedagogical University

Научные интересы: исследование развития политики Китая, языкознание

Areas of expertise: development of Chinese policy, linguistics





УДК 342

Шемелин Аркадий Валерьевич
Arkadiy Shemelin

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: В НАЧАЛЕ ПУТИ

COMMENCEMENT OF ELECTORAL SYSTEM REFORMING IN RUSSIA

Статья посвящена спорам, возникшим в России в 90-е гг. XX в. по поводу будущего политических институтов демократического государства и выбора избирательной системы

Article deals with the disputes which have arisen in Russia in 90th years concerning the future of political institutes of the democratic state and a choice of an electoral system

Ключевые слова: Россия в 90-е гг., переходный период, споры об избирательной системе, к истории проблемы, политическое реформирование, политико-правовая система, концепции демократии, правовая культура

Key words: Russia in 90th years, transition period, disputes on electoral system, to the history of problem, political reforming, political-legal system, democracy concepts, legal culture

Формирование концепций и подходов к пониманию путей развития избирательной системы в России соответствовало целям и задачам формирования демократических институтов и утверждения плебисцитарной избирательной системы. Неустойчивость же социально-политического и экономического положения в стране накладывала свой отпечаток на видение конечной цели, порождая споры и неоднозначные выводы.

Обратим внимание на период между 1994 и 1995 гг., который был заполнен дискуссиями, связанными с проведением вторых парламентских выборов. Как указывает В.Я. Гельман, в это время политологические споры касались, главным образом, проблем, связанных с выбором избирательных систем. Дебаты были относительно нескольких проблем. В одном случае продолжилась принципиальная дискуссия между сторонниками пропорциональной и мажоритарной электоральных формул. В другом – в условиях новых демократий

подвергся переосмыслению известный тезис Дж. Сартори о том, что «избирательная система является самым специфическим инструментом политических манипуляций». Наконец, проблема формирования избирательной системы как социального выбора также оставалась на повестке дня дальнейших исследований [9; С. 45-46].

Имеют значение рассуждения исследователя о российской специфике: «Во-первых, выбор избирательной системы не был связан с выбором других элементов институционального дизайна, в особенности с моделью разделения властей. Во-вторых, выбор избирательной системы проходил в два этапа: этап первоначального выбора (1993) и этап закрепления и институционализации избирательной системы (1994-1995). В-третьих, несмотря на то, что первоначальный выбор избирательной системы был фактически навязан сторонниками Ельцина после государственного переворота 1993 г., закрепление избирательной систе-

мы стало результатом консенсуса политических акторов» [9; С. 46].

Характерно, что приблизительно в этот же период времени появляются рассуждения о том, что всеобщее избирательное право теряет свое значение и его заменяет общественное мнение. Об этом в самом начале 90-х гг. писал, в частности, крупный французский политик и политолог М. Рокар, делая акцент на роли СМИ: «В какой-то мере общественное мнение заменит классовую борьбу в роли движущей силы истории, ускоряя или тормозя деятельность общества» [12; С. 133]. На уровне общественного сознания подобные рассуждения приобрели очертания тезиса о СМИ как «четвертой власти».

На государственном уровне в это же время были задействованы механизмы поиска идеологических основ, связанных с пониманием целостности Российского государства, что нашло свое выражение в Послании президента Федеральному собранию с характерным названием «Об укреплении Российского государства» [10]. На уровне политической риторики была введена в употребление теория «новой российской нации». Вместе с этим, высшее руководство страны не исключало сохранение приверженности принципам демократии и соответствующих процедур. В условиях кризиса такая последовательность имела позитивный результат, способствуя осознанию обществом важности естественных и неотчуждаемых прав человека, присущих ему от рождения. Хотя, как указывал Н.И. Матузов, в данный период времени реализация этих прав носила ограниченный характер. Высшие идеалы не совпадали с суровой реальностью и еще только предстояло наполнить реальным содержанием демократические преобразования в соответствии с Декларацией прав и свобод и Конституцией Российской Федерации [4; С. 28-29].

В этой связи интерес представляет концепция «вертикальной демократии» американского политолога Джованни Сартори, считающего, что политические контролирующие груп-

пы осуществляют власть по отношению к большей части социума в соответствии со своим положением. Согласно альтиметрическому критерию, на вершине властной пирамиды оказываются достойнейшие люди, имеющие заслуги перед обществом. Механизм «отбора, подбора» таких людей вписывается в систему «селективной олиархии» и, соответственно, демократическим процедурам выбора [13].

Можно предположить, что последующая эволюция политического режима в России в определенном смысле совпала с данной концепцией. Приходится учитывать, что данная модель отражает устойчивые типы политической организации, тогда как в переходные периоды формальный признак отбора руководителей сохраняет традиционные формы господства, характерные, скажем, для модели «пастырского государства», или авторитарных систем. В таких условиях, согласно Д. Колла, «государство испытывает постоянное воздействие напряженности между суверенитетом и управляемостью, которые стали, скорее, двумя полюсами его деятельности, нежели двумя фазами его истории: это нашло выражение в создании ударной силы и установлении минимального дохода выживания. Сочетание микрофизики властей, посредством которых управляется жизнь в ее мельчайших проявлениях, и тотализации, благодаря которой организуется мощь государства в соперничестве с другими государствами и которая находит свою кульминацию в войне (для России это первая чеченская война – А.Ш), порождает постоянный вопрос о легитимности государства» [3; С. 299].

На этапе реформирования российской избирательной системы между 1996 и 1999 гг. происходит актуализация роли встречных процессов как в структуре политических институтов, так и самого общества. Отмечается активная поддержка со стороны Запада структур и групп, способствующих развитию гражданского общества. Сложности прямого транзита развитой формы западной демократии привели к появлению различных теорий, от «делегатив-

ной демократии» Г. О. Доннелла, «новых демократий» Ф.С. Веффорт, до «фасадной демократии» и «дефектной демократии» В. Меркеля и А. Круассана [8; С. 1, 133-136; 5; С. 6-17]. Обсуждению подверглась тема возвратных процессов, связанных с утверждением авторитаризма и его рецидивах. Открытым оставался вопрос о социализации граждан в новых условиях. Влияние этих дискуссий отразилось на необходимости по-новому рассматривать юридический подход к изучению избирательной системы.

В текущей постановке проблемы присутствовала качественная оценка, тогда как речь должна была идти о процессе. Согласно А. Мельвилю, «история становления и развития демократических норм и практик говорит о том, что демократия – это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур» [6; С. 17]. Споры вокруг «третьей волны» демократизации актуализировали разработки, направленные на видение ценностной основы этого процесса (У. Мишлер, Р. Роуз) [19; С. 553-581; 20; С. 251-276].

Важным для понимания процесса демократизации в оценке потенциальных возможностей того или иного общества являются представления о формах заимствования, которые не могут быть адекватными. Так, согласно У. Ганнерсу, рассматривающему ряд моделей взаимодействия между культурами (донор и реципиент), наиболее распространенным оказывается сценарий «периферийной коррупции». При таком сценарии в процессе отфильтровывания высших достижений и ценностей культуры-донора фиксируется уровень межкультурного взаимодействия по «нижней планке», задаваемой культурой-реципиентом [16; С. 157].

Не менее важно замечание, сделанное М.Ю. Мизулиным: «Как ни рассуждай, а следует признать, что базовая идея права как юридического условия и процедуры достижения справедливости, свободы и порядка не в полной мере вписывается в происходящие изме-

нения. Ситуация баланса порядка, свободы и справедливости – это ситуация, скорее, политическая, и там, в сфере политики, надо искать ее присутствие и промышлять новые условия взаимности и расхождения этих важнейших социокультурных феноменов» [7; С. 127].

Несомненно и то, что любые благонамеренные действия не должны возлагать на общество непропорциональное бремя. Общественное признание в этот период времени носит стихийный характер, а конкуренция в сфере политики воспринимается как негативное своеволие. Аналог мы обнаруживаем в сфере экономики и оценке результатов приватизации, когда в общественном сознании возник порочный круг недостаточной легитимности прав собственников и связанных с нею пороков корпоративного управления в лице государства [17; С. 126]. Ситуация приняла угрожающий характер, когда олигархические группы непосредственно стали оказывать влияние на принятие политических решений, создавая в сознании избирателей ощущение «приватизации политики».

На этом фоне особое значение приобрели рассуждения о «демократии участия», которая, согласно идее Р. Даля, соответствовала демократическому процессу:

– активное (эффективное) участие: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности для изложения своих взглядов в процессе выработки решений, касающихся общественных дел;

– равное голосование: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности голосовать при принятии решений;

– понимание, основанное на информированности: каждый член сообщества получает информацию для понимания сути вопросов, по которым принимается решение;

– контроль за повесткой дня: члены сообщества влияют на принятие решений относительно того, какие вопросы и в каком порядке будут обсуждаться и голосоваться. Тем самым исключается контроль какого-либо исполнительного органа за кругом вопросов, подле-

жащих обсуждению, а политика сообщества всегда остается открытой для перемен;

– включение взрослых: все совершеннолетние и дееспособные граждане имеют возможность участвовать в управлении общественными делами; чтобы защищать собственные интересы, группа граждан не может без ущерба для себя передать другой группе власть над собой. Опыт показывает, что свои интересы можно понимать неадекватно, что другие могут поступить за вас разумнее. Но, передавая власть другим, вы лишаетесь возможности действовать, когда вы придете к адекватному пониманию собственного блага [2; С. 77].

Как указывает Чарльз Тили, критерии Даля отличаются от конституциональных, сущностных и процедурных стандартов демократии: «По Далю, большинство стандартных демократических институтов – выборные должностные лица; свободные, честные и регулярные выборы; свободное выражение своего мнения, свобода слова; наличие альтернативных источников информации; самостоятельность добровольных (или общественных) союзов; демократия широкого охвата – могут быть проанализированы и сопоставлены» [15; С. 25-26]. Как считает исследователь, проблемой оказывается то, что здесь описывается лишь минимальный набор демократических институтов, которые не затрагивают временные изменения и, соответственно, не связаны с выяснением степени изменений в процессе демократизации. Второй момент связан с тем, что каждый из критериев действует лишь в ограниченных пределах, а выходя за эти пределы они вступают в конфликт друг с другом, как это происходит со свободой слова и самостоятельностью объединений. Помимо этого, автономность тех, кто входит в элиту и является носителем расистских, сексистских или члoвеконенавистнических идей, также подрывает принцип включения всех людей в число граждан [15; С. 26].

Понятно, что «демократия участия» возможна только в развитом гражданском обще-

стве, но последнее, как подчеркивает Е. Ясин, проявляется в той мере, в какой реализуется демократия участия [18; С. 41]. Запустить этот механизм можно только лишь на формальном уровне, привлекая общественность к разрешению избирательных споров. Происходит перенос силы тяжести в юридическую плоскость. Как считают Ю.А. Веденеев и В.В. Смирнов, движущим мотивом подобной реакции может быть осознание того простого факта, что именно через демократические выборы формируются ответственные перед гражданами органы государственной власти и управления, и именно через участие в избирательном процессе осуществляется воздействие на государственную политику. Именно законные выборы являются наиболее эффективной и юридически безусловной формой реализации и защиты собственных экономических и социальных интересов [11; С. 122].

Оборотной стороной формально организованного процесса оказываются издержки, связанные с имитацией политико-правовых форм, моделей, правил и процедур участия избирателей и их объединений в выборах. То есть, на деле приходится сталкиваться с имитацией внешних признаков структурной трансформации, которая призвана сохранить и консервировать режим неполитической, не сменяемой по итогам выборов, власти. Открывается широкая возможность складывания крайне нежелательной модификации взаимоотношений между обществом и государством – режима анонимной демократии [11; С. 19].

Для России переходного периода такая ситуация привела к «кризису участия», росту политического отчуждения со стороны одной части электората и протестному голосованию со стороны негативно настроенных избирателей. Неопределенность в понимании политических и правовых ценностей, накладываясь на абсолютизацию роли институтов власти, снижала влияние на власть со стороны широких слоев населения.

В целом же, как утверждает А.И. Соловьев, на основании выводов, сделанных А.

Пшерровский, Ф. Шмиттером и Д. Линц, «демократия выступает в качестве своеобразного «политического проекта», который реализуется в уже сложившихся условиях той или иной страны. Степень же внутренней готовности

страны к установлению демократического политического порядка рассматривается как сопутствующий фактор, способный либо ускорить, либо затормозить формирование такого рода системы» [14; С. 282].

Литература

1. Веффорт Ф. Что такое «новая демократия» / Ф. Веффорт // *Международный журнал социальных наук*. – 1993. – № 3. – С. 133-136
2. Даль Р. О демократии / Р. Даль. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 208 с.
3. Кола Доминик. Политическая социология / Доминик Кола. Пер. с франц.; Предисл. А.Б. Гофмана. – М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001. – 406 с. – С. 22.
4. Матузов Н.И. Личность, политика, право / Н.И. Матузов // *Теория политики (Общие вопросы)*. Под ред.: И.Н. Коновалова, А.В. Малько. – Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1994. – 186 с. – С. 6-36.
5. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, Л. Круассан // *Политические исследования*. – 2002. – № 1. – С. 6-17.
6. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А.Ю. Мельвиль. – М.: МОНФ, 1999. – 108 с.
7. Мизулин М.Ю. Плюрализм как онтологическое начало политики / М.Ю. Мизулин // *Политический плюрализм в современной России. Материалы сессии Академии политических наук* – М.: Издательский дом «Человек и карьера», 2001. – 194 с.
8. О'Доннелл Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс] / Г. О'Доннелл // *Режим доступа: // polit.msk.su/library/dem/odonnell.html#_ftn1*.
9. Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Весь Мир, 2000. – 248 с.
10. Ельцин Б.Н. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)» / Б.Н. Ельцин // *Российская газета*. – 1994. – 25 февраля.
11. Представительная демократия и электорально-правовая культура / Представительная демократия. Авт. кол.: Д.Н. Абрамян, В.Г. Андреенков, А.В. Андрееenkova и др.; Общ. ред. и введение Ю.А. Веденеев, В.В. Смирнов. – М.: Весь Мир, 1997. – 224 с.
12. Рокар М. Трудиться с душой / М. Рокар. – М.: Международные отношения, 1990. – 344 с.
13. Сартори Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // *Политические исследования*. – 1993. – № 2. – С. 80-89.
14. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов / А.И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 559 с.
15. Тилли Ч. Демократия / Ч. Тилли. Пер. Т.Б. Менская. Предисл. Г.М. Дерлугьян. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. – 263 с.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. Пер. с англ. А.С. Дмитриева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
17. Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX-XXI веков / Г.А. Явлинский. – М.: ЭПИцентр, Интеграл-Информ, 2003. – 159 с.
18. Ясин Е. Приживется ли демократия в России / Е. Ясин. – М.: Новое издательство, 2005. – 384 с.
19. Mishler W., Rose R. Trajectories of Fear and Hope. Support for Democracy in Post-Communist Europe / W. Mishler, R. Rose // *Comparative Political Studies*. – 1996. – Vol. 28. – № 4. – Jan. – P. 553-581.
20. Rawls Jones. The Priority of Right and Ideas of Good / Jones Rawls // *Philosophy and Public Affairs*. – 1988. – Vol. 17. – № 4. – P. 251-276.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шемелин А.В., канд. юрид. наук, доцент, руководитель аппарата Забайкальского регионального отделения Ассоциации юристов России
Тел.: (3022) 41-64-54

A. Shemelin, Candidate of Legal Science, Associated Professor, Chief of staff in Transbaikalian regional Branch of Russian Legal Association

Научные интересы: правовая культура, политическое реформирование

Areas of expertise: legal culture, political reforming



Филология



УДК 398.1:94(=512.212)

Варламов Александр Николаевич
Alexander Varlamov

**«ЛЕТОПИСНАЯ» ИСТОРИЯ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ЭВЕНКОВ**

**"ANNALISTIC" HISTORY IN HISTORICAL
LEGENDS OF THE EVENKS**

Предметом анализа являются исторические предания эвенков. Автор рассматривает присутствие признаков историзма в фольклоре эвенков. В исследовании автор опирается на опубликованные материалы по эвенкийскому фольклору. В результате исследования выдвигается вывод о том, что эвенкийские исторические предания обладают отчетливыми признаками историзма «летописного» характера и содержат информацию сопоставимую с документальными источниками

The article deals with the historical legends of the Evenks. The author considers presence of signs of a historicism at Evenki folklore. In research the author uses the published texts on Evenki folklore. As a result of research the author states the conclusion that Evenki historical legends possess distinct signs of a historicism of "annalistic" character and contain the information comparable to documentary sources

Ключевые слова: эвенки, тунгусы, фольклор, история, историзм фольклора, исторические предания

Key words: Evenk, Tungus, folklore, history, a folklore historicism, historical legends

Проблемы соотношения истории и фольклора сопровождали фольклористику на протяжении всего ее развития» [11; С. 177]. Вопросы фольклорного историзма были в центре научных интересов выдающихся российских фольклористов В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.М. Жирмунского, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова, В.М. Гацака и др. Большинство из них, исходя из широкого восприятия фольклорного историзма, понимали под ним «всю совокупность реальной жизни народа в процессе ее развития во все эпохи его существования» [8; С. 7]. Проблема фольклорного историзма впервые была озвучена в конце XIX в. А.Н. Веселовским, который

поставил вопрос об «истории летописной и истории эпической», разграничив тем самым меру историзма фольклора [5].

В научной сфере имеется достаточно четкое определение фольклорного историзма в широком и узком значениях. В первом значении историзм фольклора являет собой историческую обусловленность «всех явлений, принадлежащих к области фольклора, их содержательное соотношение с историческими эпохами общенародного бытия, наличие во всех фольклорных текстах (с большей или меньшей отчетливостью) примет породившего их периода истории народа» [10; С. 104]. Историзм фольклора в этом значении приложим, в

большей степени, к эпическому жанру [10; С. 104]. Второе значение термина подразумевает конкретный историзм, т.е. народную историческую память, отобразившуюся в фольклоре с той или иной степенью конкретности – соответственно жанровой и видовой специфике [10; С. 104]. Конкретный историзм наиболее характерен для исторических преданий и исторических песен и подразумевает возможность присутствия достаточно точных исторических сведений в фольклорном тексте. С.Н. Азбелев, рассматривая специфику историзма фольклора на материале русских былин, сравнивал историческую функциональность фольклора с документальными источниками [1].

Не касаясь типологии фольклорного историзма в широком значении, рассмотрим вопрос «истории летописной» на примере исторических преданий эвенков. Г.М. Василевич в этнографических исследованиях использовала эвенкийский фольклор как один из научных источников. В 1966 г. она издала сборник эвенкийского фольклора «Исторический фольклор эвенков», в который вошли героические сказания и исторические предания эвенков. Название сборника отражает ее концепцию общего взгляда на фольклор эвенков с исторических позиций: «Тексты сказаний и преданий, созданные самим народом, творцом и носителем истории, в художественной форме отражают разные этапы ее и «служат источником при разработке важнейших историко-этнографических проблем» [6; С. 6]. Историзм эвенкийского фольклора рассматривался М.Г. Воскобойниковым в статьях, посвященных преданиям эвенков. М.Г. Воскобойников отмечает, что «предания, будучи художественными произведениями коллективного народного творчества, в то же время служат почти единственными документами для истории социальных отношений в эпоху эвенкийского родового общества» [4; С. 107].

Для эвенкийских преданий имеется собственный термин, характеризующий предания как жанр – улгуры. С эвенкийского языка слово *улгур* переводится как *рассказ*. Предания пе-

редаются простой речью, как и обычные бытовые рассказы. В них нет песенных зачинов и поэтических форм, все подается предельно просто и достаточно точно. Эвенкийские исторические предания повествуют о событиях сравнительно недавнего времени. В основном улгуры отразили жизнь эвенкийских родов в XVI-XIX вв.

Предания содержат значительную долю фактической информации и представляют бесспорный интерес как источник конкретных исторических сведений: «В преданиях отражены традиции и разные стороны жизни родового общества. Такие факты, как объединение двух родов, совмещение в одном лице вождя и охотника – кормильца всей группы, выдача женщин одним родом в оплату за убитого члена другого рода в знак примирения после столкновения, взаимный обмен невестами между двумя родами и многое другое, перекликаются с данными документов XVII в.» [6; С. 17]. С исторической точки зрения эвенкийские предания точны, а также предельно просты для восприятия. Исторические предания эвенков по своей сути не являются художественным жанром наподобие русских легенд или английских саг, а стоят гораздо ближе к бытовому рассказу. По своей структуре и стилевым особенностям эти рассказы ничем особенно не отличаются от более ранних преданий. В обоих случаях все передается обычным разговорным языком, как правило, нет никакой доли сказочности или образности, нет четкой структуры (зачинов, апофеоза событий или финалов).

Эвенкийские исторические предания рассказывают о жизни эвенкийских родов, многие названия которых точно соответствуют сведениям различных документальных источников. Некоторые предания на протяжении веков максимально точно передают исторические сведения в соответствии с реальными событиями, происшедшими ранее. Например, в предании «Кордо», записанном Г.М. Василевич в 1935 г. в Эвенкийском национальном округе от эвенка из рода Момо, чрезвычайно

подробно повествуется о возникновении трех родов, перечисляются основные имена, географические названия и пр. информация: «Давным-давно, во время войн и взаимных убийств, жил Кордо. Жили вместе три человека: один Хоркигир, другой Саремикта, третий Кордо. Был [у них] орел. Перьями орла они оперяли стрелы. У Хоркигиров был сонинг Гильбовуль. Люди Гильбовуля были плохими. Они жили на Ирикте и Катонге. Убив орла, [они] не выделили [часть] оперения [для] Кордо. Из-за орла и произошла ссора. Тогда, [отделившись], сюда (т.е. на Чуню) пришел Кордо. Дети его стали жить здесь» [6; С. 301]. Упоминаемые в предании лица – Хоркигир, Саремикта и Кордо, действительно дали начало известным эвенкийским родам: Хоркигиров (Хэркигир), Саремикталей (Шаремикталь) и Кордуялей. Кордуяли и Хоркигиры проживали в среднем течении и верховьях Подкаменной Тунгуски. Последние являлись ответвлением рода Чемдаль. Саремиктали в середине XX в. встречались на рр. Чуне и Стрелке [2; С. 274, 278, 283].

Время эвенкийских преданий можно датировать довольно точно. По мнению Г.М. Василевич, подавляющее число текстов преданий может быть датировано XVI-XVIII вв. [3; С. 151]. Некоторые сюжеты и детали преданий довольно точно сопоставляются с имеющимися историческими сведениями. Так, в предании о Пачаки повествуется о конфликте его рода (Момо) с родом Кунгногиров. Сопоставляя некоторые факты, можно прийти к выводу, что в предании описывается реально происшедшее событие: «Исторические источники зарегистрировали неоднократные столкновения между тунгусами Подкаменной и Нижней Тунгусок, например, столкновение Кунгногиров с тэтэрскими (подкаменнотунгусскими) эвенками в 1653 г., нижнетунгусских Мучигиров с ангаролимско-ленскими Нялягирами в 1627 г. и др.» [6; С. 360-361]. Известный эвенкийский вождь-воин Пачаки и его род (Момоли) действительно жили на Подкаменной Тунгуске, и одним из их главных противников был род Кунгногиров.

Основной темой эвенкийских преданий являются межродовые и межплеменные столкновения. Причинами таких столкновений были вражда с чужеродцами, территориальное противостояние, нужда, кровная месть, неудачное сватовство. Последнее было весьма распространенной причиной военных конфликтов того времени. Сюжет, когда отказ сватам становился причиной военного столкновения, встречается во многих преданиях: «Жил тогда боец-гатакта Лонгко. В то время жили ганальчи. Они тогда часто обижались друг на друга. Убьют свата – начинается война» [6; С. 292]. Героями преданий являются пешие охотники. Оленеводство в то время только получало распространение в эвенкийской среде и в редких случаях было сопутствующим видом хозяйствования некоторых родов: «Когда жил Пачаки и после него оленей здесь еще не было. Во время межродовых столкновений оленей еще не знали... Вначале оленными, вероятно, стали жившие на Оскобе. Прежде на Катонге жили ганальчи. Иногда они воевали между собой из-за оленей. Безоленные люди убивали [чужих] оленей [для еды]» [6; С. 290].

Чаще всего основными героями преданий являются эвенкийские сонинги – воины. В среде эвенков того времени было несколько очень известных личностей – сонингов, прославленных во многих битвах и поединках. Наиболее распространены предания о Ховоко, Пачаки, Уроне, Унгковуле, Нурговуле, Лонгко. Локализация текстов исторических преданий об упомянутых личностях ограничивается западной Якутией и приграничными территориями Красноярского края.

Действительное существование некоторых героев преданий подтверждается вполне конкретными историческими сведениями, что было отмечено Г.М. Василевич: «Имена действующих лиц этих преданий принадлежали реальным людям. Так, Нурговуля из предания можно сопоставить с Нурговулем – из списка эссеиских эвенков 1683 г.» [6; С. 17]. Распространенный герой преданий эвенков междуречья Оленёка и Вилюя – Урон (Оран, Уриан),

упоминается и в документальных источниках: «Урон – это имя можно сопоставить с именем оленекского тунгуса XVII в. – Урия Эдяна, в детстве захваченного эвенками из рода Ванадыр» [Там же; С. 367]. Отметим тот факт, что в документальных источниках не всегда можно обнаружить имя того или иного героя эвенкийских преданий. Этому есть простое объяснение – в большинстве документов, составленных русскими «служилыми людьми», зафиксированы лишь названия родов (тунгусы Киндигирского, Момольского рода и т.д.). В эвенкийских преданиях всегда описывается, к какому роду принадлежит тот или иной сонинг: «Прежде были ганальчи. У нас, [в низовьях Чуни], жили Куркогиры и Момоли, других не было. Уже позже пришли Кочонили, Хорболи [и] Лопоколи. [Они] стали ганальчами. У Куркогиров сонингом был только один Пачаки» [6; С. 295-296].

Дополнительным доказательством реального существования отдельных персонажей эвенкийских преданий также является то, что имена некоторых сонингов остались в виде топонимических названий, преимущественно на территории западной Якутии и Красноярского Края. Так, одним из притоков р. Оленёк является р. Юнкеебиль. Юнкеебиль – якутская огласовка имени знаменитого оленекского эвенка-сонинга Унгковуля. Именем другого известного сонинга – Ховоко, назван хребет на территории Эвенкии: «Ховоко был воином-охотником и военным вождем рода Момочар. В местах, где он кочевал, осталось название хребта Ховоко, расположенного в районе Илимпей, в 7 км ниже р. Кочочума» [6; С. 356].

Во многих эвенкийских преданиях описываются отношения эвенков с пришедшими в тайгу русскими первопроходцами. Некоторые предания хранят даже мелкие подробности, указывающие на подлинность и точность содержания предания: «С тех пор, как жил Пачаки, прошло две сотни лет. В то время началась русская казна. Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умирали) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень

трудно, они голодали... В то время появились купцы и начали торговать. Они стали продавать (букв.: давать) эвенкам много пороха. Эвенки стали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки» [6; С. 296]. «Русской казной» эвенки называли русскую власть и казенные запасные магазины [6; С. 362]. Упомянутые подробности: приход купцов, снабжение ими эвенков порохом, рожью, отсутствие в то время муки-крупчатки – все это соответствует действительности того времени.

В предании «Пачаки Момо» упоминается факт обращения в «русский суд» после столкновения ангарских Момолей с нижнетунгусскими Чемдалями: «Ганальчи начали войну с Чемдалями. В этом месте (т.е. в верховьях Подкаменной Тунгуски) эвенков было много. Куркогиры и Момоли очень рассердились на Чемдалей... Одного куркогирского князя – младшего брата Пачаки – Чемдали убили. Пачаки рассердился и перестрелял много Чемдалей. Чемдали пришли к русским на Ангару. Подали в русский суд... Русские наказали Момолей железными прутьями. На Ангаре был русский начальник. Он написал царю: «Если будем наказывать эвенков, они все вымрут». Царь написал: «Бейте потихоньку прутиком». Начали бить прутиком, чтобы поссорившись, они не стреляли друг в друга» [6; С. 296]. Сюжет с обращением рода Чемда к воеводе с жалобой на род Момо встречается в нескольких преданиях. По мнению Г.М. Василевич, эвенкийское представление о наказании железными прутьями, вероятно, основано на одном случае, происшедшем в 1685 г., когда ангарских тунгусов Рыбинской и Чадобской волостей (в которые, вероятно, входили Момоли с Пачаки) наказали за неуплату ясака за 1684-1685 гг. (причиной чего явилось исчезновение зверя из-за хищнической охоты пришельцев). В подтверждение Г.М. Василевич приводит сведения документальных источников [6; С. 361].

Во многих преданиях нашло отражение возникновение ясачной обязанности в среде

эвенков: «Сергунго был сонингом у ганальчей. Сергунго жил уже после того, как эвенки узнали русских. Состарился он, очень старым стал... Родственники его повезли ясак. Ушли только мужчины – ушло восемь человек Кордудялей» [6; С. 301-302]. По сведениям документальных исторических источников эвенки стали выплачивать ясак с начала XVII в., который в XVIII в. был заменен ежегодным денежным взносом с каждого охотника [6; С. 363]. До конца XVIII в. отношения эвенков с русскими строились главным образом на основе обязательств ясачной подати [12; С. 12].

В эвенкийских родовых преданиях также отражены контакты эвенков с якутами. Эти предания достаточно точно передают исторические сведения, т.к. практически не имеют никаких мифических и мировоззренческих наслоений и представляют типичный бытовой рассказ, сохранившийся в течение длительного времени. Г.М. Василевич в своем труде «Исторический фольклор эвенков» отделила эти предания от преданий периода родовой вражды, назвав рассказами. Некоторые предания-рассказы повествуют о том, где и какие рода жили прежде и какие из этих родов контактировали с якутами на уровне взаимного родства: «Мой отец Ойогир родился далеко отсюда, на одном притоке Вилюя. Он был эвенки. Мой отец кочевал вместе с Хологонами. Хологоны были оленными. Они были якутами, но жили как мы... Мирошко вышли из [рода] Чапогиров. Потэ – якуты, вышли из [рода] Бети» [6; С. 381-382]. В описаниях некоторых рассказов-улгуров повествуется об эвенкийских родах, живших на сопредельной с якутами территории, где и осуществлялись взаимобрачные отношения: «Места Лонгорков прежде были в направлении к Якутску. Потом

их «князь» (т.е. старшина) ушел на Алдан. Отсюда позже Лонгорки ушли на притоки Зеи. Теперь Лонгорков стало мало. Родоначальником Эмихин, говорят, был Булдэ. Дочь Булдэ вышла замуж за [русского] крестьянина, [говорящего по-якутски]. После того они стали родом Эмихин» [6; С. 382].

В таких рассказах повествование нередко доходит до современности, когда описываются моменты из жизни детей, внуков персонажей и их настоящее: «Увачан не имел оленей. Ходил, [кочевал], таская [все] на себе. Поэтому его прозвали Увачан. Жена его младшего сына была якуткой. Они пришли сюда с Чоны. Бордонгили прежде жили в Наканне. Все они вымерли. Бордонг сам был якутом, шаманом; жил сто лет тому назад. Его дочь скончалась в последнюю войну. Остались две девочки. Теперь работают в Наканне» [6; С. 382].

Как видим, исторические сведения, содержащиеся в родовых преданиях эвенков, весьма обширны. Они касаются причин родовых военных столкновений, сведений об эвенкийских этнических законах брака, повествуют о времени освоения оленеводства отдельными группами эвенков. Из материала преданий можно четко представить себе военную родовую организацию эвенков. Географические (топонимические) названия отдельных объектов природы указывают на историческое освоение территории Сибири эвенками. Эвенкийские предания сохранили информацию об исторических контактах эвенков с русскими и якутами. Таким образом, предания в эвенкийском фольклоре обладают отчетливыми признаками историзма «летописного» характера, что свидетельствует о высокой степени историзма фольклора бесписьменных народов.

Литература

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора / С.Н. Азбелев. – Л.: Наука, 1982. – 327 с.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.) /

Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
3. Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков / Г.М. Василевич // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск: ЯФ СО РАН СССР, 1972. – С. 143-160.

4. Воскобойников М.Г. Бытовые предания эвенков / М.Г. Воскобойников // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. – Л.: Гос. пед. инст-т им. А.И. Герцена, 1969. – С. 63-108.

5. Гацак В.М. Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса / В.М. Гацак // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С. 287-319.

6. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.

7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III (перезд.) / Г.Ф. Миллер. – М.: Изд-во Вост. Лит., 2005.

– 598 с.: ил., карты.

8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 368 с.

9. Словарь научной и народной терминологии. Восточно-славянский фольклор. – Минск: Наука и техника, 1993. – 480 с.

10. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 306 с.

11. Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья / А.С. Шубин. – Улан-Удэ: Бэлуг, 2001. – 118 с.

Коротко об авторе

Варламов А.Н., канд. филол. наук, научный сотрудник сектора эвенкийской филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ataki2006@yandex.ru

Научные интересы: эвенки, фольклор эвенков, история эвенков, историзм фольклора

Briefly about the author

A. Varlamov, Ph.D. (Philology), Candidate of Philological Science, Research Scientist of Evenki Philology Department, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North

Areas of expertise: Evenks, The Evenki folklore, history of the Evenks, historicism of folklore





УДК 820

Жаткин Дмитрий Николаевич
Dmitriy Zhatkin

Чернин Владимир Константинович
Vladimir Chernin

**«КОРОЛЕВСКИЕ ИДИЛЛИИ» АЛЬФРЕДА
ТЕННИСОНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ О.Н. ЧЮМИНОЙ**

**ALFRED TENNYSON'S «IDYLLS OF THE KING» IN
THE INTERPRETATION OF O. CHUMINA**

Рассмотрены особенности интерпретации О.Н. Чюминой «Королевских идиллий» (*«Idylls of the Kings»*, опубл. в 1856-1885 гг.) Альфреда Теннисона, продолживших традиции народного эпоса, средневековых рыцарских романов и ставших вершиной творчества выдающегося английского поэта «викторианской эпохи». О.Н. Чюмина, существенно изменив структуру идиллического цикла, разделив все произведения на два пропорциональных блока с условными названиями «О короле Артуре» и «Рыцари Круглого Стола», нарушила целостность замысла Теннисона, однако при этом смогла проследить сюжетное развитие теннисоновских идиллий, сохранить их идейно-тематическую направленность, лексико-грамматические и стилистические особенности, создать запоминающиеся поэтические образы, отчасти вобравшие в себя и особенности мировосприятия самой переводчицы

The article presents the peculiarities of O.N. Chumina's interpretation of Alfred Tennyson's *«Idylls of the Kings»* (published in 1856-1885), which continued traditions of folk epos, knight romances of the Middle Ages and became the top of the creative work of the outstanding English poet of the «Victorian epoch». O.N. Chumina, having changed greatly the structure of the idyllic cycle, having divided all the works into two proportional blocks with symbolic names «About King Arthur» and «Knights of the Round Table», broke the integrity of Tennyson's idea, however she was able to preserve the plot development of Tennyson's idylls, their idea-theme direction, lexical, grammatical and stylistic peculiarities, create unforgettable poetic images, which partly included peculiarities of the translator's conception of the world

Ключевые слова: английский романтизм, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, реминисценция

Key words: English Romanticism, international literary connections, literary translation, literary tradition, reminiscence

Статья подготовлена по проекту НК-73П «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение» в рамках мероприятия 1.2.1. Программы», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследу-

ований научными группами под руководством докторов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

В XIX в. большой популярностью в Англии пользовался национальный эпос о короле Артуре, неутомимом борце за свободу и веру своего народа, защитнике обиженных и униженных, полумифическом народном герое. Артур, сумевший объединить вокруг себя остатки кельтов и на какое-то время сдержать пришельцев-англосаксов, предстал в преданиях доблестным королем, стремившимся, вместе со своей супругой Гвиневрой (или Джиневрой), поддерживать добрые начала в окружающем мире.

В песнях о короле Артуре, создававшихся народом в VI – VII вв., в хрониках IX в. решительного, воинственного Артура окружали устремленные к идеалам добра и справедливости доблестные, непобедимые рыцари, объединенные в особый орден Круглого Стола, названный так по форме стола, за которым рыцари (равные среди равных) собирались на пиршества, не помышляя о том, кто из них выше по статусу и влиянию, а кто – ниже. Народ сохранил предания о бескорыстных подвигах рыцарей Круглого Стола, разъезжавших по стране, сражавшихся с разбойниками, защищавших слабых от произвола сильных и, наконец, выражавших особое рыцарское поклонение перед избранной дамой сердца.

В средневековых рыцарских романах образы Артура и его рыцарей приобретали черты фантастичности, теряли прежнюю простоту, обрастали новыми неожиданными подробностями, чертами необычайной чистоты и святости. Герои боролись с чудесными великанами, побеждали злых чародеев и чудовищ, хранили для потомков драгоценнейшую реликвию – Святой Грааль.

Исследуя произведения западноевропейских литератур, основанные на древних преданиях о короле Артуре и его рыцарях, А.Д. Михайлов отмечал преобладание неизменного стремления к «поэзии идеала», блестящим описаниям, нежности чувства, истинности страсти, в особенности характерным для трех избранных рыцарей – Гавейна, Персифаля и Галахада, а также структурировал артуровскую

традицию, выделив основные этапы ее развития в мировой литературе – древнейший, восходивший к дохристианским временам; куртуазный, связанный с именами Гальфрида Монмутского («История королей Британии»), Кретьена де Труа («Рыцарь в тележке», «Сказание о Граале, или Персеваль» и др.) и завершившийся появлением в 1485 г. книги Томаса Мэлори «Смерть Артура», явившей собой своеобразную энциклопедию артуровского мифа; викторианский, характеризовавшийся созданием таких произведений, как «Королевские идиллии» Альфреда Теннисона, сборник «Защита Гвиневры и другие стихи» Уильяма Морриса, баллады Алджернона Чарльза Суинберна [1; С. 793-829; 2; С. 128-161]. Е.М. Мелетинский подробно изучил мифологическую основу артуровского цикла, провел параллели с ирландским героическим эпосом, проанализировал факты воплощения древних языческих культов воды, священных деревьев и животных, соотнес кельтскую образность артуровского цикла со средневековыми произведениями Кретьена де Труа, Томаса Мэлори и др. [3; С. 214-229; 4; С. 173-179]; А.А. Смирнов исследовал трансформацию в западноевропейских литературах легенды об одном из артуровых рыцарей Тристане, который сперва увлекал королеву корнваллийскую Изольду, потом женился на королеве Изольде бретонской, а затем возвращался к своей первой Изольде [5; С. 49-64].

«Королевские идиллии» («*Idylls of the Kings*», опублик. в 1856-1885 гг.) Альфреда Теннисона, продолжившие традиции как народного эпоса, так и средневековых рыцарских романов, в последние годы подробно рассматривались в российском литературоведении, стали объектом исследования двух кандидатских диссертаций, защищенных в 2003 г. [6; С. 7].

В работах исследователей прослежена хронология создания теннисоновских идиллий («*The Marriage of Geraint*» («Женитьба Герейнта»), «*Geraint and Enid*» («Герейнт и Энид»), «*Merlin and Vivien*» («Мерлин и Вивьен»), «*Lancelot and Elaine*» («Ланселот и Элейна») и

«Guinevere» («Гвиневра») вышли в 1859 г.; «Dedication» («Посвящение») – в 1862 г.; «The Coming of Arthur» («Приход Артура»), «The Holy Grail» («Святой Грааль»), «Pelleas and Ettarre» («Пелеас и Этарра»), «The Passing of Arthur» («Уход Артура») – в 1869 г., «The Last Tournament» («Последний турнир») и «Gareth and Lynette» («Гарет и Линетта») – в 1872 г.; «Balin and Balan» («Балин и Балан») – в 1885 г.), их связь с произведениями предшественников, причем установлено, что наибольшее влияние на Теннисона оказала прежде хорошо изученная в России «Смерть Артура» Томаса Мэлори [8; 9; С. 5-28], к которой восходят идиллии «Мерлин и Вивьен», «Ланселот и Элейна», «Гвиневра», «Святой Грааль», «Уход Артура», «Гарет и Линетта», «Балин и Балан». Также установлено, что идиллия «Последний турнир», в которой главным действующим лицом выступал Тристан, возлюбленный Изольды корнваллийской, только что возвратившейся в Англию, хотя и повторяла мотивы произведений о Тристане, созданных на разных европейских языках, все же являла собой оригинальное теннисоновское произведение.

Теннисоновские идиллии характеризовались поэтичностью образов, мастерством архаического стиля, гармонией повествования, в котором драматизм, негодование, отчаяние, буйство страстей заслонены величавой торжественностью картин древней истории. «Перед читателем живые люди из плоти и крови, а так как те времена, когда они жили, в смысле развития общественной жизни и взаимоотношений между людьми были младенческими, то и изображение их должно быть просто, как просты были сами люди. В этом отношении передача настроения удалась Теннисону как нельзя лучше» [10; С. VIII]. В совокупности Теннисон создал эпическое полотно, представившее историю расцвета и падения короля Артура и артуровых рыцарей, символически отразившую расцвет и падение человеческой души.

Первые мысли об интерпретации «Королевских идиллий» для русского читателя начали появляться у О.Н. Чюминой еще при жизни

Теннисона, свидетельством чему стал, в частности, опубликованный ею в 1891 г. перевод раннего теннисоновского стихотворения «Morte d'Arthur» («Смерть Артура», 1833-1834, опублик. в 1842 г.), впоследствии существенно переработанного автором и ставшего финальной главой «Королевских идиллий». На протяжении длительного времени обстоятельства не позволяли переводчице вплотную обратиться к осуществлению замысла, однако это никоим образом не препятствовало вызреванию творческой идеи, которая была осуществлена в предельно короткие сроки – в 1901-1904 гг.

При публикации своего перевода Чюмина существенно изменила структуру идиллического цикла, разделив все произведения на два пропорциональных блока с условными названиями «О короле Артуре» и «Рыцари Круглого Стола». Таким образом, реально нарушая целостность замысла Теннисона, переводчица была искренне убеждена, что избавляет английский оригинал от некоей бессвязности, устраняет впечатление самодостаточности отдельных фрагментов.

Все тексты, так или иначе затрагивавшие судьбу Артура от его коронации («The Coming of Arthur» («Приход Артура»), у Чюминой – «Вступление Артура») до самой кончины («The Passing of Arthur» («Уход Артура»), у Чюминой – «Удаление короля Артура»), представлявшие личную жизнь и двор короля древности, составили первый блок произведений, вобравший в себя идиллии «Merlin and Vivien» («Мерлин и Вивьен», у Чюминой – «Вивиана»), «Lancelot and Elaine» («Ланселот и Элейна», у Чюминой – «Элена»), «The Last Tournament» («Последний турнир»), «Guinevere» («Гвиневра»), у Чюминой – «Джиневра»).

Во второй блок текстов вошли произведения, не имевшие непосредственного отношения к самому Артуру, но описывавшие судьбы его верных рыцарей – объединенные Чюминой в идиллию «Энита» теннисоновские идиллии «The Marriage of Geraint» («Женитьба Герейнта») и «Geraint and Enid» («Герейнт и Энид»), «Pelleas and Ettarre» («Пелеас и Этар-

ра»), «Gareth and Lynette» («Гарет и Линетта»), «The Holy Grail» («Святой Грааль»). Подобное разделение не соответствовало структуре английского оригинала, однако имело под собой определенные основания, прежде всего, делало тексты более доступными и понятными русскому читателю.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в предложенную Чюминой структуру изложения материала не вписалось предварявшее единый теннисоновский цикл «Посвящение» («Dedication»); по неизвестным причинам также не был осуществлен перевод на русский язык последней по времени создания идиллии Теннисона «Balin and Balan» («Балин и Балан»).

Целям доступности и понятности служит разработанная русской переводчицей система постраничных примечаний, дающих читателям необходимые пояснения: это либо небольшие исторические экскурсы (например, «Кельтский король V века по Р. Хр. Аврелий, боровшийся за самостоятельность своего королевства с римлянами, был отравлен последними. В собрании древнейших англо-британских саг Готфрида Монмута, относимом к XII в., находим такое известие: “Когда Аврелий, король бриттов, во время нашествия Парценция, сына Вортигера, умер от яда, в Винчестере появилась необычной величины и яркости звезда”» [11; С. 2]), либо отсылки к текстам других идиллий (например, «О задачах и целях учрежденного рыцарского сообщества Круглого Стола в том виде, в каком предполагал их король Артур, основатель этого общества, см. поэму “Джиневра”» [11; С. 2]), либо значимые для восприятия текста небольшие уточнения (например, «Остров Альбион, или в обычном наименовании Британия» [11; С. 1]), либо акцентировки внимания на особенностях английского подлинника, утрачиваемых при переводе (например, к стихам «Что знаешь ты о птицах, о дроздах, / Малиновках, о жаворонках певчих, / О коноплянках? <...>» имеется примечание «В подлиннике игра слов: linnet – коноплянка» [12; С. 80]).

Несмотря на всю значительность выпол-

няемой ими функции, примечания в чюминском переводе немногочисленны и потому не препятствуют восприятию поэтического текста.

Публикуя в 1904 г. второй блок переводных идиллий, книгоиздатель А.А. Каспари отмечал, что между текстами о Гаррете и Линетте, Пелеасе и Этарре, Герейнте и Эниде, Святом Граале нет прямой связи (это законченные произведения, каждое из которых имеет свою завязку, сюжетное развитие и развязку), однако все они находятся в непосредственном взаимодействии с ранее опубликованным блоком текстов о короле Артуре и «сущность их истекает всецело из событий, свершившихся при дворе короля Артура» [13; С. III]. Как видим, и Чюмина, и ее издатель стремились к восприятию «Королевских идиллий» не как цикла произведений, а как единого текста, имевшего начало, продолжение и финал, а также ответвления в виде поучительных историй, содержательно примыкавших к основному сюжетному развитию.

Во вводных статьях, предварявших публикацию русского перевода «Королевских идиллий» в 1903 и 1904 гг., деятельность Чюминой по интерпретации главного теннисоновского труда получала неизменно высокую оценку.

В статье «Альфред Теннисон, творец “Королевских идиллий”» (1903) чюминский перевод характеризовался как результат интеллектуальной деятельности «высокоталантливой поэтессы», отличавшийся «непосредственной близостью к подлиннику», всецело передававший «оригинальную простоту картин и вызываемое ею в читателе настроение» [10; С. VIII]. Вводная статья второго выпуска «Королевских идиллий» содержала сравнение теннисоновских произведений в переводе Чюминой с былинами, отмечала «замечательную передачу подлинника, полной мелодичности, настроения и красоты изложения» [13; С. IV].

Чюминой удалось не только проследить сюжетное развитие теннисоновских идиллий, сохранить их идейно-тематическую направленность, лексико-грамматические и стилисти-

ческие особенности, но и создать запоминающиеся поэтические образы, вобравшие в себя как изначальный замысел автора английского первоисточника, так и особенности мировосприятия самой переводчицы.

Например, в идиллии «Энита», написанной на основе теннисоновских идиллий «The Marriage of Geraint» («Женитьба Герейнта») и «Geraint and Enid» («Герейнт и Энид»), Чюмина с каким-то особым пиететом воссоздала образ женщины, наделенной душой, чистой как кристалл, и до самозабвения преданной своему супругу Джеронту (в оригинале – Герейнту), – именно благодаря Эните, ее мужеству и мудрости, спокойствию и кроткой любви становилось возможным преодоление многих трудностей, выпавших на долю героев идиллии, и конечное обретение ими вселенского, безграничного счастья: «С Энитой же домой Джеронт вернулся; / <...> / А так как был он первым на охоте / И побеждал в бою и на турнире – / Он прозван был людьми «великим принцем» / И «мужем из мужей». Его Эниту, / Которую все жены называли / «Прекрасною Энитою», прозвал / Признательный народ «Энитой доброй». / И будущих Джеронтов и Энит / В палатах их звучали голоса» [12; С. 108]. Как видим, для переводчицы оказывалось значимым не только подробное воссоздание эпизода из далекой древности, но и соотнесение его с историческим движением времени, закономерной сменой эпох и поколений, передававших друг другу прекрасную историю большой и светлой любви.

Образ Святого Грааля, один из центральных в цикле теннисоновских «Королевских идиллий», возникал в творчестве английского поэта в стихотворении «Sir Galahad» («Сэр Галахад»), опубликованном в 1842 г. и впервые переведенном на русский язык Д.Е. Мином во второй половине 1870-х гг. К моменту появления «Королевских идиллий» существовали разные понимания Святого Грааля: по одним преданиям, это была чаша Тайной вечери, в которую по распятии Иисуса Христа Иосиф Аримафейский собрал кровь мессии, по

другим – необыкновенный камень, около которого Иисус Христос молился в Гефсиманском саду. Теннисон придерживался первой из приведенных трактовок, воспринимая Святой Грааль как чашу благодати, которую могут увидеть только избранные из избранных, те, кто не запятнал грехом и пороком изначальную чистоту своей души, кто готов ради лицезрения чаши преодолеть тяжелые испытания, притом не только физические преграды, но и всевозможные соблазны, наваждения, обманы чувств. Об этом же пишет и Чюмина в своем переводе идиллии о Святом Граале: «<...> самая та чаша, из которой / На вечере последней пил Христос. / Когда день мрака миновал, в который / Воскресшие блуждали мертвецы, / Ее из той земли благословенной / Иосиф взял, аримафейский муж, / И, странствуя, он чашу перенес / В Гластонбюри, где в память Иисуса / На Рождестве цветет терновник зимний. / Там пребывала чаша; кто увидеть, / Кто мог ее коснуться – силой веры / Мгновенно исцелялся. Но с годами / Зло разрослось; тогда святая чаша / Была взята на небеса и скрылась» [12; С. 109].

Рыцари Круглого Стола, давая обеты воздержания, по существу своему становились аскетами, монахами, отрекались от благ и радостей жизни, максимально ограничивали собственные потребности; все это вкупе с целеустремленностью, способностью воспринять и понять всевозможные чудесные явления, непостижимые таинства, наполнявшие собой окружающий мир, и позволило лучшим из лучших рыцарей увидеть Святой Грааль и встать в ряды его хранителей. В теннисоновской идиллии «Святой Грааль», представлявшей собой якобы записанный монахом Амвросием рассказ одного из славнейших рыцарей Круглого Стола Персифаля, проведшего последние годы жизни в монастыре, об обретении им счастья лицезреть святыню, содержались и переданные со слов Персифаля рассказы рыцарей Борса и Ланселота, будто бы тоже видевших Святой Грааль. Святыня предстала в рассказе каждого рыцаря в несколько изме-

ненном виде, что свидетельствовало о ее надматериальности, духовно-нравственной сущности, точно подмеченной не только английским поэтом, но и русской переводчицей: «В сияющей серебряной броне / Он, как звезда, светился, а над ним / Блистал сосуд священный, облеченный / Иль облаком, иль белым аксамитом. / <...> / Над ним парил сосуд священный; розы / Алей он был и радовал меня; / <...> / Я меньшую из малых звезд увидел / Внизу в пустыне. Прямо над звездой / Небесный град из моря поднимался; / С его вратами, шпильями, в сиянье – / Жемчужиной казался он, не больше, / Хотя на нем обитель всех святых. / И со звезды пурпуровая искра / Вдруг вознеслась туда и там осталась, / И понял я: то был Святой Грааль, / Которого мы в мире не видим» [12; С. 114]. Поиски Святого Грааля оказываются, по наблюдению М. Назаренко, не только «путем избранных к божественной благодати», но и «прелюдией к разрушению Круглого Стола», поскольку король Артур, отпустивший рыцарей и оставшийся при этом в Камелоте, уже осознает своим долгом не очищать землю, а спасти то, что еще можно спасти [14].

О.Н. Чюмина была единственным русским переводчиком теннисоновских «Королевских идиллий», ни полностью, ни фрагментарно не привлекавших в XIX – начале XX вв. внимания других интерпретаторов. В определенной мере исключением можно считать оригинальную «сказку-драму в четырех действиях» В.П. Буренина «Песнь любви и смерти», представлявшую собой переделку одной из поэм цикла «Королевских идиллий» «Lancelot and Elaine» («Ланселот и Элейна»), впервые напечатанную в 1909 г., т. е. через пять лет после опубликования полного чюминского перевода.

Только на рубеже XX-XXI вв. появился новый полный перевод «Королевских идиллий», выполненный В.В. Луниным [15], известным своими обращениями к творчеству Томаса Кэрю, Томаса Мура, Перси Биши Шелли,

Уолтера де ла Мара, Кристины Джорджины Россетти, Томаса Гарди и др. Над переводом теннисоновских идиллий В.В. Лунин работал на протяжении двенадцати лет, тщательно интерпретируя каждую художественную деталь, каждый нюанс повествования. Многие описания, в том числе и описание истории Святого Грааля, переданы им, несомненно, точнее, нежели его предшественницей О.Н. Чюминой, причем учтены как особенности формы идиллического текста, так и его лексико-грамматические и стилистические характеристики: «Ту чашу из земли благословенной / После того дня тьмы, когда восстали / Усопшие и вышли из гробниц, / Святой Иосиф из Аримафеи / Доставил после странствий в Гластонбери, / Где северный терновник расцветает / На Рождество, как память о Христе. / Там чаша находилась много лет. / Кто мог ее коснуться иль увидеть, / Тот силой веры тотчас исцелялся / От всех болезней. Но потом так сильно / Зло разрослось, что чаша та святая / Была взята с земли на Небеса» [15; С. 388]. Однако, к сожалению, перевод В.В. Лунина крайне неудачно проиллюстрирован художником Денисом Гордеевым, натуралистические рисунки которого снижают романтический пафос повествования, лишают поэтический язык образности и придают неожиданную и крайне неприятную вещественность многим бесплотным, мифическим элементам (например, на одном из рисунков Святой Грааль висит под потолком, напоминая керосиновую лампу) [16; С. 6].

Сопоставительный анализ переводов «Королевских идиллий», созданных на рубеже XIX – XX вв. (О.Н. Чюмина) и на рубеже XX-XXI вв. (В.В. Лунин), не входит в рамки настоящего исследования, однако впоследствии, наряду с изучением переводов теннисоновских произведений, выполненных в советское и постсоветское время, может дать значительное приращение научного знания о русской рецепции Альфреда Теннисона.

1. Михайлов А.Д. Артуровские легенды и их эволюция / А.Д. Михайлов // Мэлори Т. Смерть Артура. – М.: Наука, 1974. – С. 793-829.
2. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе / А.Д. Михайлов. – М.: Наука, 1976. – 364 с.
3. Мелетинский, Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1963. – 316 с.
4. Мелетинский, Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
5. Смирнов А.А. Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам / А.А. Смирнов // Из истории западноевропейской литературы. – М.–Л.: ГИХЛ, 1965. – С. 49-64.
6. Петрова Н.А. «Королевские идиллии» А. Теннисона в контексте «артуровского возрождения» в английской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Петрова. – Н. Новгород, 2003. – 216 с.
7. Соловьева Е.В. Средневековые реминисценции в «Королевских идиллиях» А. Теннисона: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Соловьева. – М., 2003. – 189 с.
8. Матузова В.И. Роман Т. Мэлори «Смерть Артура» и его место в английском литературном процессе: дис. ... канд. филол. наук / В.И. Матузова. – М., 1971. – 236 с.
9. Михайлов А.Д. «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори / А.Д. Михайлов // Мэлори Т. Смерть Артура: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 5-28.
10. Альфред Теннисон, творец «Королевских идиллий» // Теннисон А. Королевские идиллии / Пер. О.Н. Чюминой. – Ч. I. О короле Артуре. – СПб.: Изд. А.А. Каспари, 1903. – С. III – VIII.
11. Теннисон А. Королевские идиллии / А. Теннисон; пер. О.Н. Чюминой. – Ч. I. О короле Артуре. – СПб.: Изд. А.А. Каспари, 1903. – VIII, 64 с.
12. Теннисон А. Королевские идиллии / А. Теннисон; пер. О.Н. Чюминой. – Ч. II. Рыцари Круглого Стола. – СПб.: Изд. А.А. Каспари, 1904. – IV, 65-128 с.
13. <Каспари, А.А.> От издателя / А.А. Каспари // Теннисон А. Королевские идиллии / Пер. О.Н. Чюминой. – Ч. II. Рыцари Круглого Стола. – СПб.: Изд. А.А. Каспари, 1904. – С. III-IV.
14. Назаренко М. «За пределами ведомых нам полей» / М. Назаренко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rf.com.ua/article/953>.
15. Теннисон А. Королевские идиллии / А. Теннисон; пер. В.В. Лунина. – М.: Грантъ, 2001. – 612 с.
16. Фаюм Е. Последний прерафаэлит. Воплощение мечты о прекрасном и высоком / Е. Фаюм // НГ – Exlibris. – 2001. – 24 мая. – С. 6.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Жаткин Д.Н., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия (ПГТА), академик Международной академии наук педагогического образования, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России
ivb40@yandex.ru

Научные интересы: русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX в., переводоведение и межкультурная коммуникация

Чернин В.К., канд. пед. наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия (ПГТА)
ivb40@yandex.ru

Научные интересы: проблемы перевода, русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX в.

D. Zhatkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological Academy, Academic of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Honoured Research Worker of higher professional education, Member of the Union of Writers of Russia, Member of the Union of Journalists of Russia

Areas of expertise: Russian-West-European literary relations of 18 – early 20 centuries, translation science and cross-cultural communication

V. Chernin, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological Academy
Areas of expertise: problems of translation, Russian-West-European literary relations of 18 – early 20 centuries



УДК 808.2:81'373.612.2:808

Надеина Луиза Васильевна
Luiza Nadeina

**ОРИЕНТАЦИОННЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ
ГОВОРАХ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВВЕРХ)**

**ORIENTATION METAPHORICAL MODELS OF
MOTION IN RUSSIAN DIALECTS (BY THE EXAMPLE
OF VERBS DENOTING MOTION OF UPWARD DIRECTION)**

Предпринята попытка показать, что варианты реализации метафорических моделей в диалектных системах связаны с тем, что сферы жизни получают образное осмысление через семантику направления движения (вверх) – это сферы морали, эмоции, социального, физиологического аспектов жизни

In this article there is an attempt to show that variants of realization of metaphorical models in the dialect systems due to the fact that the figurative understanding of the whole spheres of life are connected with semantics of the direction of motion. These spheres are the spheres of morality, emotions, social and physiological aspects of life

Ключевые слова: метафора, глаголы движения, метафорические модели, диалектные системы, семантика, сема, когнитивная лингвистика, образное осмысление

Key words: metaphor, verbs of movement, metaphorical models, dialectal systems, semantics, seme, cognitive linguistics, figurative understanding

Основной интегральный компонент семантики движения – перемещение предмета из одной точки пространства в другую. Этот признак является доминирующим не только при номинации самих динамических фрагментов мира, но и при образном их переосмыслении, в процессах номинации других фрагментов мира с использованием когнитивного механизма уподобления разных сфер. При этом в системе метафорических переносов ярко выявляется группа образных уподоблений на основе актуализации ориентационного параметра направленности движения. При том, что актуализация этого компонента может и, как правило, объединяется с актуализацией других параметров движения, именно семантика направленности, ориентира определяет

характер ассоциирования двух сфер: исходной, номинативной и переносной, метафорической.

Остановиваясь на движении по направлению вниз/вверх, поясним, что под термином «вертикаль» мы понимаем прямую, направление которой совпадает с направлением отвеса. На вертикальной оси выделяется верхнее и нижнее пространство, при этом точкой отсчета является пространство наблюдателя, который ощущает себя располагающимся посередине. Верхнее пространство – это пространство, которое находится наверху, выше других, расположенное вверху от наблюдателя.

Известно, что с того момента, как в сознании человека начинают формироваться по-

нтия пространства и времени, он пытается интерпретировать их связь и оценить свое место в этом единстве.

Пространственные ориентационные противопоставления «верх – низ» «проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [3; С. 396]. При исследовании номинации в отвлеченной (абстрактной) семантической сфере Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют два типа метафор, один из которых и называется ориентационным. Выделяются противопоставления движения вверх и движения вниз в связи с различной оценкой. Движение вверх оценивается как положительное, вниз – как отрицательное. Человеку свойственно стремление вверх, он намерен достичь положительного результата, успеха, продвигаясь, например, «вверх по служебной лестнице». И, напротив, у него нет желания потерпеть неудачу, падая вниз, «оказаться на дне пропасти». Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят следующие явления, метафорически интерпретируемые через описание архетипа «верх – низ»: верх – счастье, сознание, здоровье, власть, добродетель и т.д., низ – грусть, бессознательное, болезнь, смерть, подчинение и т.д.

Когда говорят об исследовании специфического этноязыкового отражения мира, отмечают, что «значимым здесь является описание системы метафорических наименований, совокупностей результативных значений метафорических переносов. Основания метафорических уподоблений, образуя некую систему призм, через которую интерпретируется именуемый фрагмент действительности, выявляют набор конструкторов, особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления, фрагмент ментально-языкового поля данной культуры» [4; С. 149]. Так, например, пространственные координаты «осмысляются как высокое и низкое: верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния, а низ – как символическое пространство «грехопадения» [6; С. 173].

Кроме того, следует отметить, что в языковом сознании русскоговорящих, в том числе в диалектных формах существования языка, движение по вертикали – сверху вниз и снизу вверх – связано с тремя наиболее обычными для человека и окружающего его мира средами: воздух, вода и твердая поверхность. Это движение может протекать в одной среде, но чаще движение по вертикали связано с образом перехода из одной среды в другую. В смысловой структуре глагола, отражающей способ восприятия динамического фрагмента мира, эти два аспекта оказываются тесно взаимосвязанными. Рассмотрим последовательно характер отражения семантики среды перемещения в глаголах движения и ее влияние на формирование метафорических образов движения по вертикали.

В русской языковой картине мира значение слова воздух объединяет в себе разные семантические категории: будучи веществом, воздух является в то же время пространством; обозначая явление материального мира, воздух развивает значения, относящиеся к миру духовному [2; С. 217].

Рассматривая воздух как физическую среду, в которой возможно перемещение предметов, мы понимаем под воздухом свободное пространство, простирающееся над землей и заполненное субстанцией, представляющей смесь газов. Воздушное пространство (или небо) – это то, что располагается над землей и является противоположностью земле. Мир, таким образом, оказывается разделенным на две части, одна из которых земля, представляющая опору для всего, что не способно летать, и, прежде всего, человека, и воздух, являющийся пространством обитания тех, чье существование без опоры возможно. Воздух – это пространство, связанное с архетипическим смыслом «верх», а земля – со смыслом «низ». Эти архетипические смыслы оказывают основное влияние на характер метафорических переносов при актуализации ориентационных наименований движения.

Как показал анализ материала, в коли-

чественном отношении метафорические образы движения вверх в диалекте представлены в значительно меньшем объеме, нежели образное отражение движения вниз. Образ перемещения по вертикали вверх связывается в сознании носителей языка, прежде всего, с позитивными процессами, происходящими в разных сферах человеческой жизни, ассоциируется с идеей возрождения, достижения успехов, продвижения по карьерной лестнице и т.д.

Наша концептуальная система содержит довольно многочисленный набор метафорических схем, встроенных в обыденное мышление, которые без труда, без усилия, автоматически вызываются из памяти и являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка, поэтому номинации, построенные на реализации таких сфер, часто осознаются членами языкового коллектива как буквальны.

Ориентационные метафоры, по мнению исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона, коренятся в физическом и культурном опыте. Метафора может служить средством осмысления того или иного понятия. Так, например, «состояние счастья в физической сфере, как правило, коррелирует с улыбкой и общим состоянием экспансивности (открытости)» [3; С. 401]. Все то, что характеризует благо для человека (счастье, здоровье, жизнь), ориентировано вверх.

В группу глаголов, называющих движение вверх, вошли диалектные лексемы с широким спектром результативной семантики, объединенные семами «поведение», «состояние» и «чувство». Например: *вздвигаться* исходное значение (далее **ИЗ**) «*подниматься вверх*» (Весной вот так вода вздымается) (Карел.); *вызниматься* **ИЗ** «*подниматься*» (Он вызнялся на гору) (Арх.); *пелиться* **ИЗ** «*взбираться, подниматься*» (Пелился на черемуху, да пал) (Ср. Урал.); *подняться* **ИЗ** «*переместиться куда-либо вверх*» (Сиб.); *скокнуть* **ИЗ** «*прыгнуть вверх*» (Заявился [конь] опять, разлетелся, скокнул – одного венца не достал) (Арх.); *подскокить* **ИЗ** «*сделать скачок вверх,*

подпрыгнуть» (Он, гыт, раз подскокил, достал кепку, живочком надел на голову) (Верш.); *выкунать* **ИЗ** «*вынырнуть, выплыть*» (Родился – в море окунулся, а как-то выкунать будет) (Оренб.). Общее в значении данных глаголов – отнесенность обозначаемого им действия (движения) к человеку. Человек (или его проявление, действие, взгляд, улыбка, речь) является субъектом ситуации. При этом результативное, метафорическое значение глагола не включается в сферу физического движения или действия.

На основе актуализации ориентационного аспекта движения вверх создаются прежде всего метафоры в пределах метафорической модели «*Движение вверх – изменение положения дел в лучшую сторону*». Варианты реализации модели связаны с тем, что сферы жизни получают образное осмысление через семантику направления движения – сферы морали, эмоции, социального, физиологического аспектов жизни и т.д.

Прежде всего, через образ движения вверх в диалектных системах осмысливается изменение в социальном статусе человека. Реализуются метафоры в пределах подмодели «*Движение вверх – продвижение в социальной сфере*».

Передвижение в обычном физическом пространстве, представленное в диалектных глагольных лексемах *вызниматься*: **ИЗ** «*подниматься*» → результативное значение (далее **РЗ**) «*делать карьеру, подниматься по служебной лестнице*» (Арх.) и *подняться*: **ИЗ** «*переместиться куда-либо вверх*» → **РЗ** «*достичь более высокого уровня в жизненном положении*» (Отцы плохо жили и им подняться не дали) (Сиб.), метафорически интерпретируется в результативном значении данных глаголов как перемещение в «идеальном» пространстве «карьерной лестницы». Следование по воображаемому пути (не в физическом пространстве) трудолюбивого, расторопного, инициативного человека носителями народного сознания этически одобряется, поскольку в представлении диалектоносителей такой че-

ловек не пренебрегает социально установленной нормой трудиться, быть полезным обществу, приносить пользу.

При этом реальное улучшение социального положения обычно оценивается положительно, но стремление «возвыситься», «выделиться», метафорически также осмысляемое через движение вверх по вертикали, получает отрицательную оценку. Ср.: *пелиться*: **ИЗ** «*взбираться, подниматься*» → **РЗ** «*стремиться быть на виду*» (Куда тебе, все пелится, ведь всё никто не глядит) (Ср. Урал.). В метафорическом значении данного глагола оценка человека передается через такое действие, как «вести себя каким-то образом по отношению к другим людям». Наблюдается сдвиг в сторону отрицательной оценки. В языке отражаются такие отношения, которые существуют объективно в социальном коллективе. Быть скромным – это качество, являющееся социальной нормой, а «выставлять себя», «превозносить», «ставить себя выше других» – эти качества есть отклонение от социальной нормы и поэтому обществом оцениваются негативно.

Несколько иной вариант изменения социального положения, связанный не с идеей роста, но идеей улучшения, реализуется в метафорической *подмодели* «*Движение вверх – изменения в лучшую сторону социального положения*».

Анализируя диалектные глагольные лексемы типа *выкунать*: **ИЗ** «*вынырнуть, выплыть*» (Родился – в море окунулся, а как-то выкунать будет) → **РЗ** «*справиться с бедой, выйти из беды*» (Оренб.), видим, что движение в жидкой среде вверх, направление которого выражается префиксом *вы-*, метафорически интерпретируется как изменения в лучшую сторону. Способность человека подняться со «дна», справиться с постигшими его неприятностями, достойно выйти из затруднительного положения находит поддержку в социальном коллективе и положительно оценивается.

В случае с глаголом *крепаться*: **ИЗ** «*карабкаться вверх*» → **РЗ** «*избавляться от*

беды» (Твер.) кроме архетипической соотнесенности «верх-низ» в основу переноса кладется имплицитивная сема «с трудом, затрачивая большие усилия». Данный глагол предполагает нестандартный для человека способ перемещения – с участием рук, что является для него ненормальным. Преодоление трудностей, связанных с неестественным способом передвижения вверх, метафоризируется как преодоление отрицательного состояния.

Метафорическое осмысление эмоциональной сферы на основе актуализации семантики движения вверх в диалектных системах представлено менее объемно. Нами отмечены единичные примеры метафор, реализующихся в рамках *подмодели* «*Движение вверх – эмоциональный подъем*».

В своей работе «Образ человека по данным языка: попытка системного анализа» Ю.Д. Апресян, рассматривая эмоциональную сферу человека, говорит о том, что это «одна из сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь» [1; С. 51].

Как физиологические состояния являются реакциями тела на внешние или внутренние раздражители, так и эмоции есть реакции души на внешние и внутренние воздействия. Человек может пресекать или продлевать причину, вызывающую эмоцию: воздействие на себя нежелательного фактора человек стремится прекратить, а действие положительного момента рождает у человека желание, чтобы данное обстоятельство как можно дольше действовало на него, от чего все его существо словно вырастает.

Чувство гордости, которое охватывает человека, приносит ему ощущение счастья. Наполняя его, это чувство заставляет человека расправить плечи, выпрямиться, высоко поднять голову, следовательно, стать выше, как бы подняться в глазах окружающих, на-

пример: *вздвигаться*: **ИЗ** «подниматься вверх» (Весной вот так вода вздымается) → **РЗ** «гордиться» (Вот она и вздымается) (Карел.).

Вторая базовая модель, создаваемая на основе образного переосмысления семантики движения вверх, основывается на уподоблении передвижения вверх как увеличения: «Движение вверх – увеличение».

Гравитационные показатели, в силу своей физической природы употребляющиеся прежде всего для описания направления движения, а не крайних точек траектории, являются одними из самых распространенных в системах глагольной ориентации. Анализируя глаголы типа *скокнуть*: **ИЗ** «прыгнуть вверх» (Завился [конь] опять, разлетелся, скокнул – одного венца не достал) → **РЗ** «подняться (о кровяном давлении)» (Сегодня у меня давление скокнуло, кружит яро) (Арх.), *подскокнуть*: **ИЗ** «сделать скачок вверх, подпрыгнуть» (Он, гыт, раз подскокнул, достал кепку живочком надел на голову) → **РЗ** «резко подняться, увеличиться» (Ему не надобно было ни загорать, ни купаться, а температура подскокнула) (Верш.), видим, что в основу метафорического переноса кладутся два основных признака – это «направление вверх» и «резкость». Действительно, чтобы совершить прыжок вверх, т.е. оторваться от земли (которая «держит», «притягивает»), человек вынужден придать своему движению ускорение. Резко оторвавшись от земли, человек из нормального для него состояния – состояния, когда он устойчиво стоит на земле – попадает на какое-то время в по-

ложение, несвойственное человеку (оторванности от твердой поверхности и, следовательно, нестабильности, непостоянства). Направление движения субъекта по вертикали вверх, о чем «сигналит» и приставка *под-* у глагола *подпрыгнуть*, обладающая пространственным значением «снизу вверх», ассоциативно соотносится с перемещением ртутного шарика на шкале термометра для измерения температуры тела или прибора для измерения кровяного давления.

Сема «направление вверх» исходного значения названных глаголов выступает как «повышение» в результативном значении. В данном случае мы наблюдаем взаимодействие метафорической и метонимической схемы переноса, т.к. увеличение предстает как зрительно воспринимаемое повышение ртутного столбика.

Таким образом, аспект направления движения по вертикальной оси служит основой формирования, прежде всего, оценочных метафорических номинаций. Это определяется тем, что глаголы движения, фиксирующие такой тип ориентации, тесно связаны с двумя базовыми архетипическими семиотическими оппозициями «верх-низ» и «свое-чужое». В целом отмечается общая оценочная направленность данных моделей. Если семантика движения вниз является сферой-источником для осмысления ухудшения положения дел в социальной, психической, физиологической и физической сферах, то семантика направленности вверх ориентирована антиномично.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1995. – № 1.

2. Добрушина Н.Р. Воздух: вещество или пространство, материя или дух / Н.Р. Добрушина // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000.

3. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990.

4. Резанова З.И. Диалектный вариант универсальной метафорической модели «Мир – это человек» / З.И. Резанова // Язык и культура в Евразийском пространстве: сборник научных статей XVI Межд. науч. конф. – Томск, 2003.

5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – Л.: Наука, 1970. – Вып. 5; 1972. – Вып. 7; 1976. – Вып. 11; 1978. – Вып. 14.

6. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в

создании языковой картины мира / В.Н. Телия // *Картина мира*. – М.: Наука, 1988.
Роль человеческого фактора в языке: язык и кар-

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Надеина Л.В., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области геологии и нефтегазового дела, институт геологии и нефтегазового дела, Томский политехнический университет
Тел. раб.: (3822) 42-63-49

L. Nadeina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Language Department (Specialization - Geology and Petroleum Engineering), Geology and Petroleum Engineering Institute, Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: русская и зарубежная лингвистика, сопоставительное изучение языков, педагогика и методика преподавания иностранных языков

Areas of expertise: Russian and foreign linguistics, contrastive study of languages, pedagogy and language teaching methodology





УДК 811.161.1-112

Пономаренко Татьяна Олеговна
Tatyana Ponomarenko

**ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ГРАФИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ В ЖИТИИ
НИФОНТА 1222 г.**

**PECULIARITIES OF THE DISTRIBUTION OF
GRAPHIC DOUBLETS IN THE LIFE OF
ST. NIFONT (1222)**

Статья посвящена употреблению графических дублетов в одном из древнейших ростовских памятников – Житии Нифонта 1222 г. Рукопись содержит богатый материал для изучения древнерусской орфографии XIII в.

The article is devoted to the usage of graphic doublets in one of the oldest Rostov manuscripts – the Life of St. Nifont 1222 y. This manuscript contains vast materials for the study of old Russian orthography of the XIIIth century

Ключевые слова: дублетные графемы, вариативность, позиция в слове

Key words: doublet graphemes, variability, position in a word

Для истории русской орфографии XIII в. стал «периодом подготовки перелома» [Осипов, 1992; С. 44], характеризующимся постепенным становлением новой восточнославянской орфографической системы.

Орфография этого периода характеризуется появлением большого числа новых написаний. Однако отставание правописания от произношения все еще остается весьма существенным. Кроме того, одной из особенностей этого периода становится варьирование орфографической нормы, выступавшее как признак профессионального искусства писцов [Гиппиус, 1989; С. 95].

В настоящей статье мы остановимся на проблеме распределения дублетных графем в одной из древнейших ростовских рукописей – Житии Нифонта 1222 г. (РГБ, Тр. 35), выделенном еще А.И. Соболевским в качестве старших памятников [Соболевский, 1907; С. 103-104] и отражающем основные тенденции

развития графико-орфографической системы периода своего создания.

В графическом отношении особый интерес представляет в исследуемой рукописи распределение графем в дублетных звеньях $j E - E - e$ и $t - \dot{ } - \square$ широкое в связи с появлением новых членов этих звеньев – E и \square широкое. Употребление данных графем в целом по рукописи еще нерегулярно и малочастотно, однако уже сам факт их появления свидетельствует о начале процесса перераспределения функций между графемами в дублетном звене.

Важнейшей особенностью исследуемой рукописи является то, что собственно графические принципы (позиция конца строки, «тесная строка», графическая диссимилиация) не являются ведущими при выборе той или иной графемы. Так, в позиции конца строки, наряду с маркированными графемами 7 ($7\square$), s (q) и

е, более активно употребляются нейтральные члены дублетных звеньев *j узкое*, *b* и *j E*. Еще менее выражена с помощью дублетов позиция графической диссимилиации: если графическая диссимилиация еще частично отражается писцами с помощью дублетов *7 (7□)* и *j, s (q)* и *b*, то для графем *j E* и *e, ˘* и *t, 1* и *z* эта функция для писцов исследуемого памятника уже не актуальна.

Наиболее значимым для писцов рукописи является орфографический принцип распределения графем по позиции в слове. Так, в дублетных звеньях *j – 7, t – ˘ – □, 1 – z – f* наблюдается тенденция к употреблению *7, ˘* и *1* в начале слова и после гласных, *j, t* и *z* (а также *f*) – после согласных. Однако и этот принцип не является универсальным, что обусловлено, вероятно, так называемой «однонаправленностью» древнерусской орфографической нормы, «... когда выбор одного из графических знаков обязателен только в определенных случаях, а в других допустимы оба» [Осипов, 1992; С. 69].

Рукопись характеризуется неравномерным в количественном и функциональном плане соотношением графем в дублетных звеньях, и это говорит о том, что ее графико-орфографическая система еще не устоялась и находится в процессе эволюции.

В дублетном звене *j – 7* графема *j узкое* является нейтральным элементом, употребляющимся не только в позиции после согласных, но и практически в любой позиции (за исключением предлога и приставки *om*):

а) позиция после согласных, в том числе и в положении конца строки: *brj yS* (265/15), *pkjukfi tlyb˘* (273/23), *cgj l j\, bnm* (276/34), *ghj \cnb v z ub=(265/27)*, *ybrj \vj E ; t* (254/18), *vj El hj \cnmv]* (256/14), *cj l j vmcrS* (257/21), *vj \kbn dj E* (274/13);

б) позиции начала слова и после гласных: *d] j \uym d@xySb* (276/19), *j\, hfp] ghfdml mySb* (274/9), *yt bvfnm j \cj El bnb*

(268/26), *j rhm\cn] cnj 1ot* (314/24), *j uh@d f˘ v] , Sdfli t* (314/12), *j l tcyj E. ˘uj* (314/28), *j l t ; . vj . j crdm\hyb []* (310/5), *rhetyb˘ j t v h f l b []* (310/6), *j , kj \, Spfnb* (303/30), *jxb* (310/9), *xm\hymwm j t n h b ; ty]* (299/28), *j \, hzo. nm* (296/8), *j \cj E ; fnb* (323/24), *j r j k j* (373/33), *j \, bkmyf* (373/31) и т.д.; в том числе и в заимствованиях: *ghb l b j r k b \nb 1y@* (364/1), *8 utj yS* (342/3), *, k ˘ yS b ^ b ^ htj l]* (342/10);

в) в функции предлога: *j v b k j cnSyb* (293/17), *j db l @lybb* (293/23), *j ytc] v @htybb* (282/13), *j gfdk@* (291/13), *j nt, t* (338/10).

Маркированным членом дублетного звена является графема *7* (в рукописи она в основном представлена в виде графического варианта *7□*), наиболее часто используемая: в позиции начала слова (*7□ l t ; f* (351/5), *7□ rf 1ySb* (253/29), *d] 7 km 5fyl hbl.* (263/32), *7□xb* (273/25), *7□, hfl j d fnb cz* (276/32), в позиции после гласных в сложных и заимствованных словах (*ght 7□, hflpb ; tcz* (254/27), *vuj uj 7□, hfpmyf* (256/21), *b 7□ abk]* (326/13), *b \ 7 y S gh h ^ t f* (363/29), *7□ b 7□ d @* (286/29), *b 7□ cq \ a]* (286/33)), реже – в функции предлога (*7□ uh@c@* (269/9), *7□ ckj dtlcb* (268/28), *7□ , p@* (266/31)) и междометия (*7□ 7 rf 1yt* (255/2), *7□ ybaj \ynt* (256/13)), а также оформляющий позицию графической диссимилиации (*8 j rhflrj E* (329/19), *8 j % @ l f y b 1* (356/10), *ckm\p f v b , j 7□ l mh ; bv]* (270/30)).

Единственная функция, в которой *омега* не дублируется графемой *j узкое*, – это оформление приставки и предлога *om* (*8ctk@* (270/17), *8cnj Elgb* (264/27), *8˘ vk. ot* (277/24), *8d@of d f i t* (253/10); *8 dhfuf* (253/19), *8 c ^ h w f* (330/6), *8 ckfl j cnb*

(270/18); 7n] /// , кѡj jE[fybz^ (254/23), 7□n] l b1đj kz \ l @kf (288/15)).

Одной из существенных особенностей исследуемой рукописи является отсутствие в ее графико-орфографической системе графемы μ широкое (а также ее графического варианта \square очного).

В дублетном звене jE – E – e графема jE, являясь нейтральным компонентом, может оформлять фонему <u> в любой позиции, лигатура e наиболее последовательно употребляется в функции маркера конца строки: e lybxm; fi t (282/1), hfpe lv]vm (286/31), l mhp yeld] (267/32), ; bde \ , Snb (269/33).

Маркированный монограф E в целом малоактуален для орфографии рукописи (что характерно для периода создания памятника – первой четверти XIII в. – когда данная графема еще не вошла в активное употребление [Колесов, 1998; С. 33; Рябова, 2003; С. 174-175]), его функции в основном ограничены маркированием заимствований (d] `tEgm ln] (348/9), d] gfaE lb ghti ml] (299/12), rEh] c j p j \ v tyt (292/34)) и позиции конца строки: crhE li b (304/25), ghtcnE l g bnb (267/26), ghbybryE ln b (294/31)).

Дублетное звено s – b характеризуется ограничением употребления s десятиричного следующими функциями:

а) числовое обозначение: s \neq k@n] (308/2), ps \neq l ybb (327/8), bs \neq k@nⁿ (329/1), /s \neq v@l ybwm (330/13);

б) оформление имени Иисус: sc] [°] (288/5), [°f , f=yfi t l u j scf (287/29), scjE \ [°jE (361/12), j^sc@ yt, h@lob (343/5), ub \ set [°t (304/23), sc \neq v j lb^ (349/21), pyfv tyb1 scj df (320/19);

в) оформления позиции конца строки: v j En bi q \ pl fyb` , b \neq (264/23), v j Ex q ln b cz (264/27), yt 7□cn fdq \ v tyt ub= (274/21), ghtkmcn q ln b (280/1), ; q p ym (289/8), ghfdml y q r] (288/31), hf l q \ vk^cnb

v j ` 1 (289/14);

г) отражение графической диссимилиации: l f 1 n q \ b j En @ i f n q (262/2), ghfdml j E \ q bcn by j E (289/28), ghtkmcn b n q l b q 7□vhfx bnb (263/29).

Графема b восьмеричное, выступая в качестве немаркированного члена дублетного звена, является для писцов наиболее актуальным способом обозначения фонемы <i> во всех позициях: bp, fldbntk. v j b^ (304/7), j E v] v b \ 7□ck@gb (263/16), d] p bl t (262/6), ckfdjE \ b^ x m c n m (261/3), b\pyt v fuf. ot (369/7), ghb\gfl t n m (266/5), r y bl a j y n E (359/14).

Как известно, старославянские кириллические памятники характеризуются весьма непоследовательным противопоставлением на письме ` и t: в позиции начала слова преобладает написание t, графема ` либо вообще отсутствует, либо крайне редка [Селищев, 1951; l: 311]. Сходная ситуация отмечается и в ранних восточнославянских текстах [Карский, 1928; С. 187-188].

В отношении распределения графем в дублетном звене t – ` – \square широкое исследуемая рукопись демонстрирует отход от старославянской орфографической системы и переход к новым орфографическим нормам, основанным на живом восточнославянском произношении:

а) в начале слова и после гласных преимущественно используется графема `: ` ot (327/18), ` l f (294/8), ` t df (368/13), ` ul f (261/17), ` c n m (260/16), ` u j (259/20), ` k b l r j (285/24), ` ; t (268/12), ` l by] (265/21), ` k b i l S (255/18), ` k tyb (312/14), ` h t n b r f (322/11), ` t n m c n d j v m (360/21), ` d f y m u @ k b l ` (338/29), ` g b l c n j k m 1 (300/6); n l d j ` c v j n h t y b ` (261/13), c d @ n b k j d t k b ` (279/33), n h b l ` ^ 7 □ n h j w b (286/4);

б) в позиции после согласных последовательно отражается графема t узкое: ghbl t (260/3), , k \neq tySb (260/7), d] p b h f. ot l v]

(260/11), ghtl, Sdfi t (262/19), vjht (267/16), dtxth] (262/16), rf; tnmcz (253/13).

в) графема □ широкое в рукописи мало-частотна: в позиции после гласных она встречается лишь в одном случае (, j E vj □\vj E (261/16), в начале слова ее употребление в основном ограничено узким кругом лексем (□l f (281/20), □ul f (281/12), □ot (276/33), □vj E (271/14), □tnm (259/2), □g°g] (300/16), □h°kv] (281/17). При этом большинство примеров с Ъ в начале слова и после гласных определяется собственно графическими причинами (позиция конца строки, «тесная строка»).

В дублетном звене 1 – z – f наблюдается наиболее последовательное распределение графем по позиции в слове:

а) 1 – в начале слова и после гласных: 1†rj (255/20), 1; t (257/23), 1hvj\vm (326/18), 1†nq (255/19), , j 1† tcz (257/11), kf11yb` (257/28), cnj 1 [j E (257/28);

б) z – после согласных (кроме шипящих и w): gj vj kbcz (258/16), b† zi t (262/6), d] rkfl zpb (279/8), dzobb (273/7), , t†p vj Exbntkz (253/22), j El fhzi t v z (253/22), hf c g f l k z 1 ^ ^ † j (256/4);

в) f – после шипящих согласных и w: yfl t; f (255/33), j , hfofl. (310/13), yt 8kj Exfi tcz (309/10), li f (290/27), nSczof (293/3), gfkbwf (312/30), cnflhwf (299/28).

Отступления от данного принципа (например, z в начале слова и после гласного: zll j Eotb^ (283/31), 7n] ... , k†jj E [fybz^ (254/24); 1 после согласного: dtctk1i tcz (347/16), bc[j l 1 (347/16), dc1 (377/20) и т. д.) немногочисленны и вполне закономерны в рамках характерной для периода создания рукописи вариативности орфографической нормы [Живов, 2006; С. 243].

Таким образом, исследуемая рукопись демонстрирует тенденции к разграничению дублетов по позиции в слове и к устранению их многофункциональности. Несмотря на то, что орфографическая система рукописи находится только в процессе своего становления (что, главным образом, обусловлено эпохой ее создания как переходным этапом в развитии орфографии), она уже характеризуется некоторыми достаточно ярко проявляющимися особенностями, которые в последующие периоды будут определять развитие орфографической нормы.

Литература

1. Гиппиус А.А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения / А.А. Гиппиус // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 93-110.

2. Живов В.М. Восточнославянское правописание XI-XIII века / В.М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.

3. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография / Е.Ф. Карский. – Л.: АН СССР, 1928. – 494 с.

4. Колесов В.В. Различительные особенности письма в русских рукописях XI-XIV веков / В.В. Колесов // Историческая стилистика русского языка: сб. науч. тр. – Петрозаводск: Изд-во Пет-

розавод. ун-та, 1998. – С. 23-51.

5. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации / Б.И. Осипов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 253 с.

6. Рябова Е.В. Функционирование буквенных дублетов в новгородских евангелиях XII – XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Рябова; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2003. – 366 с.

7. Селищев А.М. Старославянский язык: в 2 ч. Ч. 1 / А.М. Селищев. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1951. – 334 с.

8. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – М., 1907. – 309 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Пономаренко Т.О., аспирантка, Казанский государственный университет (КГУ)
tanya_krivoval@mail.ru

T. Ponomarenko, post-graduate student of Kazan State University

Научные интересы: история русского языка

Areas of expertise: the history of Russian language





УДК 81'373

Боженкова Наталья Александровна
Natalia Bozhenkova

Толстая Анна Леонидовна
Anna Tolstaja

**О ЯВЛЕНИИ АНТОНИМИИ В ГАЗЕТНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТИПЕ ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

**ON ANTONYMY PHENOMENON IN MODERN
PUBLICISTIC TEXTS (ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)**

Предлагаемая статья представляет собой анализ структурных оппозиций антонимов в контекстуальном окружении, проводимом на материале публицистических текстов русского и немецкого языков. В работе даётся логическая таксономизация антонимичных отношений в русском и немецком языках, основанная на структурно-семантическом и синтаксическом критериях

Offered article represents the analysis of structural oppositions of antonyms in contextual environment made on a material of publicistic texts of Russian and German languages. The work offers logical classification of antonymic relations in Russian and German languages, based on structural-semantic and syntactic criteria

Ключевые слова: антонимия, структурная оппозиция, таксономизация, семантический анализ, синтаксический анализ

Key words: *antonymy, structural opposition, classification, the semantic analysis, syntactic analysis*

Исследование проводится в рамках гранта КурскГТУ по проведению исследований по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники П 79.014-2008. Наименование НИР: Анализ лингвокогнитивного аспекта антонимичных отношений в немецком языке (на материале современной немецкой прессы). Современные тенденции развития лексикологии и лексикографии, обусловленные функционально-когнитивным подходом к описанию языковых явлений, детерминируют в качестве одного из перспективных направлений данного подхода функционально-семантическое изучение антонимов русского и немецкого языков, направ-

ленное на изучение явления антонимии с целью выявления универсального и индивидуального языкового выражения структурно-семантической функции противопоставленности в рамках функционально-семантического поля в публицистическом тексте. При этом объектом исследования выступает явление антонимии как важнейший способ рождения новых семантических конститuentов и концептов, соответственно, целью исследования является комплексный анализ механизмов образования антонимов, установление структурно-семантических и функционально-стилистических особенностей общезыковых и контекстуальных антонимов как системообразующих

составляющих языка современной прессы русского и немецкого языков.

Один из самых представительных структурных типов оппозиций грамматических разнокорневых антонимов в контексте выражается при помощи союза *u/und*. Например, в парных словосочетаниях – *Sie und Er/он u она, Gewinn und Verlust/выигрыш u проигрыш, Freund und Feind/друг u враг, ja und nein/да u нет, Krieg und Frieden/война u мир, Leben und Tod/ жизнь u смерть* изначально заложена семантическая оппозиция. Союз *und/u* в данном случае объединяет лексемы и одновременно подчёркивает их противопоставленность в публицистическом тексте друг другу.

Приведем примеры таких типовых предложений в русском языке.

1. *Самое замечательное в нынешней версии нашего традиционного рейтинга отставок u назначений – отсутствие в нем главного назначения года* [6].

2. *Мы представляем вашему вниманию самых богатых u самых бедных членов каждой из четырех думских партий* [6].

3. *Снова выиграли наши, u опять проигрывают немцы* [6].

В 1 примере союз *u* выступает в значении противопоставления (противления), соответствующего формуле $X - Y$ и выражающего контрадикторный тип противопоставления благодаря резкому контрасту частей предложения: *отставок u назначений*. В предложении: *Мы представляем вашему вниманию самых богатых u самых бедных членов каждой из четырех думских партий* происходит противопоставление двух превосходных степеней прилагательных, соединенных союзом *u*: *самых богатых – самых бедных*, исключаящих в данном случае наличие промежуточных значений, что позволяет отнести данную пару к контрадикторному типу антонимов. Третье типовое предложение: *Снова выиграли наши, u опять проигрывают немцы*, где речь идёт об одном и том же действии, представленном «линейно» дважды, с разных сторон, с точки зрения одного

и другого участника ситуации (футбольного матча): *выигрывают наши и проигрывают немцы*, и принадлежат к одной типологической разновидности антонимов, реализующейся в формуле $X \leftrightarrow Y$, обозначающей взаимообусловленные понятия. Такие антонимы характеризуются в пределах модели $X u Y$ и обнаруживают конверсионную противоположность.

В немецком языке противопоставление, выраженное союзом *und*, демонстрируют следующие примеры.

4. *Relativiert es die eigene Bedeutung, oder verspottet es Freund und Feind?* [7].

5. *Gewinn und Verlust der Sozialdemokraten ist bei der jeweils letzten Wahl auf Landesebene in Prozentpunkten dargestellt* [7].

6. *Die wollten junge und alte Kräfte dabei haben* [7].

7. *Auf der Strecke bleiben die persönlichen Stärken der Profis- und ihre Schwächen* [7].

Рассматриваемые предложения в русском и немецком языках объединяются в структурном плане как варианты одной и той же конструкции (типового контекста, модели), которую можно представить в глубинной структуре в виде: $X u Y$ в русском языке и $X und Y$ в немецком.

Что же касается семантических отношений антонимов в контекстах $X u Y$ / $X und Y$, то они, как можно видеть, различны. Наиболее характерные смысловые отношения представлены в 5 и 6 примерах: это значение соединения, конъюнкции, своеобразного сложения противоположностей (до общего, целого) ср. *Gewinn und Verlust der Sozialdemokraten*, – соответствующего формуле $X - Y$ и выражающего контрадикторный тип противопоставления, *junge und alte (Kräfte)* – выраженного формулой $X - XY - Y$ – *контрарная противоположность*. Значение соединения является главным, первичным для конструкции $X und Y$: оно в наименьшей степени зависит от контекста. Здесь союз *und* выступает в своей основной функции. В других предложениях контекст привносит в

семантику союза и всей конструкции дополнительные значения, что приводит ко вторичным значениям, отличным от значения соединения. Интересный тип отношений, близких к энантиосемии, представлен в 4 примере: *Freund und Feind* (одновременно). Такое значение можно было бы определить как значение противоречия, т. е. совмещения противоположных начал.

В 7 предложении реализуется противопоставление, выраженное формулой $X - XY - Y$ – контрарная противоположность: *Stärken und Schwächen*, где союз *und* выполняет функцию конъюнкции, соединения двух полярных лексем, между которыми может существовать промежуточное значение.

Явление антонимии в вербализованном материале любой языковой группы может быть не только репрезентировано двумя лексемами, но и обусловлено словообразовательными процессами, в первую очередь, префиксацией и суффиксацией, имеющими синтагматические и парадигматические уровни реализации. Сформированные в результате морфологической трансформации антонимы принято называть «маркированными» [5; С. 28].

Маркированные антонимы образуются согласно формулам двумя способами: префиксальный способ $X - \text{contra } X$ (будет являться приставкой) и суффиксальный – $X - X\text{contra}$ (будет являться суффиксом). Данный вид антонимов реже подвергается изменениям в контексте и в меньшей степени зависит от структурной организации антонимов в тексте, поскольку в семантике лексемы–антонима, образованного префиксальным или суффиксальным способом, уже заложено противопоставление: *Реалистично глядя на Россию, можно констатировать, что фактически преемник, представленный президентом – это уже на один этаж в вертикали выше двух просто преемников, называемых так неофициально. Официально же преемники называются первыми вице-преьерами* [6]. В данном предложении представлен префиксальный

способ образования антонимов. В русском языке особенно частотно образование маркированных антонимов при помощи приставки *не*. Здесь один из членов антонимической пары выступает при анализе как позитивный (положительный) и немаркированный: *официально*, а другой — как негативный (отрицательный) и маркированный: *неофициально*.

С точки зрения структуры данное противопоставление однокорневое, поскольку противопоставление выражено префиксом, присоединенным к одной основе, а с точки зрения семантики – утверждение одного понятия означает отсутствие другого, выраженного приставкой *не*, выполняющей функцию отрицания. В функциональном плане это пары слов, наилучшим образом приспособленные для выражения функции противоположности. Здесь отношение противопоставленности формально одинаково с отношением контрадикторных понятий, выражающими в языке особый тип противоположности — комплементарность, характеризующуюся отсутствием среднего, промежуточного члена, выраженного формулой $X - Y$. Особенного внимания заслуживает антонимичная пара *сделки – несделки*, в которой на словообразовательной основе у лексемы *сделка*, не имеющей парного антонима в языке, появляется противопоставление, выраженное лексемой *несделка*.

В немецком языке с развитой системой словообразования данное явление наиболее частотно:

8. *Zur Überraschung der Sieger sind die Besiegten nicht begeistert* [7].

9. *Was speziell diese Eingriffe betrifft, so beziehen sich die Autoren auf eine einzige, sehr umstrittene Studie von 2002, die erst fehlerlos gestrickt wurde. In der Wirklichkeit wurde aber mit nicht vergleichbaren und nicht validierten Messparametern gearbeitet, das Studiendesign wurde während der Studie verändert, das heißt, den Wünschen der Autoren angepasst, und die Ergebnisse statistisch grob fehlerhaft ausgewertet* [7].

10. *«Wir erleben immer wieder, dass eine erfolgreiche Behandlung sich durch die An-*

wendung von Akupunkturen, Osteopathie und Ähnliches bis zur Erreichung fortgeschrittener Krankheitsstadien mit hoher Symptombelastung verzögert... Auch eine erfolglose konservative Therapie hat ihre Risiken, nämlich die Entwicklung eines chronischen Schmerz- oder Defektzustands» – Dr. Volker Ritzel [7].

В 8 предложении наличие приставки демонстрирует противопоставление префигированной лексемы непрефигированной, но без эмоциональной оценки: *Zur Überraschung der Sieger sind die Besiegten nicht begeistert* [7].

Лексемы *der Sieger* и *die Besiegten*, обозначая одну и ту же ситуацию, выступают как различные наименования одного и того же действия, отношения, обратного с точки зрения противопоставленных участников этой ситуации (членов отношения и т.п.). Здесь семантическое различие существительных-антонимов отличается наличием отрицания в толковании одного из них, морфологически выраженного префиксом *-be*. Данное отрицание по своему характеру предельно, т.к. противопоставление обозначает одно и то же действие с разных сторон ($X \leftrightarrow Y$) и, следовательно, имеет право считаться конверсивным.

В 9 и 10 предложениях представлен процесс суффиксации, характеризующийся привнесением в вербализованную единицу самостоятельного значения аффикса и формированием новой семы денотата, в результате чего суффиксы с семантикой противоположности *los – reich*, *los – haft* образуют антонимичные лексемы: *fehlerlos – fehlerhaft*, *erfolgreich – erfolglos*. В семантическом отношении данные антонимичные пары в своей смысловой структуре имеют общее семантическое ядро, выраженное в единой основе *-fehler*; *-erfolg*. Антонимические значения, будучи противопоставленными друг другу всем своим содержанием, отличаются парадигматически только по одному дифференциальному признаку взаимоисключения: *fehlerhaft – viele Fehler*, *fehlerlos keine Fehler*, *erfolgreich – grosser Erfolg*, *erfolglos – kein Erfolg*, выраженному морфологически суффиксами *los – haft*, *los – reich*, и от-

носятся к контрадикторному противопоставлению $X – Y$.

Категория факультативных антонимов в тексте в значительной степени ограничивается особенностями самого газетно-публицистического текста, который нередко создаёт ситуации, когда автор отходит от привычных парадигматических структур. Например, пара конверсионных глаголов *antworten – fragen* нередко подвержена изменению в контексте, когда автор статьи заменяет глагол *antworten* другим противопоставлением по отношению к глаголу *fragen*:

11. *Wenn die Wahlkämpfer gefragt werden, wie sie das bezahlen wollen, dann reden sie über weitere Steuererhöhungen* [7].

12. *Wie, fragen sich die Beteiligten, kann es passieren, dass Misstände dem PKG oft jahrelang verborgen bleiben? Die Kontrolle durch den Ausschluss „reicht nicht mehr aus“, bemängelt nüchterner die grüne Innenpolitikerin Silke Stokar. „Von vielen Fehlenentwicklungen erfahren wir erst aus den Medien“, klagt Stokars Parteifreund, PKG-Mitglied Hans-Christian Ströbele. Und Volker Neumann von der SPD gesteht: „Wir sind auf die starke Rolle der Presse angewiesen.“ Mit den „dringenden Reformen“, fordert der derzeitige Vorsitzende des Gremiums, solle man, nicht warten, bis etwas Schlimmes passiert“ [7].*

13. *Außerhalb meiner Zuständigkeiten gebe ich, wenn ich gefragt werde, gern meinen Rat, und wenn ich nicht gefragt werde, überlege ich mir, ob ich es wirklich sagen soll oder nicht* [7].

В данных примерах (11-13) весь процесс «спрашивать-отвечать» рассматривается с двух противоположных сторон спрашивающего и отвечающего на вопрос, при этом автор статьи старается избегать привычной парадигматической структуры: *antworten – fragen* при помощи лексем, способных заменить глагол *antworten*: *sagen*, *reden*, *bemängeln*, *klagen*, *gestehen*, *fordern*, при этом перечисленные лексемы могут трактоваться как противопоставленные глаголу *fragen*. Это объясняется большим количеством лексем, образующим одно семантическое поле.

Нередко автор создает ситуации, когда антонимия может возникнуть не только между двумя лексемами в микроконтексте: *В апреле 2006 г. только 21 % опрошенных ВЦИОМ граждан одобряли деятельность Госдумы, в то время как 65 % относились к ней отрицательно*, но и в макроконтексте: *Активность этих разговоров вступила в прямое **противоречие** со стилем кадровых назначений путинского правления. В бурном мире международной политики нелегко найти островки спокойствия страны, в которых десятилетиями ничего не менялось; Лора Буш никогда не выступала на политических митингах в поддержку мужа, а в одном из интервью откровенно заявила: «Я не пытаюсь быть его советницей. Я его жена. Это очень разные вещи»*, когда противопоставленными оказываются несколько лексем, порой не относящиеся к одной части речи. В этой связи более объективным было бы определение данного вида противопоставлений как факультативных антонимичных конструкций, имеющих свое языковое воплощение в контексте.

Таким образом, поэтапный анализ противоположности в языке современной немецкой и русской прессы привел к установлению наиболее характерных (типовых) контекстов употребления антонимов и основных видов семантических и типологических отношений между ними. Так, с точки зрения нормы представляется возможным выделение языковых антонимов – существующих в системе языка, независимо от контекста, противопоставленных в большинстве речевых вариантах: *белый–черный / weiß–schwarz*, но «Каждый антоним,— отмечает В.Н. Комиссаров,— в определенных случаях воспроизводится в антонимических контекстах, где он употребляется вместе со своим антонимом, в непосредственном противопоставлении ему» [1; С. 169]. На основе этого было бы правильнее различать *грамматические антонимы* – антонимы, принадлежащие одной части речи, противопоставленные в контексте, образованные по формулам, и *факультативные антонимы* –

противопоставленные друг другу лексемы (микроконтексты), не всегда относящиеся к одной части речи [2].

Грамматические антонимы, согласно морфологическому критерию, можно разделить на разнокорневые *левый – правый / links – rechts* и однокорневые (маркированные) антонимы, причем в силу грамматических различий языков, в русском языке более распространен префиксальный тип образования однокорневых антонимов, представленный формулой $X - \text{contra } X$ (*contra* будет являться приставкой), а в немецком – и префиксальный $X - \text{contra}X$ (*contra* будет являться приставкой) и суффиксальный $X - X\text{contra}$ (*contra* будет являться суффиксом): *erfolgreich – erfolglos* (ср. аналог в русском: *успешный – безуспешный*) типы.

Принимая во внимание структурно-семантическую организацию антонимов, разнокорневые и однокорневые противопоставления, с нашей точки зрения, сводятся к следующим формулам, где X и Y – лексемы с противоположным значением:

- 1) $X - Y$;
- 2) $X - XY - Y$;
- 3) $X \leftrightarrow Y / X < Y, X > Y$.

В каждой из формул реализуются функции антонимов. Так, в первой формуле $X - \text{contra } Y$ – функция взаимоисключения, в $X - XY - \text{contra } Y$ – полярности, в $X \leftrightarrow Y$, в $X < Y, X > Y$ – взаимообусловленности.

Каждая из формул находит свое место в классификационных типах антонимов немецких и русских лингвистов, в основу классификации которых положен признак, присущий той или иной антонимичной паре: полярность, взаимоисключение или взаимообусловленность. Так, контрастная противоположность (антонимы в узком смысле) может быть представлена формулой $X - XY - Y$: контрастная противоположность (антонимы в узком смысле) характерна, в первую очередь, для качественных прилагательных и образованных от них существительных. Главным признаком этого типа является то, что отрицание одного поня-

тия означает утверждение другого, между этими полюсами существуют переходы: *черный – темно-серый, серый, светло-серый... – белый / Schwarz – dunkelgrau, grau, hellgrau – weiß*.

Контрадикторная противоположность (комплементарность) – X – Y: определяющим признаком комплементарных (контрадикторных) антонимов является нестрогое взаимоисключение. Здесь невозможны «промежуточные» значения, а «утверждение одного понятия означает отрицание другого»: *verheiratet – ledig / женатый – холостой*. Комплементарные антонимы чаще других образуются при помощи словообразовательных элементов: *знакомый – неззнакомый / bekannt – unbekannt, алкогольный – безалкогольный / alkoholfrei – alkoholfreudig* [4; С. 214].

Конверсивная противоположность – X ↔ Y: данный тип противоположности чаще всего представлен глаголами, «обозначающими действие, процесс с противоположных позиций» [4; С. 216]. Два одновременно происходящих действия выполняются разными субъектами: *выигрывать – проигрывать / -siegen – verlieren, продавать – покупать / -kaufen – verkaufen*. Конверсионная антонимия возможна и между существительными «в той области языковой системы, которая связана с социальными ролями»: *врач – пациент / Arzt – Patient, учитель – ученик / Lehrer – Schüler* и т.п.

Другой тип противоположности представлен формами сравнительной степени прилагательных (или наречий), относимый Л.А. Новиковым к конверсионному противопоставлению: X < Y, X > Y, если считать эквивалентными противопоставления типа: *меньше – больше / weniger – mehr* то отсюда следует, что *меньше = не больше – больше = не меньше / weniger = nicht mehr — mehr = nicht weniger*. Элемент сильного отрицания может быть,

следовательно, выделен и в толковании конверсивов, выражающих различного рода отношения между участниками одной ситуации (предметами) [3].

Результаты синтагматического рассмотрения антонимии позволили, в свою очередь, путем восхождения от «текста» к «системе» (=языку) перейти к построению антонимических парадигм и их вариантов, а также наметить основные разновидности антонимов в зависимости от типа выражаемой ими противоположности.

Главным является то, что в контексте происходит расширение антонимичных возможностей, благодаря чему возможно не только изменение составляющих языковых антонимичных пар, но и появление антонимов у лексем, не способных к антонимии вне контекста. Такие противопоставления являются строго обусловленными.

Практический анализ привел к заключению, что антонимы русского и немецкого языков характеризуются в плане синтагматики высокой степенью совместной встречаемости, единой понятийной (семантической) и функциональной сферой их употребления, большим сходством в их лексической сочетаемости. В плане парадигматики этому соответствует, как следует из примеров, данных в анализе, одинаковый компонентный состав антонимов, противостоящих лишь по одному признаку, существенному как для их оппозиции, так и для выражения одной из разновидностей противоположности. В синтаксическом отношении антонимы русского и немецкого языков представлены общими структурами противопоставлений, различающимися языковым воплощением в силу различной грамматической и фонетической организации языков.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке / В.Н. Комиссаров // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1962. – № 2. – С. 168-174.

2. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.

3. Новиков Л.А. Антонимы в русском языке /

Л.А. Новиков. – М.: Высшая Школа, 1973. – 225 с.

4. Schippan T. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* / T. Schippan. – Tübingen.: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 306 S.

5. Stepanova M.D. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* / M.D. Stepanova, I.I. Cheernyseva. – М.: Издательский центр "Академия", 2003. – 256 с.

6. WWW-версия "Читай-город": он-лайн версии газет и журналов: сайт Комитета культуры и молодежной политики администрации

Великого Новгорода, председатель комитета Попова Ольга Борисовна. – 2009 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.08.2009. – URL: www.younglib.novgorod.ru (дата обращения: 17.08.2009).

7. COSMAS II: *Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache: Eric Seubert (Leitung)*. – 2009 [Die elektronische Ressource]. Letzte Änderung: 30.07.2009. – URL: <http://www.ids-mannheim.de> (Behandlungsdatum: 17.08.2009).

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Толстая А.Л., аспирантка, Курский государственный технический университет (КГТУ)
Служ. тел.: 8(4712)52-38-28

A. Tolstaja, the post-graduate student, Kursk State Technical University

Научные интересы: сопоставительное языкознание

Areas of expertise: comparative linguistics

Боженкова Н.А., д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Курский государственный технический университет
Служ. тел.: 8(4712)52-38-28

N. Bozhenkova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the chair of Theoretical, Applied and communicative linguistics, Faculty of Linguistics and Intercultural Communications of Kursk State Technical University

Научные интересы: теория речевых актов, категория дейксиса и другие вопросы, рассматриваемые в русле когнитивно-прагматического подхода

Areas of expertise: theory of speech acts, category of deixis and other questions, considered under cognitive pragmatic approach





УДК 81'373

Боженкова Наталья Александровна
Natalia Bozhenkova

Толстая Анна Леонидовна
Anna Tolstaja

**О ЯВЛЕНИИ АНТОНИМИИ В ГАЗЕТНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТИПЕ ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

**ON ANTONYMY PHENOMENON IN MODERN
PUBLICISTIC TEXTS (ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)**

Предлагаемая статья представляет собой анализ структурных оппозиций антонимов в контекстуальном окружении, проводимом на материале публицистических текстов русского и немецкого языков. В работе даётся логическая таксономизация антонимичных отношений в русском и немецком языках, основанная на структурно-семантическом и синтаксическом критериях

Offered article represents the analysis of structural oppositions of antonyms in contextual environment made on a material of publicistic texts of Russian and German languages. The work offers logical classification of antonymic relations in Russian and German languages, based on structural-semantic and syntactic criteria

Ключевые слова: антонимия, структурная оппозиция, таксономизация, семантический анализ, синтаксический анализ

Key words: *antonymy, structural opposition, classification, the semantic analysis, syntactic analysis*

Исследование проводится в рамках гранта КурскГТУ по проведению исследований по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники П 79.014-2008. Наименование НИР: Анализ лингвокогнитивного аспекта антонимичных отношений в немецком языке (на материале современной немецкой прессы). Современные тенденции развития лексикологии и лексикографии, обусловленные функционально-когнитивным подходом к описанию языковых явлений, детерминируют в качестве одного из перспективных направлений данного подхода функционально-семантическое изучение антонимов русского и немецкого языков, направ-

ленное на изучение явления антонимии с целью выявления универсального и индивидуального языкового выражения структурно-семантической функции противопоставленности в рамках функционально-семантического поля в публицистическом тексте. При этом объектом исследования выступает явление антонимии как важнейший способ рождения новых семантических конститuentов и концептов, соответственно, целью исследования является комплексный анализ механизмов образования антонимов, установление структурно-семантических и функционально-стилистических особенностей общезыковых и контекстуальных антонимов как системообразующих

составляющих языка современной прессы русского и немецкого языков.

Один из самых представительных структурных типов оппозиций грамматических разнокорневых антонимов в контексте выражается при помощи союза *u/und*. Например, в парных словосочетаниях – *Sie und Er/он u она, Gewinn und Verlust/выигрыш u проигрыш, Freund und Feind/друг u враг, ja und nein/да u нет, Krieg und Frieden/война u мир, Leben und Tod/ жизнь u смерть* изначально заложена семантическая оппозиция. Союз *und/u* в данном случае объединяет лексемы и одновременно подчёркивает их противопоставленность в публицистическом тексте друг другу.

Приведем примеры таких типовых предложений в русском языке.

1. *Самое замечательное в нынешней версии нашего традиционного рейтинга отставок u назначений – отсутствие в нем главного назначения года* [6].

2. *Мы представляем вашему вниманию самых богатых u самых бедных членов каждой из четырех думских партий* [6].

3. *Снова выиграли наши, u опять проигрывают немцы* [6].

В 1 примере союз *u* выступает в значении противопоставления (противления), соответствующего формуле $X - Y$ и выражающего контрадикторный тип противопоставления благодаря резкому контрасту частей предложения: *отставок u назначений*. В предложении: *Мы представляем вашему вниманию самых богатых u самых бедных членов каждой из четырех думских партий* происходит противопоставление двух превосходных степеней прилагательных, соединенных союзом *u*: *самых богатых – самых бедных*, исключаящих в данном случае наличие промежуточных значений, что позволяет отнести данную пару к контрадикторному типу антонимов. Третье типовое предложение: *Снова выиграли наши, u опять проигрывают немцы*, где речь идёт об одном и том же действии, представленном «линейно» дважды, с разных сторон, с точки зрения одного

и другого участника ситуации (футбольного матча): *выигрывают наши и проигрывают немцы*, и принадлежат к одной типологической разновидности антонимов, реализующейся в формуле $X \leftrightarrow Y$, обозначающей взаимообусловленные понятия. Такие антонимы характеризуются в пределах модели $X u Y$ и обнаруживают конверсионную противоположность.

В немецком языке противопоставление, выраженное союзом *und*, демонстрируют следующие примеры.

4. *Relativiert es die eigene Bedeutung, oder verspottet es Freund und Feind?* [7].

5. *Gewinn und Verlust der Sozialdemokraten ist bei der jeweils letzten Wahl auf Landesebene in Prozentpunkten dargestellt* [7].

6. *Die wollten junge und alte Kräfte dabei haben* [7].

7. *Auf der Strecke bleiben die persönlichen Stärken der Profis- und ihre Schwächen* [7].

Рассматриваемые предложения в русском и немецком языках объединяются в структурном плане как варианты одной и той же конструкции (типового контекста, модели), которую можно представить в глубинной структуре в виде: $X u Y$ в русском языке и $X und Y$ в немецком.

Что же касается семантических отношений антонимов в контекстах $X u Y$ / $X und Y$, то они, как можно видеть, различны. Наиболее характерные смысловые отношения представлены в 5 и 6 примерах: это значение соединения, конъюнкции, своеобразного сложения противоположностей (до общего, целого) ср. *Gewinn und Verlust der Sozialdemokraten*, – соответствующего формуле $X - Y$ и выражающего контрадикторный тип противопоставления, *junge und alte (Kräfte)* – выраженного формулой $X - XY - Y$ – *контрарная противоположность*. Значение соединения является главным, первичным для конструкции $X und Y$: оно в наименьшей степени зависит от контекста. Здесь союз *und* выступает в своей основной функции. В других предложениях контекст привносит в

семантику союза и всей конструкции дополнительные значения, что приводит ко вторичным значениям, отличным от значения соединения. Интересный тип отношений, близких к энантиосемии, представлен в 4 примере: *Freund und Feind* (одновременно). Такое значение можно было бы определить как значение противоречия, т. е. совмещения противоположных начал.

В 7 предложении реализуется противопоставление, выраженное формулой $X - XY - Y$ – контрарная противоположность: *Stärken und Schwächen*, где союз *und* выполняет функцию конъюнкции, соединения двух полярных лексем, между которыми может существовать промежуточное значение.

Явление антонимии в вербализованном материале любой языковой группы может быть не только репрезентировано двумя лексемами, но и обусловлено словообразовательными процессами, в первую очередь, префиксацией и суффиксацией, имеющими синтагматические и парадигматические уровни реализации. Сформированные в результате морфологической трансформации антонимы принято называть «маркированными» [5; С. 28].

Маркированные антонимы образуются согласно формулам двумя способами: префиксальный способ $X - \textit{contra} X$ (будет являться приставкой) и суффиксальный – $X - X\textit{contra}$ (будет являться суффиксом). Данный вид антонимов реже подвергается изменениям в контексте и в меньшей степени зависит от структурной организации антонимов в тексте, поскольку в семантике лексемы–антонима, образованного префиксальным или суффиксальным способом, уже заложено противопоставление: *Реалистично глядя на Россию, можно констатировать, что фактически преемник, представленный президентом – это уже на один этаж в вертикали выше двух просто преемников, называемых так неофициально. Официально же преемники называются первыми вице-преьерами* [6]. В данном предложении представлен префиксальный

способ образования антонимов. В русском языке особенно частотно образование маркированных антонимов при помощи приставки *не*. Здесь один из членов антонимической пары выступает при анализе как позитивный (положительный) и немаркированный: *официально*, а другой — как негативный (отрицательный) и маркированный: *неофициально*.

С точки зрения структуры данное противопоставление однокорневое, поскольку противопоставление выражено префиксом, присоединенным к одной основе, а с точки зрения семантики – утверждение одного понятия означает отсутствие другого, выраженного приставкой *не*, выполняющей функцию отрицания. В функциональном плане это пары слов, наилучшим образом приспособленные для выражения функции противоположности. Здесь отношение противопоставленности формально одинаково с отношением контрадикторных понятий, выражающими в языке особый тип противоположности — комплементарность, характеризующуюся отсутствием среднего, промежуточного члена, выраженного формулой $X - Y$. Особенного внимания заслуживает антонимичная пара *сделки – несделки*, в которой на словообразовательной основе у лексемы *сделка*, не имеющей парного антонима в языке, появляется противопоставление, выраженное лексемой *несделка*.

В немецком языке с развитой системой словообразования данное явление наиболее частотно:

8. *Zur Überraschung der Sieger sind die Besiegten nicht begeistert* [7].

9. *Was speziell diese Eingriffe betrifft, so beziehen sich die Autoren auf eine einzige, sehr umstrittene Studie von 2002, die erst fehlerlos gestrickt wurde. In der Wirklichkeit wurde aber mit nicht vergleichbaren und nicht validierten Messparamenten gearbeitet, das Studiendesign wurde während der Studie verändert, das heißt, den Wünschen der Autoren angepasst, und die Ergebnisse statistisch grob fehlerhaft ausgewert* [7].

10. *«Wir erleben immer wieder, dass eine erfolgreiche Behandlung sich durch die An-*

wendung von Akupunkturen, Osteopathie und Ähnliches bis zur Erreichung fortgeschrittener Krankheitsstadien mit hoher Symptombelastung verzögert... Auch eine erfolglose konservative Therapie hat ihre Risiken, nämlich die Entwicklung eines chronischen Schmerz- oder Defektzustands» – Dr. Volker Ritzel [7].

В 8 предложении наличие приставки демонстрирует противопоставление префигированной лексемы непрефигированной, но без эмоциональной оценки: *Zur Überraschung der Sieger sind die Besiegten nicht begeistert* [7].

Лексемы *der Sieger* и *die Besiegten*, обозначая одну и ту же ситуацию, выступают как различные наименования одного и того же действия, отношения, обратного с точки зрения противопоставленных участников этой ситуации (членов отношения и т.п.). Здесь семантическое различие существительных-антонимов отличается наличием отрицания в толковании одного из них, морфологически выраженного префиксом *-be*. Данное отрицание по своему характеру предельно, т.к. противопоставление обозначает одно и то же действие с разных сторон ($X \leftrightarrow Y$) и, следовательно, имеет право считаться конверсивным.

В 9 и 10 предложениях представлен процесс суффиксации, характеризующийся привнесением в вербализованную единицу самостоятельного значения аффикса и формированием новой семы денотата, в результате чего суффиксы с семантикой противоположности *los – reich*, *los – haft* образуют антонимичные лексемы: *fehlerlos – fehlerhaft*, *erfolgreich – erfolglos*. В семантическом отношении данные антонимичные пары в своей смысловой структуре имеют общее семантическое ядро, выраженное в единой основе *-fehler*; *-erfolg*. Антонимические значения, будучи противопоставленными друг другу всем своим содержанием, отличаются парадигматически только по одному дифференциальному признаку взаимоисключения: *fehlerhaft – viele Fehler*, *fehlerlos keine Fehler*, *erfolgreich – grosser Erfolg*, *erfolglos – kein Erfolg*, выраженному морфологически суффиксами *los – haft*, *los – reich*, и от-

носятся к контрадикторному противопоставлению $X – Y$.

Категория факультативных антонимов в тексте в значительной степени ограничивается особенностями самого газетно-публицистического текста, который нередко создаёт ситуации, когда автор отходит от привычных парадигматических структур. Например, пара конверсионных глаголов *antworten – fragen* нередко подвержена изменению в контексте, когда автор статьи заменяет глагол *antworten* другим противопоставлением по отношению к глаголу *fragen*:

11. *Wenn die Wahlkämpfer gefragt werden, wie sie das bezahlen wollen, dann reden sie über weitere Steuererhöhungen* [7].

12. *Wie, fragen sich die Beteiligten, kann es passieren, dass Misstände dem PKG oft jahrelang verborgen bleiben? Die Kontrolle durch den Ausschluss „reicht nicht mehr aus“, bemängelt nüchterner die grüne Innenpolitikerin Silke Stokar. „Von vielen Fehlenentwicklungen erfahren wir erst aus den Medien“, klagt Stokars Parteifreund, PKG-Mitglied Hans-Christian Ströbele. Und Volker Neumann von der SPD gesteht: „Wir sind auf die starke Rolle der Presse angewiesen.“ Mit den „dringenden Reformen“, fordert der derzeitige Vorsitzende des Gremiums, solle man, nicht warten, bis etwas Schlimmes passiert“* [7].

13. *Außerhalb meiner Zuständigkeiten gebe ich, wenn ich gefragt werde, gern meinen Rat, und wenn ich nicht gefragt werde, überlege ich mir, ob ich es wirklich sagen soll oder nicht* [7].

В данных примерах (11-13) весь процесс «спрашивать-отвечать» рассматривается с двух противоположных сторон спрашивающего и отвечающего на вопрос, при этом автор статьи старается избегать привычной парадигматической структуры: *antworten – fragen* при помощи лексем, способных заменить глагол *antworten*: *sagen*, *reden*, *bemängeln*, *klagen*, *gestehen*, *fordern*, при этом перечисленные лексемы могут трактоваться как противопоставленные глаголу *fragen*. Это объясняется большим количеством лексем, образующим одно семантическое поле.

Нередко автор создает ситуации, когда антонимия может возникнуть не только между двумя лексемами в микроконтексте: *В апреле 2006 г. только 21 % опрошенных ВЦИОМ граждан одобряли деятельность Госдумы, в то время как 65 % относились к ней отрицательно*, но и в макроконтексте: *Активность этих разговоров вступила в прямое **противоречие** со стилем кадровых назначений путинского правления. В бурном мире международной политики нелегко найти островки спокойствия страны, в которых десятилетиями ничего не менялось; Лора Буш никогда не выступала на политических митингах в поддержку мужа, а в одном из интервью откровенно заявила: «Я не пытаюсь быть его советницей. Я его жена. Это очень разные вещи»*, когда противопоставленными оказываются несколько лексем, порой не относящиеся к одной части речи. В этой связи более объективным было бы определение данного вида противопоставлений как факультативных антонимичных конструкций, имеющих свое языковое воплощение в контексте.

Таким образом, поэтапный анализ противоположности в языке современной немецкой и русской прессы привел к установлению наиболее характерных (типовых) контекстов употребления антонимов и основных видов семантических и типологических отношений между ними. Так, с точки зрения нормы представляется возможным выделение языковых антонимов – существующих в системе языка, независимо от контекста, противопоставленных в большинстве речевых вариантах: *белый–черный / weiß–schwarz*, но «Каждый антоним,— отмечает В.Н. Комиссаров,— в определенных случаях воспроизводится в антонимических контекстах, где он употребляется вместе со своим антонимом, в непосредственном противопоставлении ему» [1; С. 169]. На основе этого было бы правильнее различать *грамматические антонимы* – антонимы, принадлежащие одной части речи, противопоставленные в контексте, образованные по формулам, и *факультативные антонимы* –

противопоставленные друг другу лексемы (микроконтексты), не всегда относящиеся к одной части речи [2].

Грамматические антонимы, согласно морфологическому критерию, можно разделить на разнокорневые *левый – правый / links – rechts* и однокорневые (маркированные) антонимы, причем в силу грамматических различий языков, в русском языке более распространен префиксальный тип образования однокорневых антонимов, представленный формулой $X - \text{contra } X$ (*contra* будет являться приставкой), а в немецком – и префиксальный $X - \text{contra}X$ (*contra* будет являться приставкой) и суффиксальный $X - X\text{contra}$ (*contra* будет являться суффиксом): *erfolgreich – erfolglos* (ср. аналог в русском: *успешный – безуспешный*) типы.

Принимая во внимание структурно-семантическую организацию антонимов, разнокорневые и однокорневые противопоставления, с нашей точки зрения, сводятся к следующим формулам, где X и Y – лексемы с противоположным значением:

- 1) $X - Y$;
- 2) $X - XY - Y$;
- 3) $X \leftrightarrow Y / X < Y, X > Y$.

В каждой из формул реализуются функции антонимов. Так, в первой формуле $X - \text{contra } Y$ – функция взаимоисключения, в $X - XY - \text{contra } Y$ – полярности, в $X \leftrightarrow Y$, в $X < Y, X > Y$ – взаимообусловленности.

Каждая из формул находит свое место в классификационных типах антонимов немецких и русских лингвистов, в основу классификации которых положен признак, присущий той или иной антонимичной паре: полярность, взаимоисключение или взаимообусловленность. Так, контрастная противоположность (антонимы в узком смысле) может быть представлена формулой $X - XY - Y$: контрастная противоположность (антонимы в узком смысле) характерна, в первую очередь, для качественных прилагательных и образованных от них существительных. Главным признаком этого типа является то, что отрицание одного поня-

тия означает утверждение другого, между этими полюсами существуют переходы: *черный – темно-серый, серый, светло-серый... – белый / Schwarz – dunkelgrau, grau, hellgrau – weiß*.

Контрадикторная противоположность (комплементарность) – X – Y: определяющим признаком комплементарных (контрадикторных) антонимов является нестрогое взаимоисключение. Здесь невозможны «промежуточные» значения, а «утверждение одного понятия означает отрицание другого»: *verheiratet – ledig / женатый – холостой*. Комплементарные антонимы чаще других образуются при помощи словообразовательных элементов: *знакомый – неззнакомый / bekannt – unbekannt, алкогольный – безалкогольный / alkoholfrei – alkoholfreudig* [4; С. 214].

Конверсивная противоположность – X ↔ Y: данный тип противоположности чаще всего представлен глаголами, «обозначающими действие, процесс с противоположных позиций» [4; С. 216]. Два одновременно происходящих действия выполняются разными субъектами: *выигрывать – проигрывать / -siegen – verlieren, продавать – покупать / -kaufen – verkaufen*. Конверсионная антонимия возможна и между существительными «в той области языковой системы, которая связана с социальными ролями»: *врач – пациент / Arzt – Patient, учитель – ученик / Lehrer – Schüler* и т.п.

Другой тип противоположности представлен формами сравнительной степени прилагательных (или наречий), относимый Л.А. Новиковым к конверсионному противопоставлению: X < Y, X > Y, если считать эквивалентными противопоставления типа: *меньше – больше / weniger – mehr* то отсюда следует, что *меньше = не больше – больше = не меньше / weniger = nicht mehr — mehr = nicht weniger*. Элемент сильного отрицания может быть,

следовательно, выделен и в толковании конверсивов, выражающих различного рода отношения между участниками одной ситуации (предметами) [3].

Результаты синтагматического рассмотрения антонимии позволили, в свою очередь, путем восхождения от «текста» к «системе» (=языку) перейти к построению антонимических парадигм и их вариантов, а также наметить основные разновидности антонимов в зависимости от типа выражаемой ими противоположности.

Главным является то, что в контексте происходит расширение антонимичных возможностей, благодаря чему возможно не только изменение составляющих языковых антонимичных пар, но и появление антонимов у лексем, не способных к антонимии вне контекста. Такие противопоставления являются строго обусловленными.

Практический анализ привел к заключению, что антонимы русского и немецкого языков характеризуются в плане синтагматики высокой степенью совместной встречаемости, единой понятийной (семантической) и функциональной сферой их употребления, большим сходством в их лексической сочетаемости. В плане парадигматики этому соответствует, как следует из примеров, данных в анализе, одинаковый компонентный состав антонимов, противостоящих лишь по одному признаку, существенному как для их оппозиции, так и для выражения одной из разновидностей противоположности. В синтаксическом отношении антонимы русского и немецкого языков представлены общими структурами противопоставлений, различающимися языковым воплощением в силу различной грамматической и фонетической организации языков.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке / В.Н. Комиссаров // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1962. – № 2. – С. 168-174.

2. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.

3. Новиков Л.А. Антонимы в русском языке /

Л.А. Новиков. – М.: Высшая Школа, 1973. – 225 с.

4. Schippan T. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* / T. Schippan. – Tübingen.: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 306 S.

5. Stepanova M.D. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* / M.D. Stepanova, I.I. Cheernyseva. – М.: Издательский центр "Академия", 2003. – 256 с.

6. WWW-версия "Читай-город": он-лайн версии газет и журналов: сайт Комитета культуры и молодежной политики администрации

Великого Новгорода, председатель комитета Попова Ольга Борисовна. – 2009 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.08.2009. – URL: www.younglib.novgorod.ru (дата обращения: 17.08.2009).

7. COSMAS II: *Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache: Eric Seubert (Leitung)*. – 2009 [Die elektronische Ressource]. Letzte Änderung: 30.07.2009. – URL: <http://www.ids-mannheim.de> (Behandlungsdatum: 17.08.2009).

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Толстая А.Л., аспирантка, Курский государственный технический университет (КГТУ)
Служ. тел.: 8(4712)52-38-28

A. Tolstaja, the post-graduate student, Kursk State Technical University

Научные интересы: сопоставительное языкознание

Areas of expertise: comparative linguistics

Боженкова Н.А., д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Курский государственный технический университет
Служ. тел.: 8(4712)52-38-28

N. Bozhenkova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the chair of Theoretical, Applied and communicative linguistics, Faculty of Linguistics and Intercultural Communications of Kursk State Technical University

Научные интересы: теория речевых актов, категория дейксиса и другие вопросы, рассматриваемые в русле когнитивно-прагматического подхода

Areas of expertise: theory of speech acts, category of deixis and other questions, considered under cognitive pragmatic approach





УДК 811.161.1+811.111

Топоева Айго Олеговна
Aigo Topoeva

**О СТРУКТУРЕ АССОЦИАТ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
STRONG – СИЛЬНЫЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ**

**ON STRUCTURE OF ASSOCIATIONS OF THE
ADJECTIVES STRONG – СИЛЬНЫЙ IN LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS OF
RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES**

Предлагаемая статья посвящена сопоставительному анализу структуры и содержания ассоциат прилагательных strong – сильный. Большинство полученных реакций связано с характеристикой человека. Выявляются сходства и различия в восприятии фрагментов мира представителями разных культур

The given article deals with the comparative analysis of the associations' structure and content of the adjectives strong – сильный. The majority of the received reactions are connected with a person's description. In the article similarities and differences in the perception of the words' fragments by the representatives of different cultures are revealed

Ключевые слова: концепт, ассоциация, языковое сознание, ассоциативный эксперимент

Key words: concept, association, worldview, associative experiment

Прилагательные *strong – сильный* в английском и русском языках входят в состав наиболее употребительных слов и представляют собой фундамент повседневной коммуникации [2; С. 51]. В ядре языкового сознания русских *сильный* занимает 23 место [1; С. 55].

Соглашаясь с учеными в том, что «...не только разные языки «концептуализируют» (т.е. преломляют) действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей стоят разные концепты» [4; С. 3], мы предприняли попытку выявить особенности в структуре значений *strong – сильный* в языковом сознании носителей английского и русского языков.

Для решения поставленной задачи в

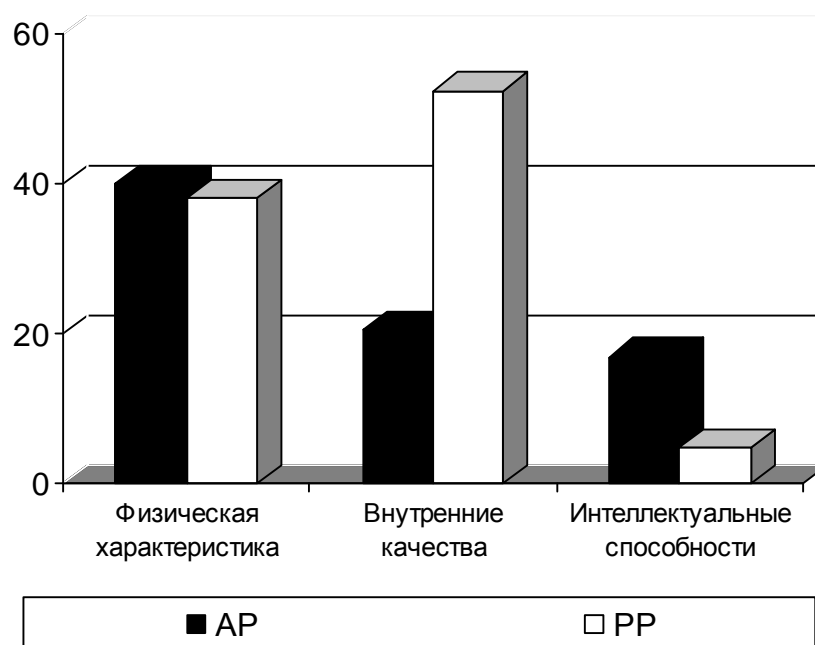
2009 г. нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). В нем приняли участие 40 англоязычных и 133 – русскоязычных респондента. Среди англоязычных респондентов (АР), проживающих в США и Великобритании, 23 респондента женского пола и 17 – мужского. Среди русскоязычных респондентов (РР) 64 представителя мужского пола, 69 – женского.

Анализ первых реакций обеих групп респондентов позволил выделить как общие, так и индивидуальные семантические зоны (СЗ). К доминирующим общим СЗ можно отнести ассоциаты, характеризующие человека с точки зрения:

- а) физической силы;
- б) внутренних качеств;

в) интеллектуальных способностей.
Удельный вес выявленных общих СЗ в языковом сознании двух групп респондентов

оказался разным при наиболее высокой степени совпадения в группе реакций, объединенных характеристикой физической силы.



Распределение ассоциат в структуре общих СЗ

Как видно из представленной диаграммы, в структуре реакций AP, относящихся к выявленным общим СЗ, доминирующей оказалась СЗ «физическая характеристика», к которой относятся около 40 % ассоциат. Остальные две СЗ занимают примерно одинаковые позиции. Разница в удельном весе СЗ, представленных реакциями PP, оказалась более выраженной. Лидирующей оказалась СЗ «внутренние качества человека», которая составила около половины полученных реакций. На втором месте оказалась СЗ «физическая характеристика человека» с 38 % реакций. СЗ «интеллектуальные способности человека» объединила наименьшее количество реакций PP – около 5 %. У группы AP в данную СЗ входит около 17 % ассоциатов.

В первой СЗ слово-стимул *strong* вызвал такие ассоциации AP, как *muscles* (5) «мускулы», *body* (2) «тело», *energetic* (2) «энергич-

ный», *muscular* «мускулистый», *physical* «физический», *force* «сила», *terminator* «терминатор», *hulk* «громадина, увалень, «медведь», большой неуклюжий человек», *Muscle Head* «амбал», *man with giant muscles* «человек с огромными мускулами».

У PP в данной СЗ лидирует реакция *большой* (10), отсутствующая у AP. Среди повторяющихся ассоциатов представлены также: *крепкий* (3), *здоровый* (3), *ловкий* (3), *спортсмен* (2), *выносливый* (2), *мощный* (2). Далее следует группа единичных реакций, связанных со спортом (*борец, спорт, атлет, штангист*) и физической силой (*мускулы, мышцы, мощь, могучий, непобедимый, физически, физически сильный, закаленный, могучий, удар, лев*). Следует отметить наличие гендерной маркированности реакций PP как через слова *пол, мужик*, так и через окончания мужского рода всех реакций-прилагательных.

Отличительной особенностью первой СЗ у АР является ироничное отношение к наличию излишней физической силы (*hulk, Muscle Head, man with giant muscles*). У РР заметно более серьезное отношение к развитию физической силы, несмотря на то, что данная СЗ занимает только второе место: *большой (10), крепкий (3), здоровый (3), ловкий (2), выносливый (2), мощный (2), закаленный и т.д.*

Вторая СЗ, связанная с характеристикой внутренних качеств человека, представлена следующими реакциями АР: *honest «честный», courageous «смелый», optimistic «оптимистичный», determined «решительный», self-reliant «уверенный в себе», self-aware «обладающий самосознанием», perseverance «настойчивость», insistence «настойчивость».* Данная СЗ представлена такими характеристиками РР, как *храбрый (9), мужественный (8), смелый (7), характер (5), волевой (3), отважный (3), мужество (2), лидер (2), уверенный в себе (2), воля (2), уверенность (2), надежный (2), дух, уверенный, самоуверенный, решительный, оптимист, терпеливый; человек, который улыбается, несмотря ни на что.*

Очевидна общность таких характеристик, как смелость, оптимистичность и уверенность в ассоциативных полях обеих групп респондентов. К особенностям можно отнести наличие таких реакций, как *honest «честный», self-aware «обладающий самосознанием», perseverance и insistence «настойчивость»* в группе АР, и *лидер, надежный* – в группе РР.

Реакции на слово-стимул *strong* в третьей СЗ представлены такими реакциями АР, как *mental (2) «интеллектуальный, умственный», wise (2) «мудрый», resourceful «находчивый», stupid «глупый», mind «разум, умственные способности».* У РР слово-стимул *сильный* ассоциируется со следующими словами: *умный (4), мудрый, грамотный.* При общей позитивной реакции в обеих группах, обращает на себя внимание наличие антонимичной реакции *stupid «глупый»* у АР. К ней примыкает и реакция *Muscle Head* из первой СЗ, обладающая

дополнительным значением *«придурок».*

По данным лексикографических источников анализируемые прилагательные обладают значениями, совпадающими с выделенными СЗ. Так, из всех значений прилагательного *strong* можно выделить шесть значений, характеризующих сильного человека.

1. Having active physical power, or great physical power to act; vigorous.

2. Having passive physical power; having ability to bear or endure.

3. Having great military or naval force.

4. Ardent; eager; zealous; earnestly engaged.

5. Having great force, vigor, power, or the like, as the mind, intellect, or any faculty.

6. Vigorous; effective; forcible; powerful [5].

На первом месте, как и по данным нашего САЭ, стоит значение физической силы, на втором – внутренние качества человека. Значение интеллектуальной силы также входит в структуру значений полисеманта *strong*.

В русском языке данные лексикографических источников предлагают четыре значения прилагательного *сильный*, которые могут быть отнесены к характеристике человека:

1) обладающий большой физической силой;

2) обладающий упорством, настойчивостью;

3) мощный, могущественный;

4) достаточно сведущий, умелый в чем-либо, в какой-либо области; знающий [3; С. 802-803]. Данные значения также были представлены в трех основных СЗ реакции РР. Отличие заключается в том, что второе словарное значение прилагательного *сильный* оказалось ведущим в языковом сознании РР.

По итогам САЭ были выявлены значения, которые встречаются в реакциях только одной группы респондентов. Так, например, среди реакций АР 12,5 % составляют ассоциаты, называющие эмоции. СЗ эмоций включает следующие реакции: *passion (2) «страсть», desire «(страстное) желание», love «любовь», wish «желание».*

Кроме того, выявлено незначительное количество реакций, не относящихся к характеристике человека, но разных в обеих группах респондентов. У АР выделяется группа реакций, называющих неодушевленные предметы (10 %): *coffee* (2) «кофе», *горe* «канат», *thick grey cement* «плотный цемент». Подобные реакции могли появиться и у РР, если бы в качестве слова-стимула выступало прилагательное *крепкий*. Особые СЗ, представленные только у РР, составляют реакции, связанные с явлениями природы (*ветер* (3), *дождь*, *мороз*)

– 4,7 %.

Таким образом, сопоставительный анализ структуры и содержания ассоциат прилагательных *strong* – *сильный* выявил антропоцентричность языкового сознания респондентов обеих групп, большинство реакций которых связано с характеристикой человека. Он также позволил выявить сходства и различия в восприятии, кодировании и концептуализации фрагментов мира представителями разных культур.

Литература

1. Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (Хакасы. Русские. Англичане) / А.П. Боргоякова. – М.: Советский писатель, 2003. – 152 с.

2. Петроченков А.В. Предисловие / А.В. Петроченков // Англо-русский словарь: 200 наиболее употребимых слов английского языка. – Смоленск: ТОО «Инга», 1996. – 336 с.

3. Словарь современного русского литературного языка. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 1516 с.

4. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и схемы. – М., 1992. – № 3. – С. 1-7.

5. Webster Universal Dictionary of the English Language. – [Электронный ресурс]. URL: <http://altad.ru/Strong.html> (дата обращения 20.10.09).

Коротко об авторе

Топоева А.О., ассистентка, институт Саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ)

Научные интересы: межкультурная коммуникация, психолингвистика, когнитивная лингвистика

Briefly about the author

A. Topoeva, Assistant, Institute of Sayano-Altay Tyurkology, Hakassia State University named after N.F. Katanov

Scientific interests: intercultural communication, psycholinguistics, cognitive linguistics





УДК 811.11

Трофимова Жанна Вадимовна
Zhanna Trofimova

**НЕОПРЕДЕЛЕННО МАЛОЕ КОЛИЧЕСТВО
В СФЕРЕ ЭМОЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

**INDEFINABLY LOW QUANTITY
IN EMOTIONAL SPHERE
(ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)**

Статья посвящена изучению способов выражения понятия неопределённо малого количества в высказываниях, описывающих эмоции. Исследуются субстантивные конструкции «существительное» + «существительное», где первым компонентом являются существительные разных семантических классов, способные выразить понятие неопределённо малого количества, а вторым компонентом – существительные, обозначающие эмоции

The article studies ways to express the notion of indefinably low quantity in utterances describing emotions. Substantive constructions "noun" + "noun" are researched. Nouns of different semantic classes, which can express notion of indefinably low quantity, serve as the first component and nouns, expressing emotions, serve as the second component.

Ключевые слова: категория неопределённого количества, субкатегория неопределённо малого количества, интенсивность / неинтенсивность, сфера эмоций

Key words: category of indefinably low quantity, subcategory of indefinably low quantity, intensity/non-intensity, emotional sphere

Долгое время вопрос об исследовании эмоциональной составляющей языка решался отрицательно, но с развитием эмотиологии (лингвистики эмоций) многие учёные стали считать этот вопрос заслуживающим внимания лингвистов. В.И. Шаховский вслед за лингвистами Ш. Балли, Ван Гиннекен, Бреаль, А. Зализняк, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяном утверждает, что исследование языкового выражения эмоций, способов классификации эмоций в языке отражает представления об эмоциях в сознании носителей языка. «Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует,

изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [8; С. 3-4].

Работы лингвистов Н.Д. Арутюновой, А. Зализняк, Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресяна часто опираются на свойства эмоций, выявленные психологами. Одним из наиболее важных свойств эмоций является описанное в психологии свойство – интенсивность [5; С. 462]. При описании интенсивности эмоциональных состояний (ЭС) языком вырабатываются сред-

ства выражения количественной оценки эмоций. Это экспонентные средства понятия неопределённого количества (НК). Языковое выражение понятия НК в сфере эмоций есть воплощение в языке объективного противопоставления «интенсивность / неинтенсивность» или восприятия эмоции говорящим как слабой, неинтенсивной или сильной, интенсивной.

На протяжении многих лет исследователи пытались и пытаются выявить соотношение между математическим, логическим и языковым количеством. При рассмотрении категории количества с точки зрения философии отмечается, что эта категория отражает одно из наиболее общих свойств бытия, а именно его количественную определённость [4; С. 227]. Многочисленные классификации лексики с количественным значением (Т.П. Ломтева, В.В. Новицкой, Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс, В.В. Акуленко) [2], З.Я. Тураевой и Я.Г. Биренбаум [6], Г.Г. Галич (Кругликовой) [1, 3] и др. подтверждают неоднозначность в решении этого вопроса и отсутствие прямой зависимости между мыслительной и языковой категориями.

Исследователи выделяют три онтологических вида количества (предметоколичество, процессоколичество, признакоколичество), что связано с выделением в структуре бытия триады: предметы, процессы, признаки [6; С. 122]. Данная онтологическая категория связана с оппозицией расчленённость / нерасчленённость, в других терминах возможно прерывистость / непрерывность, дискретность / недискретность. Расчленённое количество определяется посредством счёта, а нерасчленённое посредством измерения. В процессе осознания нерасчленённого количества происходит сопоставление с естественной или искусственной конвенциональной единицей. Поскольку предметом данного исследования являются способы выражения количества в выражениях, описывающих эмоции, содержащих существительные – номинации ЭС, то возникает необходимость их изучения с точки зрения оппозиции расчленённость / нерасчленённость. Так как существительные, номинирующие, ЭС от-

носятся к абстрактным, неисчисляемым, то для них характерно понятие нерасчленённости. Для передачи нерасчленённого количества необходимы единицы измерения конвенциональные (тонна, фунт, сутки и т.д.) или неконвенциональные. В статье исследуются существительные, выполняющие роль неконвенциональных единиц измерения, сочетающиеся с номинациями эмоций. Что касается оппозиции определённого / неопределённого количества, то рассматриваются только существительные как средства выражения неопределённого количества (НК), поскольку они отражают количественные отношения объективного мира не точно, а приближённо.

Языковые средства обозначения НК часто не только передают количественные отношения, но и содержат оценочный компонент. Попытки выявить особенности способов выражения понятия НК в языке предпринимались неоднократно. По мнению З.Я. Тураевой, НК, с учётом оценочного компонента, «может оцениваться как большое или малое, как достаточное, чрезмерное, предельное» [6; С. 129]. Более чёткая и полная классификация способов выражения оценочной квантификации по принципу выбора говорящим эталонной шкалы для сравнения с отражаемой величиной представлена в работах Г.Г. Галич (Кругликовой) [3; С. 58-85].

В настоящей статье исследуется субкатегория неопределённо малого количества (НМК). Разнообразные способы языкового выражения субкатегории НМК разными частями речи для русского, немецкого и французского языков исследовались такими авторами, как В.В. Акуленко, Л.Г. Акуленко, И.Л. Клименко, Е.И. Букреевой [2], Е.В. Чекалиной [7] и др. Субкатегория НМК, в отличие от субкатегории неопределённо большого количества (НБК), исследована значительно меньше, в частности в работах В.В. Акуленко и др. [2] для английского языка не описана.

В данной статье исследуются в качестве способов языкового выражения категории количества существительные, выполняющие

роль неконвенциональных единиц измерения, сочетающиеся с номинациями эмоций.

Цель данной работы – исследовать возможные неконвенциональные единицы измерения (квантитативы – существительные), выражающие понятие НМК, употребляющиеся в качестве первого компонента в конструкции «существительное» + «существительное», где вторым компонентом являются существительные, обозначающие ЭС.

Имена существительные, выступающие в роли первого компонента в таких конструкциях, могут соотноситься с идеей НМК в первичном и вторичном значении. Эти существительные с количественной семантикой в данной работе будут называться квантитативами. Термин был применён Т.П. Ломтевым, который назвал квантитативами слова, которые «определяют количественную характеристику отдельных предметов, отдельных множеств предметов или отдельных действий [2; С. 14], использован в работах В.В. Химик, В.В. Акуленко [2], Е.М. Чекалиной [7].

Материалом исследования послужили высказывания, описывающие эмоции, цитируемые по Корпусу английского языка «British National Corpus» [BC], словарным статьям толковых словарей английского языка: Dictionary of English Language and Culture, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary [10; 11; 12].

Количество слов – репрезентантов идеи НМК, существительных, которые во вторичном значении представляют идею малого количества, в обоих языках значительно меньше, чем количество единиц, репрезентирующих субкатегорию большого количества. Количество существительных, репрезентирующих идею неопределённо малого количества, является величиной ограниченной. Исследователями отмечено, что поля НБК и НМК разработаны в языке в разной степени, являются неравнозначными в языке, будучи равнозначными логически.

Количество существительных, которые

во вторичном значении представляют идею малого количества, значительно меньше, чем количество единиц, репрезентирующих субкатегорию НБК. Понятие НМК в выражениях, описывающих сферу эмоций, создаётся рядом образов, который значительно беднее, чем соответствующий ряд образов, выражающих понятие НБК. Но все образы, формирующие понятие НМК, имеют соответствие в ряду образов, выражающих понятие НБК.

Понятие НБК довольно часто представлено образами «сильного», а понятие НМК может быть выражено образом кратковременных явлений или явлений слабой интенсивности, которые занимают самое значительное место по количеству членов ряда, способных выражать понятие НМК.

Способствовать созданию понятия НМК в выражениях, описывающих сферу эмоций, могут образы неинтенсивных природных явлений и малых природных объектов. Это образы малой частицы огня и слабого света, малого количества воды и слабого движения воды, слабого движения воздушных масс, единичных мелких плодов растений, мельчайших частиц материи, малой площади, окружённой водой, малого вместилища, малой совокупности объектов, малых единиц измерения веса, малой денежной меры, короткого временного периода, малой части чего-либо, малой дозы, отражения, признака чего-либо и др.

Это существительные, которые создают образ непостоянного, колеблющегося света или огня: *flicker*, малой частицы огня: *spark(s) – flicker of anger*; *But as she ... a tiny spark of anger flared within her* [9, JY5 836].

Почти весь ряд английских существительных со значением малого количества света может выражать понятие НМК в сфере эмоций: *gleam, glimmer, ray(s), sparkle, glint, twinkle, glow, shaft*. Способность английских существительных *gleam, glimmer, ray(s)* выражать понятие НМК отмечена в словарях, остальные, по всей видимости, можно отнести к этому ряду, поскольку они обозначают либо слабый, тусклый свет, либо кратковременный свет в при-

марном значении, и, соответственно, слабое проявление чего-либо, например эмоции, в метафорическом значении: *gleam of spite*. Такой способ выражения НМК особенно характерен для сферы эмоций: *Gallagher felt a warm glow of satisfaction* [9, B1X 2714].

Выражать понятие НМК могут не только слова, обозначающие неинтенсивный свет и огонь, но и лексемы с семантикой яркого света: *glitter* и огня: *fire, flame*, при наличии деинтенсификаторов: *faint, brief, tiny, little*; *A faint glitter of angry amusement grew to a smile* [9, GUE 2616]; *A tiny flame of hope that Lucy ... flickered and died ...* [9, JY2 3129].

По всей видимости, оба слова, означающие денотат «луч»: *beam, ray*, вызывают у носителей языка количественные ассоциации: *ray (beam) of hope*.

В английском языке выявлены квантитативы, обозначающие в исходном значении малое количество: *drop* или слабое движение: *trickle*, неинтенсивное колебательное движение воды: *ripples* которые в метафорическом значении выражают понятие НМК и могут сочетаться с номинациями эмоций: *ripples of excitement, trickle of fear* (окказионально *drop of sympathy*). Тяготеющее к обозначению понятия НБК, слово *spurt*, означающее извержения воды, может указывать и на НМК при употреблении деинтенсификатора: ... *Alice felt a little spurt of triumph...* [9, EV1 2223].

Образы слабого движения воздуха: *breath, breeze, miasma – miasma of depression*, малой площади, окружённой большой площадью (воды, суши): *isles, oasis – oasis of delight*, температурных характеристик малой амплитуды: *warm, warmth, chill – chill of fear*; мельчайших частиц материи: *atom, molecule – atom of tenderness*, малых отрезков времени: *second, moment – moment of joy*, малой части чего-либо или малого куска могут способствовать формированию понятия НМК: *scrap, element, shred, particle, whit* (книжн.); среди которых все отмечены в сфере ЭС, кроме слов *shred, whit – element of anger*; *The darkness of fog gave the ... the element of surprise* [10; С. 422].

Слова со значением физиологических реакций человека, как правило, передают понятие НБК, поскольку все они обозначают интенсивные реакции человека, например «дрожь». Но если их определяют деинтенсификаторы, то они могут выражать понятие НМК:

Her mother moved in a tiny spasm of denial and unhappiness [9, HA6 3399].

Образ вместилища, достаточно полно представленный в ряду слов, формирующих понятие НБК, выражает понятие НМК достаточно редко, особенно в сфере эмоций: *spoonful, pocket(s) – pockets of horror;... added his spoonful of mischief by ...* [6, CR8 1638]; *I don't have many pockets of enjoyment. So it's nice* [9, HJ3 583].

Понятие НМК может создаваться существительными со значением единичных мелких растений и плодов растений: *grain, seed – seed of anger, grain of feeling (excitement)* (существительное *grain* возможно имеет исходное значение – мера веса).

Образ совокупности может использоваться для выражения идеи НМК: *wisp – wisp of fear*, но происходит это значительно реже, чем НБК, поскольку он ассоциируется у носителей языка прежде всего с понятием большого.

Понятие НМК может быть выражено лексемами, которые представляют эталоном измерения тело человека и его действия, например отглагольными существительными: *lick, touch – lick of pleasure, touch of grief*.

В английском языке возможна разная языковая трактовка идентичных денотатов. Из пяти английских слов, означающих реалию «глоток»: *drink, mouthful, draught, sip* («маленький глоток»), *gulp* («большой глоток»); понятие НМК может выражать только лексема *draught – draught of happiness*.

Из семи существительных с семантикой «кусочек»: *morsel, scrap* («малое количество», «кусочек»), *grain, piece, bit, slice*, («маленький кусочек»), *lump* («большой кусочек»), все слова, кроме существительного *grain* (в значении «маленький кусочек») (*grain of salt, sand, sugar*) отме-

чены в сочетаемости с именами ЭС, но круг их сочетаемости ограничен и представлен в исследуемом материале одним – двумя словами: *slice of happiness*.

На понятие НМК могут указывать те из них, которые описывают небольшое количество: *piece, bit, slice, morsel, scrap*; *She gave him a morsel of hope because he ... [9, EVC 1615]*. Слова *piece, bit, slice* могут выражать понятие НБК и НМК в сочетании с интенсификаторами.

Слова с семантическими признаками меры веса: *grain, ounce*, длины: *inch* и денежной меры: *penny* характеризуют национально-специфичные способы выражения единиц измерения и обозначения идеи НМК.

Из них только слова, обозначающие меру веса: *grain, ounce – ounce of passion, not a grain of pity* и денежную меру: *mite – a mite of comfort* могут сочетаться с обозначениями ЭС.

Специфичным способом выражения понятия НМК, неприемлемым для НБК, являются слова, объединённые образом не самого предмета, а его отображения или признака. Это существительные:

1) имеющие значение по данным толковых словарей «небольшое количество чего-нибудь» – *shadow, vestige, ghost(s), smattering – vestige of depression*;

2) не отмеченные в словаре как выражающие понятие НМК, но означающие «намёк, знак, признак чего-либо, слабое проявление чего-либо»: *imprint, trace, hint, sign – sign of annoyance; Conversely, desire bears the imprint of disgust ... [9, A6D 204]; ...*

Возможно использование деинтенсифи-

каторов: *He reminds her ... though she could see a faint trace of anger ... [9, JY5 1194]*.

Понятие НМК может быть выражено существительными, содержащими концептуальный признак «слабое воздействие», со значением свойств объекта, воздействующих на органы чувств (органы слухового, зрительного, вкусового восприятия, органы обоняния и осязания), такими, как цвет: *tinge – tinge of sadness*, вкус: *smack, taste – taste of grief*, запах: *tang, smell – tang of fear*, текстура: *texture – texture of feelings*, звук: *note*.

Подводя итоги, можно сказать, что способы обозначения НМК в сфере эмоций представлены рядом образов, который значительно беднее, чем соответствующий ряд образов, выражающих понятие НБК.

Количественное наполнение рядов может быть разным, что связано с более широкой расчленённостью смыслов внутри одного тематического ряда, например слов со значением малого количества света. Данная статья позволила выявить тематический ряд специфических средств обозначения НМК, не описанных ранее, например существительные, содержащие концептуальный признак «слабое воздействие». Это могут быть существительные со значением воздействия на организм человека в целом, а также воздействия на отдельные органы человека: на органы слуха, зрения, органы восприятия вкуса и запаха. Данное исследование также позволило пополнить описанные другими авторами тематические ряды новыми членами ряда, часто специфичными для описания сферы эмоций.

Литература

1. Галич Г.Г. Когнитивная категория количества и её реализация в современном немецком языке / Г.Г. Галич. – Омск: ОмГУ, 2002. – 208 с.

2. Категория количества в современных европейских языках / В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреева и др. – Киев: Наукова Думка, 1990. – 283 с.

3. Кругликова Г.Г. Опыт лингвокогнитивного описания высказываний о количестве / Г.Г. Кругликова. – Омск: ОмГТУ, 1996. – 132 с.

4. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

5. Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – изд. 2-е, исправ. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

6. Тураева З.Я. Некоторые особенности категории количества / З.Я. Тураева, Я.Г. Биренбаум // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 122-130.

7. Чекалина Е.М. Квантитативная метафора во французском и русском языках (на материале словосочетаний со значением неопределённо малого количества) / Е.М. Чекалина // Семантика. Прагматика. Социолингвистика: межвузовский сборник / Отв. ред. Т.А. Репина. – Ленинград, 1990. – С. 64-77.

8. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций / В.И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 3-13.

9. [BC] – British National Corpus [Electronic re-

source] / [http:// www.natcorp.ox.ac.uk](http://www.natcorp.ox.ac.uk)

10. [DELC] – Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Longman, Pearson Education Limited, 2002. – 1568 p.

11. [OALD] – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Hornby A.S., Oxford New York, Oxford University Press, 1995. – 1428 p.

12. [OALD] – Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary, Oxford University Press, 1992. – 1081 p.

Коротко об авторе

Трофимова Ж.В., аспирантка, Омский государственный университет (ОмГУ)
zhantrof@mail.ru

Научные интересы: изучение эмоциональной языковой картины мира английского языка, а также в сопоставительном аспекте в английском и русском языках

Briefly about the author

Zh. Trofimova, post-graduate student, Omsk State University (OSU)

Areas of expertise: research of emotional linguistic world-image of English language, its comparison in Russian and English



Философия



УДК 008 (571.5)

Жуков Артем Вадимович
Artyom Zhukov

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА:
ФИЛОСОФСКАЯ ДИСКУССИЯ**

**ROLE OF ORTHODOXY IN FORMATION OF CON-
FESSIONAL SPHERE OF THE BAIKAL REGION:
PHILOSOPHICAL DISCUSSION**

Статья посвящена дискуссионным вопросам содержания и сущности конфессионального поля Байкальского региона. Автор поднимает вопрос о роли православия, буддизма, новых религиозных движений на конфессиональном поле. Существенное значение имеет вопрос о месте светского религиоведения в современном научном дискурсе. Важное место в дискуссии занимает вопрос о мифотворческой роли автора, создающего текст о религиозной жизни населения региона

The article deals with the discussion about content and essence of confessional sphere of the Baikal region. The author raises a question of the role of Orthodoxy, Buddhism and new religious movements in the sphere. The place of secular religious studies in the contemporary scientific discourse is also of much significance. The important place in discussion belongs to mythocreative role of a person compiling a text about religious life of population of a region

Ключевые слова: конфессиональное поле, Байкальский регион, православие, тибетский буддизм, ваджраяна, тантризм, нетрадиционные религиозные движения, духовный вакуум, православное религиоведение

Key words: confessional sphere, the Baikal region, Orthodoxy, religious movements, religious studies

«Православное религиоведение», по мнению А.Н. Красникова, – это одна из главных тенденций в отечественной науке, которая показывает, что в нашей стране исследовать религию могут как «верующие, так и неверующие» [13; С. 4]. Однако озабоченность вызывает то, что «православные верующие, пополняющие ряды религиоведов, открыто заявляют, что религиоведения не существует вовсе. Свою главную задачу

они видят в разрушении религиоведческих институций и создании вместо них теологических подразделений в государственных вузах и научных организациях» [13; С. 6]. А.Н. Красников не подтвердил свое утверждение примером произведений авторов названного направления. Эта возможность предоставляется нам в связи с увеличившимся количеством публикаций православных авторов, посвященных исследованию религиозности в Байкальском ре-

гионе. Среди авторов этого направления выделяется И.А. Арзуманов, посвятивший свою научную деятельность анализу конфессионального поля Байкальской Сибири [1; 2; 3]. Рассмотрим некоторые из его идей в контексте концепции А.Н. Красникова.

Начнем анализ трудов И.А. Арзуманова с того, что приведем цитату из программного произведения «Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX-XXI вв.)», согласно которому «региональное конфессиональное поле изначально формировалось под воздействием предельных ценностей мировоззренческого комплекса православия» [2; С. 70-75]. Согласно этой идеологии, православие считается традицией, с которой связаны «кредовые позиции конфессионального поля Байкальского региона» [2; С. 70-75]. Все остальные религии считаются «инновационно-трансформирующими» и противопоставленными «кредовым». В качестве свидетельства автор привлекает слова В.С. Глаголева, который указывает на то, что к «1904-1905 гг. край уже... не поддавался отторжению. В этом была и заслуга миссионерских усилий православной церкви». Кроме этого, В.С. Глаголев отмечает миссионерскую роль православия в Китае, Монголии и Японии [9; С. 34]. Однако нигде В.С. Глаголев не пишет о том, что миссионерская активность была хоть сколько-нибудь эффективной. Однако специалисты, которые занимаются исследованием религиозности, отмечают недостаточность миссионерских усилий РПЦ [4; С. 152].

Противопоставляя православие новациям, Арзуманов рисует яркую картину «Своего» пространства «русских традиций и порядка», борющегося против влияния «Чужих» иностранных вер и культур. Однако при конструировании мифа автору пришлось разрешать определенные трудности с такой религией, как буддизм.

Буддизм в рамках конфессионального поля Байкальской Сибири имеет все основания заявлять о своей культуротворческой и государствообразующей роли и имеет опору

среди бурятского населения. Автор православной ориентации конструирует такое поведение о буддизме, которое может изумить любого человека, сведущего в вопросах буддологии. Создание авторской мифологии о буддизме, традиционном, но демоническом враге Православия, начинается с привлечения законодательных актов, в которых правительства были узаконены позиции православия и буддизма [12; С. 138-150]. Анализируя содержание документов, И.А. Арзуманов пришел к выводу, что именно эти документы сформировали конфессиональное поле так, чтобы в его основе лежала православная культура и ее ценности. Легитимности православной церкви И.А. Арзуманов противопоставляет положение бурятского буддизма и других религий, которые не были признаны в своде Законов Российской Империи [7; С. 55]. По мнению автора, православие являлось единственно законной религией и потому подлинной религией в противовес всем неподлинным, которые разрешительных документов не имели. Но мифология Арзуманова направлена на формирование в сознании читателя непрерывной взаимосвязи, раз религия была законна, значит она – традиционна, если у религии не было документов – значит, она не носит традиционный характер. Таким образом, мы должны вычеркнуть из списка традиционных религий не только зарубежные конфессии, но старообрядчество, шаманизм и буддизм во времени до принятия в 1853 г. «Положения о ламайском духовенстве» [2; С. 77].

Тем не менее, мы должны признать, что как организованная религия буддизм появился в Забайкалье раньше православия. Буддийская конфессия первой принесла альтернативу шаманистским культам бурят и эвенков, вынужденным объединяться для противостояния этому нововведению. В этом противостоянии буддизма и шаманизма и возникло пространство взаимодействия конфессий, в котором религии существуют как вынужденная и взаимная дополнительность верований, божеств и культов. Православие, появившееся в регионе

в XVII в., не формировало конфессиональное поле, наоборот, оно, как новация, вынуждено было примерять себя к этим религиям и предельно мягко пытаться утвердить себя на конфессиональном поле Байкальской Сибири, о чем пишет О.В. Бураева [4; С. 152].

Противостояние буддизма и православия привело к появлению мифологемы, в которой совместились «традиционность» и «образ врага». В мифе И.А. Арзуманова Тибетский Буддизм противопоставляется Православию как «антирелигия».

Во-первых, буддизм отрицает душу [15; С. 235]. Это, по мысли автора, указывает на то, что религия должна не отрицать, а спасать душу.

Во-вторых, тибетский буддизм рассматривается такой модификацией буддизма, в которой «едва ли не вся специфика..., многие его культы и обряды возникли в первую очередь на основе буддийского тантризма» [7; С. 87], здесь подчеркивается магический характер этой религии, который противопоставляется подлинно религиозному характеру православия.

В-третьих, тибетский буддизм рассматривается как представитель теократического государства, которое сопоставимо, по мнению автора, с «папоцезаризмом Ватикана, а в мире ислама – с ваххабитскими Саудовской Аравией, Арабскими Эмиратами и с Османской Империей периода XVII-XIX вв.» [2; С. 78].

В-четвертых, тантрические программы буддийской религии связываются Арзумановым исключительно с «сексуальной магией Калачакры». Надо сказать, что миф о сексуальной распущенности религиозных оппонентов – это наиболее популярный миф, характерный для межконфессиональных отношений.

В-пятых, буддисты Забайкалья обвиняются Арзумановым в подготовке мировой войны. Он приводит описания К.М. Герасимовой о том, что «В эти же годы усиленно пропагандировалась идея Шамбалын сэзэг – мировой священной войны буддистов против безбожни-

ков и еретиков» [8]. Буддизм, по его мнению, это оружие борьбы против православия. «Согласно теократическим доктринам ламаизма, любой, противодействующий торжеству буддийского закона, становится, как следствие, врагом ламаистской веры со всем последующим за этим спектром средств борьбы с ним – вплоть до политических», – говорит И.А. Арзуманов [2; С. 178].

Далее автор рисует картину вражеского вторжения со стороны буддизма, «методы защиты интересов тибетских теократических институтов в России в течение ряда лет отрабатываются общественными организациями под общим названием «Друзья Тибета» [2; С. 178]. Эскалация напряженности в связи с этим отмечалась не только в Бурятии, Туве, Калмыкии, но в Петербурге, Москве. Приходится констатировать, что без прозелитизма некоторых чиновников... ламаизм никогда не смог бы возродиться в формах, дестабилизирующих общественно-политическую жизнь региона» [2; С. 178].

Увенчивается конструирование мифа образом буддиста, участвующего в культе человеческих жертвоприношений и обрядах, где сакральное действие предваряется каннибалистской оргией с пожиранием мяса и крови врагов религии [14; С. 173]. И, наконец, «говоря о социополитических последствиях» воздействия этой религии на верующего, автор завершает миф прямым указанием на то, что буддизм – это религия человеческих жертвоприношений, «уже в новейшее время имели место случаи ритуальных человеческих жертвоприношений. В годы гражданской войны (1918-1921) также имелись случаи принесения монголами-тантристами человеческих жертв» [5; С. 184].

Таким образом, мифологический образ конфессионального пространства Байкальской Сибири до нач. XX в., сконструированный Арзумановым, состоит в «мифосистеме», в центре которой находится Православная Епархия, которая посредством легитимного миссионерства распространяет свет традици-

онной общероссийской веры на окраины империи. Ей противостоит мифологический антипод в виде каннибалистского Буддизма. На периферию мифосистемы отменяются все остальные религиозное инакомыслие, представленное католичеством, исламом, протестантизмом и пр. Отметим, что в период с XVII в. до 1905 г. конфессиональное поле региона, по мнению автора, приближалось к идеалу – моноконфессиональности, но период, наступивший позже, с мифологической точки зрения другим словом кроме преапокалиптического не назовешь.

Сначала Православие было ослаблено в течение советского периода, а затем, воспользовавшись этим [2; С. 94], силы Запада начали «насильственное вторжение новых, нетрадиционных для России иностранных религиозных миссий на традиционный духовный менталитет российских народов» [10; С. 73]. Важным «мифологическим понятием», используемым автором, является образ «идеологического вакуума», «разрушающего душу народа». По мнению автора, именно «духовный вакуум» привел к «исчезновению системы приоритетов и ценностей, заменяемых западными ценностями» [11; С. 482]. Россияне являются жертвами обмана и агрессии со стороны религиозных движений Запада, и единственным их спасителем выступает Православие.

Структура конфессионального поля, по мнению автора, в это время изменилась. Сильной стороной теперь выступает разрушительная часть религиозной «мифосистемы», представленная Западными конфессиями, которые под покровительством неких политических сил из области периферии перемещаются ближе к ее центру, нанося непоправимый урон ценностной основе российского общества. «Западные миссии всегда рассматривались как существенный и неотъемлемый элемент культурной экспансии европейско-американских народов, ..., способствуя территориальной и экзистенциальной экспансии», – пишет автор. Конфессиональные инновации, по его мнению, «функционально размывают традиционные мировоззренческие приорите-

ты, нормы общественных отношений и, как следствие, приводят к трансформации конфессионального поля, которая понимается как дезинтеграция социокультурного пространства», в котором православие представляет «витально-образующую составляющую» [2; С. 4-7]. Распространение религиозных новообразований мифологема относит к политическому влиянию и отрицает возможность личности к свободному выбору. И.А. Арзуманов пишет: «появление различных нетрадиционных религий и культов... воспринимается не как реализация права на свободу совести и вероисповедания, а как религиозная экспансия, угрожающая национальным интересам России» [11; С. 482].

Итак, основой мифологии Арзуманова является вера в возможность определения религиозной сущности конфессионального поля Байкальского региона и России. В качестве общего для всего конфессионального поля культурного кода и фундамента определяется православие. Все противостоящее Православию объявляется либо не соответствующим традиции, а в случае соответствия традиции, оппонировавшей религии придается демонический характер. Важно, что автор ставит вопрос о светском религиоведении, которому, по мнению автора, необходимо определять свою мировоззренческую позицию, т.к. сегодня она, по мнению православного автора, основана на «либерально-демократических ценностях протестантского гуманизма (закрепленных в законодательстве России 90-х гг.), и в самой своей мировоззренческой природе противоположна традиционным приоритетным ценностям» [2; С. 94].

Как кажется, главное, что удалось понять в философской дискуссии с И.А. Арзумановым, это то, что конфессиональное поле – это пространство не одной, а многих конфессий, взаимодействие которых создает поле напряженности, в котором и формируются нормы отношений и терпимости, образ традиции и новации, формирующие религиозную сферу общества. Однако мы не можем пре-

тендовать на сущностную оценку публикаций и мировоззрения И.А. Арзуманова с позиций ответственности истине, но указываем на мифологический характер повествования и структуры текста этого автора. Для повествовательной части работы характерны монологичность и конструирование текстов, основанных на дихотомических противопоставлениях, где положительным характеристикам православия противопоставляются все другие религии с отрицательными значениями. Таким образом, созда-

ется история, в которой православие в регионе не только играет всеохватывающую роль в инкультурационных процессах региона, но и является единственным витально-образующим элементом. Однако существуют и другие точки зрения на природу и процессы, протекающие на конфессиональном поле Байкальской Сибири. Это не только исследования светской направленности, но и самые разнообразные произведения конфессионального характера.

Литература

1. Арзуманов И. К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории Республики Бурятия и в Байкальском регионе / И. Арзуманов, О. Бычков // Миссионерское обозрение. – Белгород, 1994. – № 12. – С. 4-7.
2. Арзуманов И.А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX-XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2006. – 212 с.
3. Арзуманов И.А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансасиатском контексте (XX-XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра культурологии / И.А. Арзуманов. – М., 2008. – 52 с.
4. Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVIII-начале XX в. / О.В. Бураева. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 212 с.
5. Бурдуков А.В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. – Новосибирск, 1927. – № 3. – С. 189.
6. Васильев Л.С. История религий Востока / Л.С. Васильев. – М., 1999. – 416 с.
7. Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири // Буддийский мир глазами российских исследователей XIX первой трети XX века. – СПб.: Наука, 1998. – С. 432.
8. Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917-1930 гг.) / К.М. Герасимова; – Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 175 с.
9. Глаголев В.С. Характер и подвиг Святителя // Иннокентьевские чтения. – Чита, 1998. – С. 34.
10. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). – М., 1996. – 136 с.
11. Губанов В.М. Нетрадиционные религиозные культы и секты в современной России // Религиоведение: учеб пособие / Науч. ред. А.В. Солдатов. – СПб.: Лань, 2003. – 642 с.
12. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начало XX вв.) / Л.М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 168 с.
13. Красников А.Н. Методология западного религиоведения второй половины XIX – XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А.Н. Красников; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, филос. факультет. – М., 2007. – 48 с.
14. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура, социальная роль культовой системы / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 236 с.
15. Щербатской Ф.И. Концепция буддийской нирваны // Избранные труды по буддизму / Ф.И. Щербатской. – М., 1988. – С. 199-262.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Жуков А.В., канд. филос. наук, доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
ArtyomZh@yandex.ru

A. Zhukov, Candidate of Philosophical Science, Associate Professor of Social Anthropology, Religion Studies and Philosophy, Chita State University

Научные интересы: религиоведение, этнология, краеведение

Areas of expertise: religion studies, ethnology, study of local lore





УДК 165.(12 + 18)

Караваяев Никита Леонидович
Nikita Karavaev

ЗНАНИЕ КАК СОДЕРЖАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

KNOWLEDGE AS ESSENCE OF INTELLIGENCE

Исследуя феномен знания и рассматривая его связь с информацией, автор приходит к выводу, что в отличие от информации, которая является содержанием объективного мира, знание является содержанием интеллекта

Investigating the phenomenon of knowledge and examining its relationship with information, the author reaches conclusion that in contrast to information which is the content of objective reality, knowledge is the essence of intelligence

Ключевые слова: знание, интеллект, информация, субъективизация, объективизация

Key words: knowledge, intelligence, information, subjectivizing, objectivizing

Феномен знания как главного содержания процесса человеческого познания и по сей день является наиболее сложным и дискутируемым понятием в современных научных и философских школах. Эту ситуацию можно считать вполне естественной, ведь все еще не существует единого мнения относительно понимания сути самого процесса человеческого познания. Агностицизм, гносеологический оптимизм и гносеологический скептицизм все еще существуют и представлены современными формами. И хотя проблематикой знания философия занимается с момента своего возникновения, приходится констатировать, что общепризнанного ответа на вопрос «Что есть знание?» до сих пор не существует. Одной из причин является то, что это понятие, наряду с такими категориями, как «бытие», «материя» и др., является одним из самых общих, а таковым всегда сложно дать однозначное определение, которое бы удовлетворяло представителей разных дисциплин и направлений. Другая причина, затрудняющая нахождение единого смысла феномена зна-

ния, заключается в том, что само слово «знание» употребляется как в быденном, так и в научном языках, причем в самых разных контекстах и аспектах, и поэтому имеет множество значений.

Показательным в данном случае становится высказывание авторитетного специалиста в области философии науки Н.Ф. Овчинникова, который назвал знание «болевым нервом» всей философской мысли [2]. Весьма симптоматично высказывание американского философа Э. Тоффлера: «Существует столько определений знания, сколько людей, считающих себя знающими» [4; С. 40].

Наличие большого количества различных определений знания позволяет сделать вывод, что трудность выявления однозначной дефиниции заключается в том, что порой в быденном, философском и научном использовании понятия знания смешаны несколько, как минимум шесть различных модусов бытия человека: слово «знание» может обозначать не только некоторую 1) совокупность сведений (что характерно для быденного познания), но

также может пониматься как 2) деятельность сознания, 3) сам процесс обладания некоторыми сведениями, 4) состояние знающего что-нибудь субъекта, 5) субъективный результат познавательной деятельности или 6) объективный результат познания, выраженный в книгах, теориях, музыке и т.п.

Именно последние две формы вызывают наиболее острые дискуссии и по сей день. В современной российской философской мысли по этому вопросу существуют различные точки зрения. Так, В.П. Филатов считает, что знание есть «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта» [1]. Нас не удовлетворяет подобная формулировка, поскольку она порождает множество других вопросов, связанных: 1) с соотношением такого знания с убеждениями, которые не соответствуют реальному положению дел и которые не оправданы фактами и рациональными аргументами; 2) с согласованием истинностных характеристик такого знания с релятивизмом и фаллибилизмом (представлением о том, что все знание имеет предположительный характер) и др.

Иную позицию занимает А.Л. Никифоров, который определяет знание как «результат процесса познания, обычно выраженный в языке или в какой-либо знаковой форме и допускающий истинностную оценку» [1]. Такая формулировка также не универсальна, поскольку абстрагирует субъекта от знания как результата его познавательной деятельности, а также связывает знание только с вербальными структурами, хотя имеется достаточно оснований считать, что помимо вербализованного знания существует также и невербализованная его форма, выраженная с помощью несловесных знаков (образы, жесты, правила, нормы и т.п.).

И.Т. Касавин пытается преодолеть ограничения предыдущих формулировок, определяя знание как форму «социальной и индивидуальной памяти, свернутую схему деятельности и общения, результат обозначения, струк-

турирования и осмысления объекта в процессе познания» [1]. Нам представляется такая формулировка феномена знания нерационально обширной, поскольку здесь переплетается как когнитивное содержание общества, так и содержание интеллекта индивидуума. Мы считаем целесообразным все-таки разграничить эти две области использованием соответствующих для них понятий. В этом нам поможет рассмотрение существующих типологий знания современных зарубежных авторов.

В зарубежной литературе представлено множество различных типологий форм знания: И. Нонака выделяет неявное и явное (эксплицитное) знания [10]; К. Чу предлагает дифференциацию между неявным, эксплицитным и культурным знанием [7]; Дж. Спендер разделяет знание на эксплицитное и имплицитное, которые, в свою очередь, являются либо индивидуальными, либо коллективными [12]. Как бы то ни было, все эти точки зрения созданы по критерию возможности объективизации (опредмечивания, формализации) знания и основаны на принятии того, что некоторые знания сложно артикулировать посредством языка, поскольку они существуют в форме субъективного опыта. Такие формы знания впервые были выделены М. Полани в его монографии «Личностное знание», который назвал их неявными. Неявное знание полностью связано с субъектом и его практической деятельностью и не может принять объективную (вербализованную, формализованную) форму без частичной или полной потери содержания. К неявному знанию относятся индивидуальные умения, навыки, воспоминания и т.п., которые, хотя и всегда социально опосредованы, неотделимы от личности и ее особенностей [3; С. 18]. М. Полани считает, что оно также является некими когнитивными рамками, посредством которых можно познавать объективный мир. «Не имея способности выразить знания, которые неявно вплетены в нашу традицию и культуру, мы используем их как неартикулированный фон, посредством которого воспринимаем окружающую действительность» [11].

Другая форма знания, наоборот, легко может быть выражена вербально; она хранится в книгах и других носителях информации, а также способна передаваться электронным способом. Эту форму назвали эксплицитным, или явным знанием. По мнению М. Полани, явное знание есть знание, которое может быть либо уже превращено (объективизировано) в информацию и сохранено на каком-либо внесоматическом (вне тела) носителе (бумажном, электронном или др.), где оно будет существовать вне зависимости от восприятия его человеком. И. Нонака и Х. Такойчи определяют эксплицитное знание как знание, которое может быть сформулировано (артикулировано) и включает грамматические утверждения, математические выражения, спецификации и инструкции. Такое эксплицитное знание может быть передано довольно просто посредством индивидуумов [9]. К. Чу полагает, что эксплицитное знание есть знание, которое может быть воплощено в языке, символах, объектах и артефактах [7].

Вообще в зарубежной науке сложились противоречивые мнения относительно природы явного и неявного знаний и их взаимоотношений. Так, американские ученые С. Кук и Дж. Браун доказывают, соглашаясь с М. Полани, что «эксплицитное и неявное являют собой две отдельные формы знания» [8] – одно не является формой другого. Противоположную точку зрения занял Г. Цокас, который утверждает, что неявное и явное знания обоюдно взаимосвязаны и не могут рассматриваться как отдельные типы знания. Критикуя И. Нонаку, Г. Цокас считает, что неявное знание не является усвоенным (субъективизированным) эксплицитным знанием. В действительности, оно неотделимо от эксплицитного знания, поскольку «неявное знание есть необходимая часть любого знания» [14; Р. 14]. Г. Цокас также считает, что эти два вида знания настолько неразрывно связаны, что попытка разделить их на два – это упускать саму суть этих феноменов. Д. Стенмарк в своей работе «Информация против знания», занимая аналогичную

позицию, утверждает, что любое знание является неявным, поэтому понятие «эксплицитного знания» он предлагает считать синонимом понятия «информации» [13].

Мы согласны с мнением Д. Стенмарка, но предлагаем отнести знание только к сфере интеллекта. В этом плане весьма перспективной является позиция В.Ф. Юлова, который считает, что хотя процесс познания реализуется за счет активности трех компонентов человеческого сознания: интеллекта, бытийственной и ментальной психик, сами результаты познания, т.е. знания, содержатся исключительно в области интеллекта, являя собой множество рациональных значений. В них присутствуют как эмпирические образы (неявное знание): ощущения, восприятия, представления, так и многообразие теоретических образований (эксплицитное знание): идеи, принципы, теории, концепции и т.п. [5; С. 143-144]. Вместо термина «эксплицитное знание» мы предлагаем использовать понятие социокультурной информации, т.е. знания, которое было некоторым образом опредмечено или объективизировано. Тем самым предотвращается ненужное переплетение смыслов знания и информации в познавательном процессе. Картина здесь ясна – субъекты познают окружающую действительность (источник информации), в результате чего они конструируют знания, обладая ими. Подобной точки зрения придерживаются М. Алави и Д. Лейднер, утверждая, что «информация превращается в знание только тогда, когда она перерабатывается субъектом, а знание становится информацией только тогда, когда она артикулируется» [6; Р. 109].

На данное разграничение между знанием и информацией намекают соответствующие глаголы русского языка: «знать» и «информировать». Нетрудно заметить, что первый подразумевает некоторое внутреннее обладание или приобретение («я знаю что-то»), тогда как «информировать» подразумевает внешнюю активность, проявление вовне («я информирую кого-то») – нечто, что отлично от субъекта, который знает.



Если же соотнести эти феномены с понятием знака, то можно провести аналогию с «семиотическим треугольником» немецкого ученого Г. Фреге. В нашем случае вершинами треугольника будут служить понятия знака, информации и знания. Каждый знак является носителем некоторой информации и соотносится не только с его денотатом – информацией или значением знака, но и с тем, что эта информация выражает, т.е. ее смыслом или знанием. Знак, созданный для обозначения какого-либо объекта или явления окружающей действительности, способен нести некоторое значение, которое является ничем иным как информацией. Информация как содержание знака-формы осмысливается субъектом, в результате чего конструируется некоторое знание, которое является одновременно смыслом этой информации, а также значением знака.

Интересным представляется рассмотрение связи слова «информация» с глаголом «информировать» в английском языке. Слово «inform» можно разделить на два: предлог «in» («в») и существительное «form» («форма»), что если дословно перевести на русский язык будет означать «в форме», т.е. нечто, что находится в любой форме, является внутренним содержанием формы, знака.

Таким образом, можно заключить, что знание является когнитивным содержанием интеллекта, результатом целенаправленной конструктивной познавательной деятельности субъекта. Результат объективизации знания воплощается в феномене информации. Между ними возможно установление циклической взаимосвязи с двумя переходами: информация → знание, знание → информация.

Литература

1. Касавин И.Т. Обсуждаем статью «Знание» / И.Т. Касавин, А.Л. Никифоров, В.П. Филатов // *Эпистемология & Философия науки*. – 2004. – № 1. – Т. 1. – С. 134-145.

2. Овчинников Н.Ф. Знание – болевой нерв философской мысли: К истории концепций знаний от Платона до Поппера / Н.Ф. Овчинников // *Вопросы философии*. – 2001. – № 1. – С. 83-113.

3. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – Бла-

говещенск: БГК им. И.А. Бодуэна Де Куртене, 1998. – 344 с.

4. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века* / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.

5. Юлов В.Ф. *Мышление в контексте сознания* / В.Ф. Юлов. – М.: Академический Проект, 2005. – 496 с.

6. Alavi M. *Knowledge Management and*

Knowledge Management Systems: Conceptual Foundations and Research issues / M. Alavi, D.E. Leidner // MIS Quarterly. – Vol. 25. – No. 1. – 2001. – P. 107-136.

7. Choo C.W. *The Knowing Organization. – New York: Oxford University Press, 1998.*

8. Cook S.D.N. *Bridging Epistemologies: The Generative Dance Between Organizational Knowledge and Organizational Knowing / S.D.N. Cook, J.S. Brown // Organization Science. – Vol. 10. – No. 4. – 1999. – pp. 381-400.*

9. Nonaka I. *The knowledge creating company. New Japanese companies manage the dynamics of innovation / I. Nonaka, H. Takeuchi. – New York: Oxford, 1995.*

10. Nonaka I. *A Dynamic Theory of Organiza-*

tional Knowledge Creation / I. Nonaka // Organization Science. – Vol. 5. – No. 1. – 1994. – P. 14-37.

11. Polanyi M. *Personal Knowledge / M. Polanyi. Corrected edition. London: Routledge, 1962.*

12. Spender J.-C. *Pluralist Epistemology and the Knowledge-Based Theory of the Firm / J.-C. Spender // Organization. – Vol. 5. – No. 2. – 1998. – P. 233-256.*

13. Stenmark D. *Information vs. Knowledge: The Role of intranets in Knowledge Management / D. Stenmark // Proceedings of HICSS-35. – Hawaii: IEEE Press. – January 7-10. – 2002.*

14. Tsoukas H. *The Firm as a Distributed Knowledge System: A Constructionist Approach / H. Tsoukas // Strategic Management Journal. – Winter Special Issue. – No. 17. – 1996. – P. 11-25.*

Коротко об авторе

Караваев Н.Л., аспирант, Вятский государственный гуманитарный университет (ВГГУ)
nikita.lk@gmail.com

Научные интересы: онтология; теория познания, в рамках которой исследуются взаимоотношения и взаимопереходы между результатом познания – знанием и информацией как необходимым компонентом любой когнитивной деятельности; философия науки; мировые религии и религиозные течения Востока

Briefly about the author

N. Karavaev, Post-graduate student, Department of Philosophy and Sociology of Vyatka State University of Humanities, Kirov

Areas of expertise: onthology, theory of cognition, in the frame of which relations and reciprocal transformations of knowledge as the result of cognition and information as necessary component of any cognitive activity, philosophy of the science, world religions and religions of the East





УДК 31

Фомина Марина Николаевна
Marina Fomina

**«ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»
ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА**

**“ETERNAL PROBLEMS” OF
PHILOSOPHIC DIALOGUE**

Статья посвящена вопросам формирования философской культуры. Автор делает анализ понятия философской культуры. Философская культура – культура понимания, культура диалога. «Вечные истины» рождаются и существуют в диалоге

Article deals with issues of formation of philosophical culture. The author analyses the concept of philosophical culture. Philosophical culture is the culture of understanding, culture of dialogue. «Eternal truths» are born in the dialogue and exist in it

Ключевые слова: философская культура, философский диалог, мысль и язык, понимание

Key words: Philosophical culture, philosophical dialogue, thought and language, understanding

Философская культура раскрывает ценностно-нравственные ориентации личности и намечает поиск смысла жизни. Она деятельна, активна, располагает к философствованию. Ей необходим не просто слушатель, а участник со-мыслия, т.к. по своей природе она диалогична.

Философская культура личности оформляется на уровне взаимосвязи личности и обстоятельств, которые определяют смысловую заданность его поведения. Благодаря этому, возникают вопросы: почему человек думает; почему сомневается в настоящем; почему стремится познать смысл жизни. Эти вопросы, будучи различны по природе, не имеют предела. Но у них есть общее — они возникают в момент неудовлетворенности настоящим ходом событий, а жизнь дополняет к этому альтернативные позиции, дихотомичность добра и зла. Если в данной ситуации приоритет остается за личностью – рождается философ, если за обстоятельствами – конъюнктурщик.

С рождением философа происходит по-

ворот в прошлое. От Геродота в европейской культуре и Конфуция в восточной — к современности. Мыслители черпают идеалы в прошлом, полагая, что там остался золотой век, т.к. неудовлетворенность действительностью определяет поиск пути, благодаря которому человек способен осознать в себе человеческое. Это обусловлено тем, что философская культура личности вмещает в себя необъятное — прошлое, настоящее и будущее. Она не дает забыть «былую жизнь», постоянно обращаясь к ней, стремится решить проблемы настоящей: философская культура воскрешает былое, реконструируя его на новом культурном уровне. Поэтому приобретая «новую жизнь», философская мысль направлена в будущее. О. Шпенглер замечает по этому поводу, что великие вопросы эпохи отнюдь не постигаются в контексте преходящего. «Что должны означать понятия «природа» и «дух»... для душевной стихии индуса и русского? Что общего у Толстого... с Данте; что общего у какого-нибудь японца с Парсифалем и Заратуст-

рой, у какого-нибудь индуса с Софоклом?» [1; С. 154]. Философ определяет общность как природу философского знания, которая позволяет в разных философских измерениях говорить «на одном языке», т.к. каждая философская система представляет собой самостоятельную, философско-нравственную ориентацию формирования человеческого в человеке.

Философская культура, создавая новое мировоззрение, взглядом охватывает временной промежуток для постижения не столько настоящего, сколько будущего. Так, в своей последней речи Сократ говорил, обращаясь к афинянам, что они лишаются голоса правды, осудив его на смерть. Здесь проявляется то, что для мыслителя взгляд в прошлое — это постижение будущего. Точка пересечения прошлого и будущего говорит о том, что философская культура исторична, т.к. она разделяет не судьбу своего времени, а участь истории. Поэтому можно сказать, что она обладает «каким-то вечным и неизменным предметом», в котором «великие вопросы во все времена суть одни и те же» [1; С. 176], хотя всегда присутствует надежда, что на них рано или поздно будет найден ответ.

Есть ли вечные истины? Если каждая эпоха предлагает свои проблемы и мужественно ищет пути их решения, то что в этом «вечного»? О. Шпенглер отметил, что в философии человек обретает свое лицо. И чем значительнее человек, тем истиннее философия. Он по-немецки лаконичен и точен: «Нет ничего проще, чем обосновать систему на фоне отсутствующих мыслей. Но даже превосходная мысль мало чего стоит, если ее высказывает тупица. Только жизненная необходимость определяет ранг учения» [1; С. 177], поэтому носитель философской культуры – мыслитель, тем и отличается от всех, что он наиболее зорче и конкретнее видит суть настоящего, в котором преломляется прошлое и прогнозируется будущее.

Философия, в отличие от других гуманитарных наук, акцентирует в лоне своего понимания проблемы «вечного звучания», которые

передают стремление человека познать не столько вечность, сколько себя. Отсюда проблема преемственности состоит в том, что каждый философ воспринимает и переосмысливает созданные ранее духовные ценности через призму своего понимания: через взгляд личности философа преломляется видение не фактов действительности, а философии, где личное и индивидуальное проецируется. По этому поводу теоретик философии преемственности Э. Баллер отмечал, что «преемственность — это связь между различными этапами или ступенями развития... Связывая настоящее с прошлым и будущим, преемственность тем самым обуславливает устойчивость целого» [2; С. 294]. Поэтому можно отметить, что настоящее является точкой пересечения, в которой прошлое одновременно существует с будущим, за счет чего достигается не только устойчивое развитие целого, но и обогащение его новым ценностно-нравственным содержанием.

Философская культура располагает к соучастию. Ведь если говорить о преемственности на уровне культурных факторов, то речь может идти об обычаях, традициях, о специфических особенностях художественного мастерства и т.д. В лоне философской культуры мы сталкиваемся с ожиданием открытия, возбуждающим наше воображение, проникаем в тайну индивидуального бытия, постигая мысль другого. Мы становимся участниками (или соучастниками) со-мыслия: чужая мысль приобретает новое звучание и через нее открывается нам не просто отвлеченный кто-то, а — «Ты» – как мой собеседник, как мой учитель. «Ты» рядом, «Ты» даешь мне возможность ощутить мысль. Мы находим в словах мыслителя других эпох Себя и через Него, прежде всего, открываем себя для Себя. Происходит процесс не только принятия иной философской культуры, но и ее творца. Со-мыслие имеет одну особенность: открывая себя в «чужой мысли», мы не только даем новое рождение прошлому, но и творим будущее со-мыслие.

Полнота человеческого начала в чело-

веке была представлена как в историческом прошлом, так и в современности благодаря решению «вечных проблем». Как замечает В. Библер, произведения «Илиада», «Гамлет» и Библия — вечные произведения нашей современности. Но «вечные проблемы» оформляют и облик философии как «вечной». Поэтому «вековечность записных тетрадей человечества свойственна... философии... потому, что она свойственна потенциям современного Разума» [3; С. 9], что дает основание сказать — философская культура — вечное в настоящем.

Будучи универсальной, философия прибегает к методу диалогического размышления. Древняя философия показала, что человек приобретает человечность в себе самом, будучи в непосредственном диалоге с другим человеком. Язык хранит не только память веков, но и обращенность к партнеру по диалогу. За счет него достигается не только обмен мыслями между людьми, но и передача знаний от поколения к поколению, что позволяет заметить — диалог предполагает формирование нового планетарного мышления. В данный момент есть необходимость добавить — мышления будущего. А так как философская культура реализуется и существует только в диалоге, то диалог — это и процесс, и результат бытия философской культуры. Следовательно, диалогический метод позволяет проследить, как в философских концепциях и системах конкретного мыслителя консолидируются идеи предшественников, как вырабатывается стиль мышления, благодаря чему «старые идеи» приобретают новое звучание. Поэтому «диа-философия», или философская культура, является залогом человеческого бытия — пока человек не утратил способности мыслить, он будет стремиться к диалогу.

Диалогичность философской культуры раскрывается через «переключку» во времени и пространстве различных философских образов. «Такое композиционное эхо стягивает отдаленные фрагменты (голос доносится через продолжительные лакуны и пустоты) в единое, хотя и очень странное произведение, в кото-

рое «вставлены», вточены другие, столь же самостоятельные произведения-фрагменты... все это характерно для того онтологического диалогизма (выделено мной — М.Ф.) мысли и бытия, что насущен в жизни людей», — писал В. Библер по поводу философского произведения Поля Валерии [3; С. 10]. Мы же обратились к этим словам ввиду того, что они адекватно отражают суть философской культуры, которая существует только и благодаря только диалоговому пространству.

Культура по своей природе глубоко символична и вечна. Благодаря этому, возникает некий «круг понимания» — круг духовного диалога эпох и народов, поэтому философская культура является не только духовным источником мудрости, но и «почвой» для «вновь рожденной» мысли. Диа-философия предполагает информационный обмен не только между современниками, но и между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. По этому поводу М. Мамардашвили заметил, что если бы все процессы шли только в одном направлении, от жизни к смерти, и никогда не было бы обратного движения, мир выродился бы в хаос.

Можно заметить, что информация на уровне духовного бытия несет ценностно-ориентирующую, нравственно-этическую предопределенность, т.к. она личностно определена и ценностно значима для человека. Поэтому в философии нет случайных знаний — это результат интеллектуального и духовного поиска. Таким образом, философская культура — это осмысление происходящего, определение доминирующих тенденций морального облика времени. В различных культурах путь становления философской культуры один — от осмысления действительности к прогнозированию будущего.

Природа онтолого-диалогической картины философской культуры может быть представлена, например, на философском творчестве нескольких мыслителей. Их мысль направлена на постижение действительности с одной целью — помочь человеку обрести человеческое. Их знания реализуются в нравст-

венно-ценностных императивах. Язык философии помогает им не только выразить мысль, но и обрести слушателей. Они не считают себя гениями эпохи и философии. Они предлагают осознать результаты своего «эксперимента» другим. Они прошли этот путь — путь приобретения Себя. Это американский философ, просветитель Генрих Торо, европейский гуманист Альберт Швейцер, великий русский писатель и человек Лев Толстой, дорамба-лама Эрдыни-Хайбзун Галшиев. Они являются представителями разных культур. У каждого своя философская система. Но у них есть общее — в стремлении выйти за пределы эмпирического существования и понять свое предназначение — они прошли один путь. Беспокойство, вызванное неудовлетворением действительностью, направляло их философскую мысль не только на поиск выхода, но и на возможность воплощения своей мысли через «Я».

Когда человек находится в разногласии с самим собой, он делает попытку или найти компромисс, или найти выход из душевного тупика. Борьба между «Я» и «Я-2» — между внешней и внутренней сущностью порой обусловлена тем, что «Я-2» недоволен тем, что делает «Я» и наоборот. И чем больше возникает конфликт между двумя сторонами, тем больше человеческое проявляется в человеке: он испытывает, с одной стороны — недовольство, а с другой — страдание. Достигнув этого состояния, человек осознает, что его жизнь приобретает смысл. Возможно, что подобная коллизия происходила и с Гаутамай, который, прежде чем стал просветленным, прошел длительный путь поиска себя. Это и путь русских святых. Чтобы приобрести себя, Сергей Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский пошли не путем изменения внешних форм жизни, а слушая голос сердца и совести. Они формировали свой облик, не думая, что совершают тем самым духовный подвиг. Исходя из этого, можно не согласиться с позицией Карла Маркса, что прежние философы лишь стремились объяснить мир. Как в этом случае объяснить поиск Конфуцием достойного пра-

вителя, стремление Сократа «разбудить» афинян, попытку Платона утвердить законы его «Государства» в Сиракузах, «Никомахову этику», написанную Аристотелем для Александра Македонского. Примеров, альтернативных марксовому положению, можно найти много. И дело не в количестве. Дело в том, что философ — это человек, обеспокоенный жизнью другого. Он не дает рекомендаций как жить и как изменить ситуацию «с сегодня на завтра», он дает возможность человеку задуматься о себе.

Жизнь и мысли философа неотделимы друг от друга. Он живет, чтобы думать, т.к. по-другому не может. Он думает, чтобы жить, т.к. другого варианта для него не существует. Он жизнью проверяет ценность своих философско-этических систем. Он, прежде всего, в своих глазах не может потерять веру в себя. Его выбор жизненных систем не случаен. Торо уходит в лес не от жизни, а за тем, чтобы познать ее. Швейцер меняет благополучие и мировую известность на африканскую деревушку, потому что иначе поступить не может. Граф Толстой в 50 лет пересматривает свои жизненные устои и начинает заново жить. Может ли каждый человек идти этим путем? Может. Духовные поиски и моральная неудовлетворенность характеризуют мыслящее существо. Но каждый идет своим путем приобретения и потерь. На этом пути происходит становление философской культуры. Ее нельзя навязать, ее нельзя предложить, ее нельзя сформировать. Ее становление — это не насильственный процесс. Она формируется сама. Она имеет культурные корни и почву, на которой возвращает мысль будущего. Историческая почва — менталитет. Исторические корни философской культуры — картина мировидения. Ее настоящее — озабоченность и обеспокоенность будущим. Ее будущее — обращение к прошлому.

Философская культура, как было отмечено, оформляется на уровне взаимосвязи прошлого и настоящего. Прошлое в данной ситуации воспринимается как «сказанное», «мыслимое». Настоящее — как «со-мыслие».

Литература

1. Шпенглер О. *Закат Европы* / О. Шпенглер. – М.: Прогресс, 1993.

2. Баллер Э.А. *Преемственность в разви-*

тии культуры / Э.А. Баллер. – М.: Наука, 1969.

3. Библер В. *На гранях логики культуры* / В. Библер. – М.: Высшая школа, 1999.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Фомина М.Н., д-р филос. наук, профессор, проректор по инновационному образованию, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
marf_05@mail.ru

M. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor, Vice-rector (Innovative Education), Chita State University

Научные интересы: философский диалог, философская культура личности

Areas of expertise: philosophical dialogue, philosophical culture of personality





УДК 32.019.51 (510)

Шугаев Антон Викторович
Anton Shugaev

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ КНР

THE LEGAL BASE OF THE NATIONAL TELEVISION IN CHINA

Отражены отдельные моменты нормативно-правового регулирования китайского ТВ, позволяющие рассматривать его не только как инструмент формирования национального самосознания китайской нации в условиях процесса глобализации, но и как средство укрепления действующей власти в контексте телерадиовещания с «китайской спецификой»

The article tells about some moments of the normative-legal regulation in the work of China national television, which allow to examine TV not only as the instrument of the formation of the national mentality of Chinese nation in the process of globalization, but also as the method of strengthening the work of current authorities in the context of broadcasting with "Chinese specific character"

Ключевые слова: пропаганда, китайская специфика, национальная идентичность

Key words: propaganda, Chinese specific character, national identity

В настоящее время широкую известность приобрела официально провозглашенная китайскими властями идея о том, что, сливаясь с экономикой и политикой, культура в современном мире занимает все более видное место и играет все более заметную роль в укреплении комплексной государственной мощи, усиливая её конкурентоспособность. Это означает, что традиционная культура Китая становится частью его комплексной национальной мощи, обеспечивая стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного внешнего проникновения. В связи с этим правящей элитой КНР на базе современного телевидения была создана система противодействия негативному воздействию проявлениям западной идеологии.

Практическая реализация выдвинутых партийно-государственным руководством КНР директив развития страны всегда требовала

широкой популяризации национальной культуры. Выступая на открытии XVII съезда КПК в октябре 2007 г., председатель КНР Ху Цзиньтао в своем докладе отметил, что в «современную эпоху культура становится все более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи» [1].

Наиболее массовым и эффективным средством пропаганды в КНР является телевидение, аудитория которого в начале 2007 г. составляла 96,23 % населения страны, поэтому телевидению во главе с Центральным телевидением Китая (ЦТВ) отведена главная роль в формировании национальной массовой культуры, призванной гармонизировать идеологию современного общества потребителей с традиционными духовными ценностями. В основу деятельности национальных телевизионных СМИ лёг ряд положений, разработанных в

целях успешного предупреждения возможных угроз в культурно-информационной сфере. Ими являются:

– широкая пропаганда традиционной культуры Китая (делается акцент на том, что китайская цивилизация — одна из древнейших в мире. Она насчитывает приблизительно пять тысяч лет своего существования и внесла огромный вклад в историю человечества);

– меры, ограничивающие негативное воздействие западной культуры (по мнению руководства страны, эта необходимость особенно стала заметной в период политики реформ и открытости, когда западная система ценностей и мораль начали оказывать разлагающее воздействие на общественное сознание нации. Стремление к материальному благополучию нанесло серьезный удар по традиционной китайской морали, что привело к росту преступности и социальной нестабильности);

– усиление патриотического воспитания молодежи (современная китайская элита единодушно считает, что это один из важнейших культурных факторов национальной безопасности страны).

Широко известным является тот факт, что результат деятельности телевидения – это телевизионные программы. Следовательно, их производство является основным содержанием политики в этой области. Таким образом, целью политики регулирования телевидения в КНР является создание телепередач.

Необходимость соотносить политический строй государства и официальную идеологию с всё возрастающими потребностями открытой рыночной системы вынудила китайских законодателей разработать особый курс под названием «На службе народу и социализму». Правовое регулирование деятельности национального телевидения, по их мнению, имеет огромное значение в том плане, что информационная продукция других стран в ходе проведения всесторонней политики реформ и открытости заполонила внутренний рынок страны, что, в свете культурно-информационной

экспансии США, объективно может представлять угрозу национальной безопасности Китая. В качестве контрмер китайское руководство развивает национальную систему телевидения, в которой созданы телеведущих СМИ, условием функционирования которой является создание нормативно-правовой базы. Известный китайский специалист в области журналистики Ли Данлин поясняет, что «контроль за развитием масс-медиа должен осуществляться с учетом специфики китайского социализма и идти по строго утвержденному плану» [2].

Анализируя практическую реализацию курса в работе телеведущих СМИ, китайский политолог Сюй Вэйсинь призывает обратить внимание на то, что «социализм – это идеология, форма общественного сознания. На службе социализму масс-медиа необходимо отстаивать лидирующее положение социалистической идеологии, старательно поддерживать здоровую и тщательно преобразовывать отсталую культуру, продвигать и укреплять строительство духовной цивилизации... Высокие идеалы и убеждения Коммунистической партии Китая, выдающаяся культура китайского народа и традиционные ценности, демонстрация патриотизма, коллективизма, социализма, представленные на обозрение народу, должны призвать всю страну и все проживающие здесь национальности дышать одним дыханием и жить одной судьбой» [3].

Пункт 22 Конституции КНР гласит: «Развитие страны направлено на служение народу. Литература, телерадиовещательные и печатные СМИ, пресса, библиотеки, театры и другая деятельность призваны расширять культурную жизнь народных масс». В статье № 47 указано: «Граждане Китайской Народной Республики имеют право заниматься научно-исследовательской, литературной и другими видами деятельности».

Таким образом, Конституция КНР гарантирует свободу творчества и самовыражения, что позволяет гражданам раскрыть потенциал своих культурных произведений. Так называемая «свобода творчества» устраняет все пре-

грады на пути создателя, что ведет к свободному полету его творческой мысли. Еще Дэн Сяопин подчеркивал, что в сложном творческом труде каждому нужно проявить свой индивидуальный подход: «Что писать и как писать – каждый автор решает, основываясь на своем практическом опыте и изысканиях, с этой стороны не следует оказывать какого-либо вмешательства... Только вдыхая сладкий запах свободы, творческое сознание автора может воспрять духом, а его творчество раскрыться. В противном случае, постоянные оглядки по сторонам и опасения за свое будущее превратят его в послушный инструмент в руках манипуляторов, его собственное «я» будет потеряно, тогда каким же образом сможет раскрыться его талант?» [4].

Принципы курса «На службе народу и социализму» и свободы творчества четко обозначены в Конституции КНР, о них пишут и говорят ведущие китайские ученые и деятели, как прошлого, так и современности. Так какая же между ними существует связь?

Ли Данлин пишет, что свобода творчества устанавливает гражданские права людей, а курс «На службе народу и социализму» определяет характер деятельности различных сфер искусства. «Если какое-либо творческое произведение попадает на суд зрителя, оно считается составной частью общественной культуры – это значит, что в целом продукт соответствует характеру курса «На службе народу и социализму». Иными словами, не совместимая с данным курсом продукция не может быть воспринята народными массами, тогда поспешивший автор, чье творчество идет вразрез с конституцией и законами страны и способно нанести серьезный вред китайскому обществу, может понести наказание... Нарушитель в лучшем случае будет оштрафован, в худшем – ответит по всей строгости законов» [5].

Чтобы видеопродукция попала на суд общественности, ее содержание должно соответствовать некоторым обязательным нормам, – замечает китайский журналист Гу Чэнь. – Это связано с тем, что она может оказывать как

положительное, активное, так и негативное, инертное влияние, что в свою очередь не замедлит пагубно сказаться на жизни страны и общества. Поэтому многие страны мира при помощи определенных законодательных мер устанавливают обязательные требования к содержанию продукции, нацеленной на широкую аудиторию. Делается это в целях сохранения государственной безопасности, поддержания общественного порядка, укрепления морали [6]. Значения контроля за содержанием видеопродукции отмечают и представители западных средств массовой информации. Так, М. Прайс пишет: «Влияние телевизионной продукции огромно, а масштабы ее распространения чрезвычайно широки, поэтому некоторые страны в целях создания благоприятной атмосферы для воспитания детей и многим другим причинам устанавливают жесткие требования к ее выпуску» [7].

Статья 51 Конституции КНР гласит: «Граждане КНР, пользуясь личной свободой и правами, не должны нести вред интересам государства, общества, коллектива, а также свободам и правам других граждан». Таким образом, требования к нормам содержания приобретают конституционную основу.

Российский исследователь Г. Почечов отмечает, что в настоящее время в теории принято выделять две системы контроля за содержанием видеопродукции. «Первая – профилактическая. Она заключается в заблаговременной проверке продукции (т.е. до того момента, как она выйдет в эфир). В этом случае решается, можно ли ее распространять, и если да, то на какую аудиторию она нацелена (например, могут существовать ограничения по возрасту). Вторая система подразумевает под собой, что если в продукции, попавшей на экраны телевизоров, наблюдается отклонение от установленных норм, то автор незамедлительно понесет наказание согласно закону» [8].

Международная общественность с учетом сохранения свободы выражения склоняется больше к последнему варианту. Но административные органы Китая, наряду с некоторыми

ми другими странами, твердо стоят за становление системы профилактического контроля деятельности телевидения.

Китайский исследователь проблем современной журналистики Ху Чжифэн пишет: «Какая бы система не была установлена, любой из них необходимо пройти через строгую законодательную базу для определения линии поведения в отношении содержания, тогда она обретет «стандарт». В условиях общепринятого конституционного правления и прав человека данная политика должна устанавливать законы, которые, в свою очередь, должны быть доведены до народных масс... Автор должен предвидеть последствия своей деятельности» [9].

Сейчас в КНР в отношении телевизионной продукции уже проводится определённая политика. Например, в «Уставе по руководству кинопроизводством» указано:

В кинофильмах запрещено отражать следующее содержание:

- 1) выступающее против главных принципов, установленных конституцией страны;
- 2) вредное для государственного единства, суверенитета и целостности;
- 3) разглашающее государственную тайну, нарушающее безопасность страны, несущее вред ее имиджу на международной арене и ее интересам;
- 4) разжигающее межнациональную рознь, несущее национальную дискриминацию, нарушающее национальное сплочение и попирающее обычаи и привычки других народов;
- 5) пропагандирующее еретические учения;
- 6) нарушающее общественный порядок и стабильность;
- 7) содержащее разврат и азартные игры, насилие и подстрекательство к совершению преступлений;
- 8) оскорбляющее достоинство других людей и их законные права;
- 9) пагубное для общественной морали, национальной культуры и традиций;
- 10) включающее содержание, официально запрещенное законом.

В 2001 г. были опубликованы дополненные административные постановления. Например, п. 26 «Устава по управлению прессой», ст. 22 «Правил теле- и радиовещания» и ст. 17 «Принципов распространения теле- и радиопроодукции». На момент выхода в свет они уже включали десять главных указаний. Все административные постановления призваны сохранять государственные и общественные интересы, защищать права граждан и юридических лиц, поэтому вся продукция телевидения и киноиндустрии в КНР основывается на них.

Результат грамотной политики в регулировании деятельности национальных телевизионных СМИ выразился в том, что в настоящее время отмечается тенденция усиления внимания к пропаганде национальной культуры и традиционных ценностей с использованием практически всех ресурсов телевидения. Так, показательным примером может служить то, что в мае 2007 г. был объявлен международный конкурс на лучший образ Конфуция средствами мультипликации, победитель которого получит вознаграждение в размере 500 тыс. ю. (65 тыс. долл.). Проект курирует Китайский фонд Конфуция, а продюсировать первый в своем роде 100-серийный мультфильм о древнекитайском философе (продолжительность каждой серии 13 мин) будет частная шэньчжэньская компания. Проект рассматривается как оригинальный способ пропаганды конфуцианской культуры. Автору сценария обещан гонорар в размере 2 млн юаней.

Таким образом, неизбежность геоцивилизационного столкновения требует от китайского руководства необходимости тщательно готовиться к информационным операциям в современных условиях. Последствия горбачевской гласности в бывшем СССР до сих пор предостерегают китайское руководство от отмены контроля над средствами массовой информации и культурной сферой в целом. Поэтому в КНР на базе СМИ создана мощная государственная система ведения информационного противоборства, которая позволяет

осуществлять массированное применение сил и средств по защите своей культурной идентичности.

На современном этапе национальное телевидение КНР развивается высокими темпами и, по оценке ряда зарубежных экспертов, по уровню технической оснащенности станции кабельного телевидения уже не уступают развитым странам мира. Китайское ТВ по идейно-политическим и общественным функциям принципиально не похоже на телевидения других стран. Под руководством государства и правительства сложились своеобразные политическая система и принципы управления отраслью телевизионного вещания. Устанавли-

вается определенный стандарт к содержанию видеопродукции, который вынуждает работников сферы искусства следить за качеством своей работы, а продукция Запада лишь в своей малой части может попасть на экраны.

Важным фактором здесь является грамотно разработанная законодательная база, регулирующая деятельность национального телевидения, которая позволяет в условиях рынка эффективно внедрять «национальную идею» в сознание всех слоев общества и в противовес западной массовой культуре формировать собственную «массовую культуру с китайской спецификой».

Литература

1. Демидо Н.Ю. Популяризация национальной культуры Китая средствами телевидения / Н.Ю. Демидо // Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22-24 октября 2008 г.). – М., 2008. – С. 143.

2. Данлин Ли. Дяньин дяньши цзэму чжицзожэнь суйчжи = Нормативно-правовая база деятельности китайского телевидения. – Руководство к производству телепродукции. – Шанхай: Фудань дасюе чубаньшэ, 2005. – С. 19. – Кит. яз.

3. Вэйсинь Сюй. Шэхуйчжуи чжэнчжи вэньминлунь = Теория социалистической политической цивилизации. – Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. – С. 278. – Кит. яз.

4. Чжаншунь Ши. Дантай дяньши шиву цзяочэн = Практический курс современной журналистики. – Шанхай: Фудань дасюе чубаньшэ, 2005. – С. 3. – Кит. яз.

5. Данлин Ли. Дяньин дяньши цзэму чжицзожэнь суйчжи = Нормативно-правовая база деятельности китайского телевидения – Руководство к производству телепродукции. – Шанхай: Фудань дасюе чубаньшэ, 2005. – С. 23. – Кит. яз.

6. Чэнь Гу. Чжунсифан синьвэнь чуаньбо = Медиакоммуникации в Китае и на Западе. – Шанхай: Фудань дасюе чубаньшэ, 2003. – С. 187. – Кит. яз.

7. Прайс Монро. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 128.

8. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда / Г.Г. Почепцов. – М.: Центр, 2004. – С. 173.

9. Чжифэн Ху. Чжунго дяньши цзюецэ юй шэцзи = Организация деятельности китайского телевидения. – Бэйцзин: Чжунго гуанбо дяньши чубаньшэ, 2003. – С. 98. – Кит. яз.

Коротко об авторе

Шугаев А.В., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Дом. тел.: 35-34-59

Научные интересы: культурно-цивилизационная специфика Китая, ценностная составляющая современного китайского общества

Briefly about the author

A. Shugaev, post-graduate student of Oriental Studies Department, Chita State University

Areas of expertise: the culture-civilized specific of China, the value constituent in the modern Chinese society

Социология



УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ЗАБАЙКАЛЯ КАК ОСНОВА ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

PERSONAL RESOURCES OF TRANSBAIKALIAN MANAGERS AS BASIS OF THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE

Личностные ресурсы человека рассмотрены с позиции источников его эффективной деятельности, определена их природа. Установлена структура системы личностных ресурсов управленческого работника, включающая административные, профессиональные и психологические ресурсы. Охарактеризованы системные свойства каждого и приведено их описание

Personal resources are examined from the view of sources of its effective activity; their nature is determined. The author determines structure of system of manager personal resources, including administrative, professional and psychological resources. System properties of each are characterized and their description is stated

Ключевые слова: управленческий работник, профессиональная компетентность, ресурсы

Key words: manager, professional competence, resources

Статья выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (государственный контракт № 02.740.11.0363).

Возникающие в жизни человека противоречия между целями, задачами и наличными средствами для их достижения, между стремлениями, возможностями, потенциалами человека и его интересами, отношениями и направленностью разрешаются в деятельности и служат движущими силами развития индивидуальности человека.

Профессиональное становление может быть представлено в виде двух основных линий:

а) как развитие деятельности – ее структуры, совокупности способов и средств, поряд-

док следования которых друг за другом имеет целевую детерминацию;

б) как процесс развития человека-профессионала.

Эти два подхода являются взаимодополняющими. Профессиональное развитие – это одновременно и преобразования, и потери, совершенствования и деструкции. Противостояние деструкциям возможно лишь при наличии у человека необходимых личностных ресурсов.

Проблемы формирования профессионалов и профессионализма государственных и муниципальных чиновников тесно связаны с вопросом о потенциалах и ресурсах развития

человека. Б.Г. Ананьев писал [1], что «для социального прогнозирования необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, об истинных потенциалах этого развития, еще крайне недостаточно используемых обществом». Эти положения не утратили своей актуальности и в наши дни.

Для успешного выполнения профессиональной деятельности, особенно в неблагоприятных условиях, человек вынужден прибегать к мобилизации своих внутренних ресурсов и резервов. Эти ресурсы используются как на получение положительного результата, так и на компенсацию неблагоприятных воздействий среды. Следовательно, можно говорить о существовании у человека некоторого внутреннего потенциала (или ресурса), являющегося необходимой основой его успешной профессионализации. Предпосылки для рассмотрения внутренних ресурсов человека как источников его эффективной деятельности имеются во многих науках: социологии, психологии, менеджменте, педагогике и др.

В психологии К.К. Платонов использовал термин «потенциальное призвание», характеризующий призвание личности к соответствующей деятельности. В процессе этой деятельности потенциальное призвание становится либо актуальным, либо иллюзорным [2].

А.К. Маркова в качестве внутренних условий достижения человеком высот профессионализма выделяет наличие у него системных качеств, соответствующих возможности профессионального роста и развития, а также индивидуальную ресурсность человека [3].

Э.Ф. Зеер и Э.Э. Сыманюк, рассматривая кризисы профессионального развития человека, используют термины «творческий потенциал» и «ресурс активности индивида» [4].

Л.Г. Почебут и В.А. Чикер используют понятие «личностный потенциал» при анализе карьерного успеха. Эти авторы считают [5], что недостаток личностного потенциала (отсутствие необходимых качеств, низкая мотивация, нерешительность, тревожность, эмоциональная нестабильность, неконструктивные уста-

новки относительно достижений: боязнь неудачи, нереалистичность целей, избегание риска, преобладание в структуре личности направленности на себя, а не на дело) препятствует достижению карьерного успеха.

Таким образом, существует некоторая совокупность свойств человека, рассматриваемая как его внутренний ресурс, который обеспечивает возможность успешного освоения профессии, высокоэффективную профессиональную деятельность и развитие профессионала.

Проблематика статьи ограничивается рассмотрением в большей мере профессионального ресурса управленческого работника. Однако прежде чем перейти к его детальному исследованию, необходимо рассмотреть, каким образом он укладывается в общую структуру личностных ресурсов управленческих работников.

Говоря о тех средствах, которые непосредственно принадлежат конкретному управленческому работнику и могут быть им использованы в своей работе, мы ограничимся только нематериальными ресурсами. Такие материальные ресурсы, рассматриваемые с позиции функционера, а не личности, как финансы, оборудование и прочее, мы не будем относить к личностным ресурсам, они принадлежат в рассматриваемом нами случае муниципальному образованию и не входят в систему личностных ресурсов управленца. Однако само право распоряжаться ими по должности может рассматриваться в качестве одного из его важнейших личных ресурсов.

Природа личностных ресурсов различная. Одни из них (административные) передаются ему в тот момент, когда он занимает определенную ступень в иерархии муниципальных служащих, над формированием других приходится осознанно работать всю жизнь, а третьи в значительной степени заложены от рождения. Однако все вместе личностные ресурсы управленческого работника создают единую систему, которая обеспечивает или должна обеспечить все запросы и потребности руководителя, формируя стиль его поведения,

наделяя необходимыми правами, навыками, знаниями.

Систему личностных ресурсов управленческого работника образуют следующие составляющие:

а) *административные ресурсы*, источником которых является муниципальное образование и его руководители. Основным административным ресурсом является право управлять и соответствующие ему полномочия руководителя;

б) *профессиональные ресурсы* управленческого работника включают его опыт и знания. Этот вид ресурсов накапливается долгими годами непосредственной управленческой деятельности и обучения. Их содержание во многом зависит от того, как и в какой степени руководитель способен накапливать опыт и знания. Формирование профессиональных ресурсов происходит на протяжении всей карьеры управленческого работника. Однако в конкретных условиях значение имеет не общая накопленная совокупность опыта и знаний, а лишь та их актуальная часть, которая действительно может быть использована в его текущей деятельности;

в) *психологические ресурсы* образуются как совокупность тех личностных характеристик работника, которые особенно значимы для исполнения им обязанностей руководителя. Психологические ресурсы во многом даны ему от природы в виде определенных задатков, черт характера, способствующих именно управленческой деятельности. Сознательная работа человека над собой с целью выработки необходимых управленческих качеств и характеристик позволяет лишь развить некоторые управленческие качества личности, уже заданные от природы, или, наоборот, уменьшить негативные проявления других.

Личностные ресурсы управленческого работника, характеризующие его как руководителя, отличаются не только источником их возникновения и содержанием. Для каждого вида ресурсов характерна определенная способность к сохранению и накоплению, способ-

ность его быстрой адаптации к изменяющимся условиям, способности ресурсов к взаимному влиянию друг на друга и многое другое.

Кратко охарактеризуем системные свойства каждого из названных ресурсов.

Административные ресурсы. Они вручаются управленческому работнику в момент приема на работу в муниципальное образование. Одним из признаков управленческого работника является наличие у него права руководить и согласованная с этим правом ответственность за результат. Именно право руководить, переданное данному работнику, и является:

– во-первых, ресурсом управленческого работника, потому что именно оно дает законные основания руководить и используется как средство для управления, т.е. как ресурс;

– во-вторых, его личным ресурсом, поскольку он передается конкретному управленческому работнику в личное использование на время исполнения им конкретных должностных обязанностей.

Объем полномочий, которые составляют содержание такого ресурса, формально определен позицией управленческого работника в иерархии: каждой позиции соответствуют свои полномочия.

Право управлять – важнейший ресурс управленческого работника. Уникальность его состоит в том, что наличие права управлять легитимизирует его деятельность, т.е. делает ее законной. Право управлять, как ресурс, дает законные основания управленческому работнику руководить своими подчиненными и управлять ресурсами муниципального образования. В конкретной иерархии каждой должности заранее приписаны определенные содержание и объем прав, определяемые исходя из управленческой целесообразности.

Профессиональные ресурсы. Признаком профессии управленческий работник, как и вообще любой другой профессии, является обладание соответствующим опытом и специальными знаниями. Без опыта управления и наличия соответствующих знаний эффектив-

ная профессиональная деятельность управленческого работника на любом уровне деятельности практически невозможна. Тот факт, что накопленные знания и опыт управленческий работник использует непосредственно в своей деятельности, позволяет считать их профессиональным личностным ресурсом.

Опыт и знания представляют собой личный ресурс уже в силу того, что они принципиально не могут быть отделены от данной личности, которая является их носителем и без которой они не могут существовать. Профессиональные ресурсы могут устаревать, изменяться в объеме, но они никаким образом не могут быть отторгнуты от личности.

Таким образом, под профессиональными личностными ресурсами управленческого работника мы понимаем специальные знания и опыт практической управленческой деятельности, которыми он владеет и которые может использовать в своей деятельности. Профессиональные ресурсы управленческого работника должны содержать три составляющие, условно назовем их управленческая (административная), технологическая и специальная:

– управленческая (административная) составляющая включает знания и практические навыки, непосредственно применяемые при управлении людьми, например, принятие решений, подготовка управленческих воздействий и выдача их в среду подчиненных работников, непрерывное взаимодействие с ними, формирование деловых характеристик производственной микросреды, ее организационной культуры и прочее;

– в технологическую составляющую входят знания из области технологии управляемых производственных процессов;

– специальная составляющая может включать в себя весьма разнообразный багаж опыта и знаний, состоящий из делопроизводства, документооборота, проведения совещаний, организации переговоров, знания иностранных языков, умения управлять автомобилем и многого другого, что не может быть включено ни в управленческую, ни в техноло-

гическую составляющие. Однако без обладания этими навыками эффективное исполнение обязанностей управленческого работника вряд ли возможно.

По мере продвижения карьеры управленца состав и значение каждой составляющей может существенно изменяться.

Источником профессиональных ресурсов служит сама личность, самостоятельно прилагающая усилия для получения специальных знаний и осмысленного накопления управленческого опыта (главным образом в форме обучения и самообучения). Этот источник играет наиболее важную роль на самых нижних ступенях карьеры менеджера. Однако возможности его весьма ограничены. Это начинает проявляться, когда встает вопрос о продвижении управленческого работника по службе на средние и верхние уровни иерархии.

Косвенным источником профессиональных ресурсов является право руководить: постепенный карьерный рост с расширением этого права создает условия для соответствующего наращивания и специализации профессиональных ресурсов. Это означает, что, для того чтобы получить опыт руководящей деятельности на каком-либо уровне иерархии, нужно предварительно занять этот уровень. Далее, чем более высокую должность занимает человек, тем шире и разнообразнее становятся его профессиональные ресурсы.

Здесь мы привели общее описание профессиональных ресурсов и показали место, занимаемое ими в общей структуре личностных ресурсов управленческого работника.

Психологические ресурсы. Общепринятым в психологии считается, что личность человека формируется как совокупность черт, определяющих своеобразное для данного человека мышление и поведение.

Под психологическими ресурсами управленческого работника понимают систему психологических характеристик личности, которые устойчиво проявляются не только в стиле поведения, но и в стиле мышления, в инди-

видуальных особенностях принятия и реализации решений.

Общая классификация психологических ресурсов управленческого работника предполагает их разделение на три основные группы:

- общие деловые характеристики;
- специфические управленческие характеристики;
- дополнительные характеристики, состав которых определяется спецификой управленческой деятельности и позицией руководителя в иерархии управленческих работников.

К группе общих деловых характеристик относится ряд общих психологических характеристик, с помощью которых можно описать стиль делового поведения управленческого работника. К основным характеристикам этой группы относятся следующие.

Это, прежде всего, компетентность, под которой понимается не только конкретный уровень знаний, их широта и структура, но и психологические способности личности руководителя, позволяющие непрерывно поддерживать профессиональную компетентность на необходимом актуальном уровне.

Общим аналогом таких качеств, как активность, инициативность, расторопность, толковость является деловитость.

Важное значение в сфере управления приобретает работоспособность, которая рассматривается как потенциальная возможность индивидуума выполнять целесообразную деятельность на заданном уровне эффективности в течение определенного достаточно длительного времени.

Организованность, которая сама по себе является универсальной характеристикой, способной повлиять на успешность любой человеческой деятельности, однако, будучи наложенной на перечисленные характеристики, приводит к проявлению таких качеств, как высокая исполнительность, пунктуальность, высокая степень личной инициативы, умение самостоятельно организовать свою работу; способность быстро принимать решения и действовать без промедления, умение координиро-

вать действия и процессы, сохраняя контроль над ходом нескольких дел одновременно, способность оперативно реагировать на любое отклонение от плана и др.

В группу специфических управленческих характеристик включен ряд характеристик личности, обладание которыми принципиально важно именно для управленческого работника и не имеет такого значения для рядового специалиста.

Прежде всего, такой характеристикой является системное мышление. Принимая очередное управленческое решение, руководитель пытается найти именно ту совокупность связей и отношений между работниками и ресурсами, которая обеспечит достижение цели или решение задачи. Обладать системным мышлением руководителя означает быть способным находить такие связи и отношения между работниками и ресурсами, которые превращают это множество в систему, обеспечивающую достижение заданного результата управления.

В общем случае в эту систему включены не только подчиненные ему работники и ресурсы, но и партнеры, клиенты и вообще все факторы, которые участвуют в достижении результата управления. Ясно, что чем сильнее у руководителя выражена способность к системному мышлению, тем более эффективное решение будет найдено.

Другой важнейшей характеристикой группы специфических управленческих характеристик является деловая ответственность управленческого работника. Она выступает как одна из составляющих его психологических ресурсов и включает осознанную готовность и стремление выполнять свои обязанности так, чтобы полностью реализовать принятую им ответственность за результаты управления, а также готовность отчитываться за результаты управляемого производственного процесса, за собственные действия, за действия своих подчиненных и их последствия. Обладание чувством высокой ответственности само по себе не гарантирует достижения результата управления, но, во всяком случае, гарантирует, что при

таком ресурсе личность приложит максимум стараний для этого.

Деятельность практически каждого управленческого работника, особенно на верхних уровнях управления, объективно и неизбежно протекает в условиях особых управленческих рисков. Независимо от того, делает он это осознанно или нет, управленец вынужден непрерывно оценивать риски, сопутствующие его деятельности. Вследствие этого процесс подготовки и принятия каждого управленческого решения, так или иначе, включает операцию оценки рисков. Естественно, что руководитель, декларирующий свою ответственность за результат и обладающий этим качеством, должен быть готов к работе в условиях специфических повышенных рисков.

К группе специфических управленческих характеристик руководителя следует отнести такие его качества, как лояльность и конформизм.

Конкретизируя понятие лояльности с учетом управленческого контекста, получим: лояльный – хранящий верность управленческой иерархии, корректно относящийся к установленным в ней отношениям, соблюдающий культуру подчиненности.

В основе лояльности управленческого работника лежит осознание им объективной необходимости быть лояльным по отношению к иерархии. Одним из источников лояльности является преобладающая в обществе общая культура добропорядочности, культура подчинения, традиции взаимоуважения.

Следует отметить, что в большинстве случаев системы ценностей личности и управленческой иерархии не совпадают. Тем не менее, управленческие иерархии, как правило, устойчивы, и управленческие работники, стремясь к лояльности, приводят в соответствие, т.е. осознанно согласовывают собственные представления о ценностях и целях с представлениями, господствующими в иерархии. Если руководитель не может произвести подобные манипуляции над собой, то соглашение о лояльности между ним и иерархией ста-

новится невозможным.

Таким образом, способность к осознанному приспособлению ценностных и целевых установок личности или к их временной нейтрализации в ответ на требования иерархии представляет собой еще одну характеристику личности управленческого работника, которую можно определить как конформизм.

Значение способностей личности к конформизму трудно переоценить. Одним из источников устойчивости общества и его иерархий как раз и является способность к конформизму его членов, поскольку именно конформизм, например, является одной из основ компромисса.

Завершая рассмотрение общей структуры личностных ресурсов руководителя, необходимо отметить, что они, образуя единую систему, обладают свойством взаимного влияния друг на друга. В этом состоит одно из системных свойств личностных ресурсов управленческого работника: изменение ресурсов одного вида может создавать необходимые условия для изменения ресурсов другого вида. Это свойство обеспечивает способность системы ресурсов приходиться в состояние внутреннего баланса, при котором сохраняется условие их взаимного соответствия.

Таким образом, можно резюмировать, что ресурсы управленческого работника представляют собой ту совокупность различных средств, которыми он лично располагает и может использовать в процессе управленческой деятельности.

С.А. Дружилов называет эту совокупность свойств индивидуальным ресурсом профессионального развития (ИРПР) – Individual Resource of Professional Development (IRPD) [6].

Профессионал – это человек в целом (и биологический индивид, и личность, и субъект деятельности, и индивидуальность). Поэтому при изучении ИРПР следует учитывать все уровни человека: индивидуальный (конституцию, тип нервной системы); уровень личности (мотивацию, самооценку, систему отношений и

т.д.); субъектный (профессиональные знания, умения, навыки) и уровень индивидуальности (индивидуальный стиль деятельности, особенности адаптации, жизненный опыт и др.).

В научной литературе имеются предпосылки для рассмотрения внутренних ресурсов человека как источников его эффективной деятельности.

В социологии труда используется понятие «личностный потенциал работника». Он характеризует внутреннюю физическую и духовную энергию человека, его деятельную позицию, направленность на творческое выражение и самореализацию. В рамках личностного потенциала человека выделяют психофизиологический, трудовой и творческий потенциал [7]. В психофизиологический потенциал включают задатки, тип нервной системы, темперамент, эмоционально-волевую сферу человека, его работоспособность. Трудовой потенциал связывают со способностями и готовностью к труду в условиях рынка, профессиональными знаниями и умениями, профессиональными навыками, мотивами трудовой деятельности, а также идентификацией работника с коллективом. К творческому потенциалу отнесены интеллект, креативные и лидерские способности.

Задача выявления комплекса свойств, входящих в состав индивидуального потенциала профессионального развития человека, еще требует своего решения. Но уже сейчас можно подчеркнуть важность для ИРПР трех видов способностей человека:

- 1) развивать свои умения и навыки;
- 2) избирательно активизировать формы активности, значимые для конкретной профессиональной ситуации;
- 3) адекватно устанавливать уровни своей активности, перераспределяя свои внутренние резервы.

В состав ИРПР входят также психофизиологические и психические свойства человека, которые позволяют точно, своевременно и адекватно воспринимать профессионально важные информационные признаки; интеллек-

туальные качества, способствующие установлению значимости сигналов и обеспечивающие процесс когнитивного научения, а также знания как результат этого научения.

К ресурсу профессионального развития А.С. Дружилов относит и физическую тренированность человека. Это свойство сначала обеспечивает работоспособность в условиях учебной организации деятельности, затем адаптацию к профессиональной среде и устойчивую работоспособность, быстрое восстановление после неблагоприятных воздействий. Высший уровень физической тренированности обеспечивает устойчивость к экстремальным нагрузкам, широкому диапазону воздействий физической и профессиональной среды.

Наличие у человека достаточного ИРПР обеспечивает возможность его профессионального развития. Однако пути, которые он выбирает для продуктивного использования своих ресурсов, могут быть различными. Успех при этом определяется не столько самими ресурсами (ресурсным потенциалом), сколько тем, насколько продуктивно они используются.

Ресурсный потенциал профессионала (как индивида, личности, субъекта труда и индивидуальности) – это *интегральная способность* человека, которая позволяет ему не только адаптироваться к разнообразным условиям профессиональной среды, но и *активно противостоять* «возмущающим» воздействиям различных видов нагрузки, а также обеспечивает стабильно высокую эффективность деятельности.

В содержание ресурсного потенциала человека как некоторой интегральной способности должен входить интеллект. Интеллект обуславливает адаптацию человека к новым условиям и успешность для большинства видов профессиональной деятельности. В соответствии с концепцией «интеллектуального порога» Г. Перкинса, для каждой профессии существует нижний пороговый уровень интеллекта. Если интеллект у человека *ниже* этого уровня, он не сможет работать; однако превы-

шение интеллекта «порогового» уровня часто не дает прироста продуктивности. Успешность профессиональной деятельности будет определяться *мотивацией, личностными чертами, системой ценностей* и т.д.

Не нуждается в доказательстве тезис, согласно которому в профессиональном развитии человека *природное и общественное, биологическое и социальное* – это, прежде всего, *предпосылки*, из которых человек сам строит свой профессиональный путь. Основным же фактором профессионального развития является внутренний мир человека, его активность, потребность в самореализации.

По мнению зарубежных исследователей (М. London, E.M. Moon, 1987; A. Howard, D.W. Bray, 1988; D.T. Hall, P.H. Mirvis, 1995), профессиональный рост осуществляется благодаря особым, так называемым метанавыкам, к которым относятся:

- 1) быстрое освоение новых способов обучения и самообучения;
- 2) развитая способность к саморефлексии;
- 3) высокая адаптивность;
- 4) высокий уровень самооэффективности, иными словами, осознанная способность справляться с различными ситуациями в ходе осуществления служебной деятельности.

Назовем основные методологические принципы, на которые необходимо опираться

при обосновании и определении составляющих и структуры ИРПР – *индивидуального ресурса профессионального развития*.

1. *Системный подход* (Б.Ф. Ломов, 1975; 1984), отражающий законы взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов системы «человек-профессия».

2. *Деятельностный подход* (А.Н. Леонтьев, 1975), позволяющий установить причинно-следственные связи на разных уровнях макроструктуры профессиональной деятельности и проникнуть в суть явлений, определяющих особенности формирования и проявления ИРПР.

3. Положения *личностного подхода* (К.К. Платонов, 1965), позволяющие связать ИРПР человека не только с его профессиональными характеристиками, но и с особенностями мотивационной, когнитивной, эмоционально-волевой, характерологической и др. сферами личности.

4. Принцип *комплексности*, требующий проводить оценку ИРПР с помощью набора валидных и надежных методик.

5. Принцип *научной обоснованности*, согласно которому методические рекомендации, полученные для конкретной профессии, не могут быть использованы для других, даже близких по внешним признакам профессий без специальной научной проверки и адаптации.

Литература

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания* / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

2. Платонов К.К. *Краткий словарь системы психологических понятий* / К.К. Платонов. – М.: Высшая школа, 1984. – 174 с.

3. Маркова А.К. *Психология профессионализма* / А.К. Маркова. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.

4. Зеер Э.Ф. *Кризисы профессионального становления личности* / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сьма-

нюк // *Психол. журн.*, 1997. – № 6. – С. 35-44.

5. Почебут Л.Г. *Организационная социальная психология* / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2000. – 298 с.

6. Дружилов С.А. *Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития* / С.А. Дружилов. – Новокузнецк: ИПК, 2002. – 242 с.

7. Ромашов О.В. *Социология труда* / О.В. Ромашов. – М.: Гардарики, 1999. – 320 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Areas of expertise: philosophy of loneliness, gender research, business communications



КНИГОГРАД



Немчин Н.П. Применение нелинейного программирования в технике и геомеханике: научное издание / Н.П. Немчин. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 202 с.

Монография написана на основе ранее опубликованных работ автора.

В данном научном издании разработана программа нелинейного программирования, удобная для технических специалистов. Применение этой программы предлагается для многокритериальной оптимизации технических проектов, а также для решения систем нелинейных уравнений в геомеханике.

Монография предназначена для научно-технических работников, инженеров и аспирантов технических специальностей, интересующихся проблемами применения нелинейного программирования в технике и геомеханике

Еникеев Ф.И. Гляциальный морфогенез и россыпеобразование Восточного Забайкалья: научное издание / Ф.И. Еникеев, В.Е. Старышко. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 370 с.

Рассматриваются условия формирования золотоносных россыпей в области неоплейстоценовых оледенений. Составлены палеогеографические карты самаровского, тазовского, муруктинского и сартанского оледенений Восточного Забайкалья и сопредельных территорий. Приведены методы и способы восстановления размеров и мощностей ледников. Выяснение характера осадконакопления разновозрастных ледниковых и приледниковых образований базируется на результатах различных видов исследований: гранулометрический, силикатный, шлиховой, минералогический по фракциям. Оценивалась также окатанность обломочного материала, устанавливался его петрографический состав, проводилось определение объемного веса грунта и др. Для выяснения возраста отложений использовались радиоуглеродные, термолюминесцентные, варвометрические определения, палинологический, палеонтологический и диатомовый анализы. Неоплейстоценовая гляциальная литодинамика, затрагивающая «рудогенный рельеф» золоторудных, золотороссыпных узлов и площадей, приводит к экзарации коренных проявлений золота, ассимиляции доледниковых россыпей, транзиту и отложению металлогенного материала в краевых, конечных и стадийных образованиях. Рассматриваются различные критерии их формирования. Предложены способы определения местонахождения ГЛД-россыпей и методика оценки их прогнозных ресурсов.

Монография предназначена для геоморфологов, палеогляциологов и геологов, занимающихся поисками россыпей и изучающих кайнозойские отложения



ОГЛАВЛЕНИЕ

Колонка редактора	3
Работа диссертационных советов ЧитГУ во втором полугодии 2009 г.	4
Научная жизнь	9

Культурология

В. Цзянь Символизм китайской живописи V. Czin Symbolism of Chinese Paintings	13
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Казакова Е.Ю. Семиотическая категория «молчание» как способ познания этнической культуры E. Kazakova Semiotic Category «Silence» as a Way of Learning Ethnic Culture	19
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Перевалова К.Г. Дискурсообразующие концепты политической культуры K. Perevalova Discourse-Forming Concepts of Political Culture	25
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Науки о земле

Лизункин В.М., Закиев Р.Б., Гаврилова Н.А. Оптимизация параметров рядной системы скважинного подземного выщелачивания на основе многоствольных скважин для условий Хиагдинского месторождения V. Lizunkin, R. Zakiev, N. Gavrilova Parameter Optimization of Underground Borehole Leaching System on the Basis of In-line Multi-Shaft Boreholes for Hiagda Deposit Conditions	29
------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Мязин В.П., Павленко Ю.В, Сергеенко Е.Н. Экологическая безопасность рентгенорадиометрической сепарации сурьмяных руд Восточного Забайкалья V. Myazin, Yu. Pavlenko, E. Sergeenko Environmental Safety of X-Ray Radiometric Separation of Antimony Ores Mined in Eastern Transbaikalia	36
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Пирогов Г.Г., Пакулов В.В. Экономическая оценка новой технологии разработки маломощных крутопадающих жил G. Pirogov, V. Pakulov Economic Assessment of New Mining Technologies for Thin Steeply Dipping Lodes	45
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

Романов В.Г.

Горно-геологическая информация: понятие, особенности, свойства

V. Romanov

Mining and Geological Information: Notion, Peculiarities, Properties 49

Романова М.В.

Особенности свойств грунтов г. Чита, вызывающие геотехнический риск

M. Romanova

Peculiarities of Properties of Chita Grounds Causing Geotechnical Risk 57

Салихов В.С.

Объемная подвижность гранитоидов и их эксгумация

(на примере массива «Сосновый бор», Центральное Забайкалье)

V. Salikhov

Bulk Mobility of Granitoids and their Exhumation

(by the Example of “Sosnovy Bor” Massif, Central Transbaikalia) 64

Тюпин В.Н., Михайловский А.В.

Действие взрыва в напряженном трещиноватом горном массиве

при проведении горных выработок и железнодорожных тоннелей

V. Tyupin, A. Mikhailovsky

Blast Effect in Prestressed Fractured Rock Massif at Driving of Mine Workings

and Railway Tunnels 74

Педагогика

Вежевич Т.Е.

Расширенное воспитательное пространство как целостная среда

субъектного становления патриота

T. Vezhevich

The Extended Educational Space as the Integral Environment of

Subject Development of the Patriot..... 79

Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л.

Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири,

Дальнего Востока России и Северо-восточных провинций Китая

Yu. Reznik, T. Guruleva

Premises and Problems of Formation of International Multicultural

Educational Region of Siberia and Far-east of Russia and North-Eastern Provinces of China 85

Психология

Симатова О.Б.

Теория копинг-поведения как основа первичной психолого-педагогической профилактики

аддиктивного поведения подростков

O. Simatova

The Theory of Coping Behaviour as a Basis of Primary Psychological and Educational Prophylaxis of Teenagers' Addictive Behaviour 93

Право

Туганов Ю.Н., Аулов В.К.

Краткий правовой анализ основных новелл проекта федерального конституционного закона «О дисциплинарном судебном присутствии»

Yu. Tuganov, V. Aulov

Brief Legal Analysis of the Basic Amendments to the Project of the Federal Constitutional Law «On Judicial Disciplinary Tribunal» 99

Ким Е.П., Ким В.Е.

Методы изучения криминологической безопасности личности в быту

E. Kim, V. Kim

Methodological Research Foundations of Providing Criminological Security in Private Life 106

Политология

Соловьева В.Н.

Внутренняя и внешняя политика Китая в условиях традиционной глобализирующей власти

V. Solovyeva

Domestic and Foreign Policy of China in Conditions of Traditional Globalizing Authority 114

Шемелин А.В.

Реформирование избирательной системы в России: в начале пути

A. Shemelin

Commencement of Electoral System Reforming in Russia 120

Филология

Варламов А.Н.

«Летописная» история в исторических преданиях эвенков

A. Varlamov

"Annalistic" History in Historical Legends of the Evenks 126

Жаткин Д.Н., Чернин В.К.

«Королевские идиллии» Альфреда Теннисона в переводческой интерпретации О.Н. Чюминой

D. Zhatkin, V. Chernin

Alfred Tennyson's «Idylls of the King» in the Interpretation of O. Chumina 132

Надеина Л.В.

Ориентационные метафорические модели движения в русских народных говорах
(на примере глаголов движения по направлению вверх)

L. Nadeina

Orientation Metaphorical Models of

Motion in Russian Dialects (by the Example of Verbs Denoting Motion of Upward Direction) 139

Пономаренко Т.О.

Особенности распределения графических дублетов в житии Нифонта 1222 г.

T. Ponomarenko

Peculiarities of the Distribution of Graphic Doublets in the Life of St. Nifont (1222) 145

Толстая А.Л., Боженкова Н.А.

О явлении антонимии в газетно-публицистическом типе текста
(на примере русского и немецкого языков)

A. Tolstaja, N. Bozhenkova

On Antonymy Phenomenon in Modern Publicistic Texts (on a Material of the

Russian and German languages) 150

Топоева А.О.

О структуре ассоциат прилагательных *strong* – *сильный* в языковом сознании
носителей русского и английского языков

A. Topoeva

On Structure of Associations of the Adjectives *Strong* – *Сильный* in Linguistic

Consciousness of Native Speakers of Russian and English Languages 157

Трофимова Ж.В.

Неопределенно малое количество в сфере эмоций
(на материале английского языка)

Zh. Trofimova

Indefinably Low Quantity in Emotional Sphere (on the Material of English Language) 161

Философия

Жуков А.В.

Роль православия в формировании конфессионального пространства
Байкальского региона: философская дискуссия

A. Zhukov

Role of Orthodoxy in Formation of Confessional Sphere of the Baikal Region:

Philosophical Discussion 167

Карavaев Н.Л.

Знание как содержание интеллекта

N. Karavaev

Knowledge as Essence of Intelligence 173

Фомина М.Н.

«Вечные проблемы» философского диалога

M. Fomina

“Eternal Problems” of Philosophic Dialogue 178

Шугаев А.В.

Правовая основа деятельности национального телевидения КНР

A. Shugaev

The Legal Base of the National Television in China 183

Социология

Романова Н.П.

Личностные ресурсы управленческих работников Забайкалья как
основа их профессиональной компетентности

N. Romanova

Personal Resources of Transbaikalian Managers as Basis of Their Professional Competence 188

Книгоград 197

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 (57)

2009

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 27.12.2009

Сдано в производство 25.12.2009

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 20,0

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура литературная

Усл. печ. л. 19,1

Заказ № 173

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
РАБ. ТЕЛ.: 41-67-18